АЛЬТС ГЕЙМЕР
ОДИН ИЗ ДЕМОНОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Недалекое будущее. Информационные технологии победили, и у населения произошла полная отцифровка сознания. Деньги исчезли подобно подтяжкам и запонкам, их заменили кэш-беки за добродетельные поступки. Земная Метрополия строит на планете Рай и ведет ожесточенную войну с инакомыслящими. Но, к сожалению, для простых людей, одним Раем решили не ограничиваться.

•

Линия Моллоя. Система ищет жертву.

Их было четверо – соискателей на должность помощника руководителя спецпроекта «А– Консент–Д». Разные рост и цвет волос, но Полди поймал себя на мысли, что они все равно похожи друг на друга. Возраст где-то между прыщавым оптимизмом и отливающей сединой недоверчивостью; белые комбинезоны управленцев, молодых профессионалов с коммуникаторами класса «А»; на физиономиях горделиво светился отпечаток амбиций. Который, впрочем, моментально слетел с претендентов, едва они вышли из лифта на нужном этаже. Скоростной подъемник выпустил их в небольшой круглый холл, со столом охранника в виде геометрического центра. Рядом с сотрудником службы безопасности стояли и негромко беседовали трое мужчин. Когда они машинально обернулись к посетителям, Полди испытал безотчетное желание втянуть голову в плечи. Он вдруг почувствовал себя довольным жизнью породистым псом, которого зачем-то взяли и зашвырнули в клетку к диким волкам. А те рассматривают новичка с чисто плотоядным интересом, очевидно прикидывая, какую именно часть оторвать от него в первую очередь. Похоже, что и остальные соискатели испытали аналогичные чувства, потому что вслед за неловкой паузой самый смелый из них робко пискнул охраннику:

– Нам было назначено…

Туловище стража распрямилось вертикально вверх, словно стальная пружина.

– Следуйте за мной, – отрезал он.

Темно-синяя униформа проекта «А-Консент-Д» сидела на его поджаром теле словно вторая кожа, а осанка вызывала ощущения, что у охранника вместо позвоночника вставлен железный штырь.

Трое двуногих хищников, которые в безмолвии остались за их спинами держались не менее прямо. Военные, бывшие военные, наконец, догадался Полди. Он мог сообразить и пораньше, но непонятной природы испуг помешал разуму. С чего бы? Они находятся в сердце столицы Земной Метрополии – Венторисе, самом безопасном месте на планете, в главном офисе Райских парковых зон – сбывшейся светлой мечты человечества, а он боится? Почему?

Охранник довел группу претендентов до нужной двери, встал напротив нее, а руку вытянул поперек коридора будто шлагбаум. Его двойной посыл был предельно ясен: «Ребята, вам туда», и одновременно: «Что находится дальше по коридору, вас не касается». Движения стража были полны нерастраченной энергии, уголки губ подрагивали, словно хотели сдержать усмешку. А может быть, Полди просто лезут в голову дурные мысли? И неизвестно откуда плеснувшую по телу волну озноба вызвал невинный сквозняк из открытого окна, а не предчувствие чего–то скверного впереди? Полный сомнений, он последним перешагнул через порог кабинета.

Про новую работу болтали разное. Безусловно, она была связана с Райскими парковыми зонами, но никто толком не знал, как именно. Но даже, несмотря на прямое отношение проекта «А–Консент–Д» к новой волшебной сказке Земли, вокруг него клубились по большей части недобрые слухи.

Любители сплетен полушепотом сообщали о грандиозной стройке на юге Европы, о мгновенной ротации рабочих бригад и о полном отсутствии какой–либо определенной информации. А уж про человека, который стоит во главе проекта, так и вовсе ходили самые невероятные кривотолки. Дескать, все возглавляет не то религиозный фанатик, не то самый настоящий сумасшедший. Как же он тогда смог протащить свою задумку через Ассамблею Метрополии? Непонятно. Тревожное состояние Полди усилилось, когда один из кандидатов доверительно наклонился к нему и произнес:

– Говорят, что старик этот с большой придурью…

– Угу. Мне рассказывали, что он по пять раз на неделе меняет внешность, – перебил его второй претендент. – Типичный маньяк. А кто еще за такое возьмется? Я из надежных источников знаю – нам предстоит разработать новую кастовую градацию, взамен системы Дюфора. Жесткий дедлайн! А какая ответственность? Доходы, правда, невероятные. И всевозможные льготы. Если бы не это, ни за что бы не согласился!

Третий участник их группы ничего не сказал. Он был занят тем, что разглядывал помещение, в котором они находились.

Полди последовал его примеру.

Когда перед ними открылась полупрозрачная стеклянная дверь, похожая на оранжевую линзу, он ожидал увидеть внутри просторный кабинет, солнечные блики на белых офисных столах, а попал не то в музей, не то на площадку исторической реконструкции. Внутри все было перегорожено массивными деревянными шкафами, на полках которых теснились всамделишные бумажные книги. Странно. Из окон комнаты виднелась верхняя часть стоэтажного Рифового Серпантина, гордости Метрополии, а тут, в обиталище одного из руководителей Департамента Рая царила замшелая древность. Вообще–то, интерьерный стиль «кастелло» снова входил в моду среди дизайнеров, но там древние фолианты заменялись искусной имитацией, а здесь, Полди готов был в этом поклясться, стояли подлинные печатные издания. Запах. Он наверняка исходил именно от книг. Молодой человек даже невольно понюхал лацкан своей рубашки – не пропитался ли он сам флюидами ветхой бумаги, но его нос ткнулся в острую грань коммуникатора, и Полди чихнул. Потом еще раз. Испытывая неловкость, он шагнул к ближайшему стеллажу и вытащил первый попавшийся фолиант. Открыл наугад, в глаза бросились строчки:

«– Подлинная жизнь отсутствует,
Мы пребываем вне мира,
Я иду туда, куда он идет.
Так надо.
И часто я, несчастная душа,
Накликаю на себя его гнев,
Он демон.
Ты же знаешь…»

Полди захлопнул книгу. Натуральная кожа на обложке ласкала пальцы. Золотое тиснение на ней гласило: Артюр Рембо, «Одно лето в аду». Полди аккуратно поставил печатный труд на полку, и отшагнул на свое исходное место. Странно. Все очень странно. Претендент, что разглагольствовал про маньяка насмешливо хмыкнул:

– Я тоже глянул на подборку. Сплошная мистика. Вергилий «Энеида», Данте и все в том же ключе. Хранилище никчемного барахла. Надеюсь, что дело будет стоить потерянного дня.

Он, похоже, уже освоился и чувствовал себя непринужденно. Но насчет барахла ошибся. Не все в кабинете было старым и никчемным. На стене, справа от Полди, в два ряда висели вполне себе современные пленочные мониторы, на которых застыли картинки непонятных, но жутких пейзажей. Числом ровно семь.

Один из них походил на извержение вулкана за минусом самого вулкана – лавовые поля, гейзеры и дымные испарения, но причины катаклизма нигде не просматривалось. Второй являл собой стылую пустыню. На остальных неизвестный автор запечатлел столь же непривлекательные места, за исключением нижнего крайнего, на котором не было ничего, кроме сгустков белого тумана.

А на противоположной стене также висели картинки, только это были репродукции полотен живописи. Их объединяло одно общее свойство – все они изображали неизвестных науке животных, каждое из которых вполне могло стать главным персонажем ночного кошмара. Твари, что никогда не рождались под Солнцем Земли взирали на людей с этих картин. Их вид вызывал брезгливое отвращение. Полди заметил, что первый претендент внимательно разглядывает репродукции через призму своего коммуникатора. Решил заснять на память?

В проходе между шкафов неожиданно появилась седая голова. Потом на вертикальную деревянную панель легли две кисти рук. Хозяин кабинета, похоже, не решился сразу пройти к посетителям, а предпочел сначала осторожно высунуться из–за стеллажа. Для этого ему, наверное, пришлось согнуться под углом в девяносто градусов. Выглядело это, по меньшей мере, необычно.

Соискатели переглянулись.

– Потеха начинается, – одними губами произнес словоохотливый кандидат.

Глава проекта «А–Консент–Д» несколько секунд обозревал четверку претендентов, а те, в свою очередь, пялились на него. Вид у влиятельного чиновника был, пожалуй, даже более странный, чем принятая им поза. Половина его лица состояла из пышных усов, которые закручивались по румяным щекам и превращались в косматые бакенбарды. Вся эта растительность не была тщательно ухожена и расчесана, от чего человек до смешного напоминал барсука после линьки. Его возраст мог свободно колебаться в пределах от сорока до семидесяти лет.

Хозяин кабинета, видимо, составив для себя первое впечатление о соискателях, отлепил пальцы от шкафа и окончательно предстал перед гостями. Роста он был невысокого, и казался еще ниже, потому что потешно, по–птичьи, пригибал голову, будто хотел взглянуть на собеседника от самой земли.

– Ага! – воскликнул он. – Значит, вы – те самые юные дерзновенные личности, что готовы посвятить свою жизнь великому делу? Приятно, приятно видеть такой энтузиазм.

Третий, доселе не проронивший ни слова, соискатель сделал

маленький шаг вперед:

– Простите, мы только что подписали договор о неразглашении информации…

– Да–да, верно! Нам сейчас может сильно навредить любая утечка.

– И там был пункт о финальном тесте на пригодность. В самом низу. Мы поставили свое согласие, но хотелось бы подробнее ознакомиться с его сутью…

– Ха–ха! Последний тест? Отлично. Вы внимательны. Это не помешает. Но! О тесте – чуть позже. Все дела потом, а сейчас – по бокалу замечательного коктейля. Так сказать, обряд инициации.

Мохнато–усатый начальник быстро открыл деревянную дверцу небольшого бюро и извлек оттуда круглый поднос с пятью фужерами, до половины наполненными зеленоватой жидкостью.

– Мой личный рецепт. Расслабьтесь. Сегодня у нас в программе только развлечения. А именно – кроуд-файтинг. Излюбленное игрище нашей планеты.

– Я уже три года имею честь быть вторым пилотом краулера, – веско заявил первый соискатель.

– И я! Я – стрелок страйдера! Я – тоже! – разом воскликнули остальные, причем Полди принадлежала последняя реплика.

– Удивительное совпадение, – хихикнул хозяин кабинета и хитро подмигнул. – Ну, разбирайте бокалы, они тяжелые! Мне ваш спорт напоминает брачные игры богомолов. После красочного вступления следует смертельная схватка. Вернее, смертельная она обычно для механизмов. Их операторы редко получают травмы, не так ли?

– Нас обычно спасает карбоновый каркас и термозащитная одежда, – ответил третий претендент, а потом закатал рукав продемонстрировал уродливый шрам. – Но не всегда.

– Три ребра под замену, – второй претендент решил не отставать от конкурента.

А вот Полди не стал упоминать о двух собственных переломах лодыжек, поскольку пока не знал – в плюс или в минус это будет засчитано.

– Увы, увы, народ нуждается в ярких впечатлениях, поэтому без членовредительства никак, – вздохнул высокий чиновник. – Но обратите внимание, как важно данное развлечение для простого люда. Там делаются ставки, на дуэлях роботов разрешаются споры. А финансирование? Не забывайте, что каждый механизм создается на донорские пожертвования. По сути своей, он – плод коллективного сотрудничества сотен граждан. Мы немедленно отправляемся во Дворец кроуд–файтинга!

Усатый коротышка лихо вскинул вверх свой бокал:

– Чиз–з–з! Что, приятно холодит? – весело спросил он, когда увидел, как перекосились лица претендентов от его коктейля. – Неудивительно, в составе присутствует перечная мята. До дна, любезные, не нужно изображать передо мной праведников! Тем более, что собрались мы ровно по противоположному поводу. Как, позвольте, это говорится… «И боязливых же, и неверных, и скверных, и убийц, и любодеев, и чародеев, и идолопоклонников, и лжецов участь в озере, горящем огнем и серой. Это смерть вторая». Вижу на вашем лице непонимание. Я цитирую Библию, Откровение, стих восьмой. К нашей будущей работе этот отрывок будет иметь самое непосредственное отношение.

Претенденты изумленно переглянулись. Что он имеет в виду?

– Вы являетесь поклонником инфернальной живописи Уэйна Барлоу? – осторожно нарушил молчание первый соискатель.

А вот для чего он снимал репродукции на коммуникатор! Решил блеснуть эрудицией?

– Да, он – один из источников моего вдохновения, – беззаботно кивнул директор проекта. – Ага, ставьте посуду обратно на поднос. Позже ассистент заберет ее. Я сейчас отлучусь переодеться, а вы пока осваивайтесь.

С этими словами человечек, пятясь задом, ввинтился в проход между книжными шкафами и пропал из виду. Молодые люди в очередной раз недоуменно посмотрели друг на друга. От подношения будущего начальника у каждого из них онемело горло.

– Ну и дрянь! – просипел первый.

– Не знаю насчет мяты, но такой вкус должен быть у вытяжки эвкалипта, – обронил второй.

– Или у жидкого азота, – предположил Полди.

Третий, по своему обыкновению, промолчал.

Несмотря на то, что хозяин кабинета исчез, остался его голос. Он, казалось, звучал изо всех углов:

– Сотрудник, который будет работать со мной, должен находиться выше предрассудков, выше морали, выше обычных общественных ценностей. Мы строим сооружение, одна мысль о котором показалась бы нашим пращурам кощунством. Да что там! Если прямо сейчас провести опрос на улицах – половина людей будет в шоке, вторая половина просто не поверит! Понимаете, какими качествами должен обладать кандидат? Ему придется подавлять в себе многие порывы…Что такое? Першит в горле? Ничего, это нормально… «И не бойтесь убивающих тело души же не могущих убить, а бойтесь более Того, кто может и душу, и тело погубить в геенне». А это уже Евангелие от Матфея.

Полди подумал, что сильно обманулся. Странному усачу требовался только один помощник. Почему же их прислали всех четверых? Вероятно, окончательный отбор должен был произойти в результате загадочного последнего теста, о котором он и понятия не имел, пока не услышал слова о нем от третьего соискателя.

– Что есть человек разумный? – возник из воздуха неожиданный вопрос.

– Теплокровное млекопитающее, обладающее рассудочным мышлением, – не задумываясь, ответил второй кандидат.

– Ха–ха! Вы и вправду так полагаете? И какова доля этого самого рассудочного мышления в ваших решениях и поступках?

– Значительная…

– О! Это превосходно! Зна–чи–тель–ная… Значительная часть от нуля! Вот, что я вам скажу. Вы все, все до одного, пребываете в заблуждении, что управляете собой с помощью разума. Нет, нет и снова – нет! Мы – обычные животные, возомнившие о себе невесть что. Человеком до сих пор полностью руководят инстинкты. Они определяют сто процентов его поведения, сто процентов реакции на окружающее. И вам сейчас это будет доказано, мои дорогие претенденты. Принято думать, что все об этом знают, даже считают неприличным говорить на данную тему, поскольку сказано уже немало, но ни до кого не доходит вся ужасающая простота вывода – когда вы говорите с соседом по этажу, вы говорите с животным, когда вы видите на экране политика, вы видите животное, когда вы приглашаете девушку на свидание – вы приглашаете животное. И она, в свою очередь, идет на встречу с животным! Понимаете? К чему я это … Власть! О чем, в связи с таким устройством наших реакций, думает власть? Как работает система управления народом, спросите вы? Очень просто, отвечу я. Во все времена власть постоянно обращалась к гласу разума, она взывала к рассудку. Но! Воздействовать при этом она предпочитает исключительно на инстинкты. Так надежнее.

Вопреки прошедшему времени, онемение от коктейля не прошло, а напротив – усилилось. Полди чувствовал, как холод распространяется по телу. Желудок, вслед за пищеводом превратился в кусок льда, становилось трудно дышать. Со стороны остальных кандидатов послышался надсадный кашель. Перед глазами начали мелькать темные пятна.

– Что с вами? Кружится голова? Немеет гортань? Ничего не поделать – так работает токсин, который содержался в ваших напитках. Мне не нужны четыре помощника, мне достаточно одного, но очень толкового. А вас шлют и шлют, будто штат проекта безразмерный! Понимаете мои затруднения? В составе

коктейля есть вещество, от которого сначала наступает паралич гортани, а потом он расширяется на плевру и легкие. Я уверен, что вы это уже ощущаете. Стремительно холодеет в груди, так? Будет недостаток кислорода, начнутся видения, но ненадолго. Потом следует полная остановка дыхания. Такова фармокинетика токсина. Моя гордость! Я называю его «Расплата за грехи»!

На лицах претендентов сначала промелькнуло недоверие, которое тут же сменил панический ужас. Этот старик решил отравить их? Тут, прямо в здании Департамента Рая? Он действительно сумасшедший?! Видимо, безумный директор проекта наблюдал за ними, поскольку в ответ на выразительную мимику посетителей, он поспешил их успокоить:

– Нет, у меня и в мыслях не было вас убивать. Здесь, в помещении, где вы находитесь, есть противоядие. Оно ближе, чем вы думаете.

Словно по команде, они схватили свои коммуникаторы и начали вызывать службу спасения. Но тщетно. Сигнала не было. Кабинет, в котором они находились, оказался вне зоны связи. Это ловушка! Полди застыл на месте, а остальные кандидаты бросились к входной двери. Они шарили по ней в поисках ручки, пытались толкать, но все было бесполезно.

– Ну, зачем пытаться взломать дверь? Она крепкая, она выдержит. И совсем не обязательно царапать стекло ногтями. У вас сработал животный инстинкт самосохранения. Борьба за жизнь! Она побуждает к действию.

Претенденты метались по комнате, натыкаясь на книжные шкафы. Их ноги подгибались, тела переставали слушаться. Третий соискатель бросился в нишу, куда нырнул старик, но через секунду возвратился:

– Его нигде нет! Он удрал! – просипел бедняга.

Губы парня начали синеть. На Полди будто напал столбняк. Он не мог поверить, что это происходит на самом деле. Такого просто не может быть! А голос все звучал, он парил поверх общего смятения:

– Правильно, можно обследовать письменный стол. Но это непродуктивно. Неужели вы думаете, что я настолько глуп? Ваши инстинкты и рассудочное мышление – вот ключ, вот отгадка. Сможет ли разум взять верх над паникой? Инстинкт заставляет вас метаться, искать путь к спасению, в кровь плещет адреналин. Получится ли у рассудка подавить его уровень? Обидно видеть, что животное действие вновь доминирует над хладнокровным разумом человека!

Рассудок, паника, адреналин, самосохранение. Эти термины завертелись в голове у Полди, когда к нему вернулась

способность соображать. Может быть, попытаться отключить разум? Внушить себе, что ничего плохого не происходит? Или наоборот, отдаться на волю чувствам? Стоп! Этот маньяк сказал – взять верх над паникой! Полди сжал зубы так, что услышал противный скрип. Преодолеть ужас! Он с усилием загнал в легкие очередную порцию воздуха и начал аккуратно, толчками выбрасывать его через ноздри. Дышать носом! Попробовать сосредоточиться! Решение есть! Оно где–то рядом, но страх побуждает действовать, а не думать. Нужно подавить испуг, во что бы то ни стало. А прочие претенденты в отчаянии принялись крушить мебель и бросать все на пол. Вдруг один из молодых людей издал торжествующий хрип. Он заметил среди содержимого ящиков бюро пузырек с неизвестной жидкостью. Когда его дрожащие пальцы пытались откупорить крышку, ему в рукав рубашки вцепился другой соискатель. Они продолжали пихаться до тех пор, пока счастливый обладатель предполагаемого противоядия не опрокинул себе в рот весь флакон. Замер на несколько секунд, блаженно вращая глазами, но ожидания счастливчика развеял ехидный смешок отравителя:

– Хе–хе, зачем вы употребили жидкость для протирки оптики? Хорошо, что мне не пришло в голову хранить тут серную кислоту! На чем я остановился? Ах да, на взаимодействии правящих кругов с населением. Во все времена было принято обманывать последнее. Иногда – для его же блага, но чаще – в угоду интересам правителей. У вождей, собственные инстинкты, прошу не забывать! Вернее, так – инстинкты те же, но вектор иной. Поэтому народу говорилось то, что ему нужно было услышать. С веками это становилось легче. Странно? Ничуть. Сто пятьдесят лет назад жил один ученый по фамилии Шокли. Уильям Шокли, изобретатель биполярного транзистора, лауреат Нобелевской премии. Этот гений предложил принудительную стерилизацию людей с низким коэффициентом умственного развития. Чудовищно звучит, верно? А ведь он хотел сохранить нашу цивилизацию. В результате технического прогресса мы сломали хребет естественному отбору, когда выживали не только самые сильные, но и самые умные. Теперь закон защищает всех, даже дураков, которых становится все больше и больше. Это потому, что мы отобрали у природы право прополки слабых. Человечество глупеет в массе, быстро глупеет. Вот посмотрите на современные стандарты женской красоты. Спрашивается, куда из них делся интеллект, практическая сметка? Вы полагаете, что там их изначально не было? Ха! Я вам скажу – вы напрасно это полагаете! Когда интеллект понижается в массе, голоса инстинктов звучат в полную силу. Власти это выгодно.

Населением легче управлять. Вам известен парадокс Гегеля? «История учит человека, что он ничему не учится из истории». А теперь, уже скоро, будет и учиться некому. Вот, чего я опасаюсь.

Полди стоял с зажмуренными глазами, бессильно опустив руки вдоль тела. Будь что будет! Раздался грохот, от которого он вздрогнул и огляделся. Один из его собратьев по несчастью свалился прямо посреди кабинета. Двое других сидели, привалившись к стене около двери. По щекам ближнего к Полди парня ползли слезы ярости и отчаяния. Странно, но ему самому не стало тяжелее дышать. Яд словно стабилизировал свое действие. Внутренности по–прежнему сковывал холод, но ухудшения не было. Голос старика раздался совсем близко:

– Итак, что у нас происходит? Ага, наркотик подействовал. Он очень избирательно работает. Для его полноценного всасывания необходим определенный пульс. Если кровяное давление невелико, эффективность препарата падает в разы. Что нужно сделать, чтобы обуздать чужеродного агента в своем организме? Всего ничего – заставить себя не волноваться. Подчинить эндокринную систему мозгу, подавить панику, заглушить инстинкт самосохранения. Взять над ним верх. Это самое важное качество для моего помощника – слушать голос своего разума. Вы справились, поздравляю. Это и был финальный тест.

С первыми словами Полди повернулся на звук, а на последней фразе маньяк снова появился на прежнем месте между шкафами. Полди шарахнулся от него. Теперь маленькая фигурка с карикатурными усами внушала ему ужас. Директор проекта «А–Консент–Д» предостерегающе поднял руку:

– Все кончилось. Не надо пугаться. Я безумно рад, что, наконец, вижу перед собой хоть одного по– настоящему разумного человека. Как ваше имя?

– Полди.

– Меня можете звать Проектировщиком. Впрочем, я твердо намерен вскоре сменить прозвище. Как вы находите мою внешность?

– Э–э–э… экстравагантной.

– Ее я тоже сменю. А знаете почему? Я дьявольски боюсь попасть в окуляр истории. Мне хочется остаться невидимкой. Потому что тот объект, который мы создадим, повернет развитие всей земной цивилизации. Равных ему никогда не было и уже не будет. Потому что он призван стать величайшим творением рук человеческих и даже больше. Больше! Не верите, что такое возможно? А зря! Но вся слава достанется не мне и не вам. Мы ищем, мы просеиваем песок человеческих судеб в поисках

крупинки янтаря – той личности, которой будет под силу принять на себя всю тяготу миссии – стать тем, чье имя будут вспоминать вместе с названием нашего детища. И мы очень близки. Есть вероятность, что мы его уже нашли.

Полди нерешительно показал рукой на тела остальных кандидатов:

–А что будет с ними?

– Через полчаса все придут в себя. Состав нестоек, он быстро вымывается из организма, – отмахнулся старик. – Хм, теперь можно снять купол подавления сетей…

Едва Проектировщик ввел на коммуникаторе нужный код, как его рамка осветилась сигналом входящего вызова. Полди уже слышал, что всех сотрудников Райского проекта заставляли проходить «де–чипование», поэтому не удивился. Сам он в свое время отказался от нейро–имплантов. И, похоже, правильно сделал. Директор проекта помялся, искоса зыркнул глазами на Полди, но потом перевел звонок на один из экранов по правой стене. На нем в полный рост проступило изображение молодой женщины, брюнетки с короткой стрижкой. Темно-синяя униформа проекта «А-Консент-Д» смотрелась элегантно на ее подтянутой фигуре. Судя по нахмуренному выражению лица, незнакомка была не в духе. Она окинула взглядом всеобщий погром и презрительно фыркнула:

– Опять тешите себя играми Борджиа? Не надоело?

– Рад видеть вас, Беата. Как обычно – строгая, но все такая же красивая.

– Мы внимательно изучили концепцию всех средних и нижних уровней и находим ее неудовлетворительной. Вы, вообще, в своем уме?! – рявкнула женщина в конце реплики.

– Не уверен, – легко признался старик.

– Бросьте паясничать, Проектировщик. У вас мало резервных источников питания для людей. Вы планируете несколько социальных экспериментов – это прекрасно, но они пойдут на фоне недостаточного снабжения продовольствием.

– А что, разве в древние века было по–другому? – невинно спросил директор «А–Консент–Д».

Он всем своим видом не скрывал, что получает удовольствие от пикировки с девушкой.

– Нет, не по–другому, – терпеливо согласилась брюнетка. – Но у нас построено общество изобилия. Теперь биохимия людей работает иначе. Как вы этого не понимаете? Им будет физически тяжело. Какие могут быть модели поведения, когда вся борьба сразу завяжется на ресурсах?

– Как биохимику, вам конечно виднее. Но дорогая Беата, вы

через какое–то время сможете оценить все изнутри. Будет такая возможность.

– И я ей воспользуюсь! Не сомневайтесь!

– Я тоже, – тихо сказал Проектировщик.

Экран потускнел. Кандидаты начали подавать признаки жизни. Действие токсина, как и предсказывал старик, проходило. Директор «А– Консент–Д» повернулся к Полди:

– Сейчас мы пройдем на ваше рабочее место. А это, – он обвел рукой кабинет. – Приемная. Вам придется заниматься подбором кадров. И начнете вы с наиболее ценного для нас экземпляра.

– А кроуд–файтинг? – осмелев, поинтересовался новоиспеченный сотрудник проекта.

– Кроуд–файтинг, как ни странно, сыграет тут одну из самых важных ролей. Умеете щелкать пальцами? Хорошо. Входная дверь запрограммирована на этот акустический сигнал. Два раза. Щелк – щелк!

Линия Слика. Любовная позиция номер сто девятнадцать.

Мужчины после сорока склонны к опрометчивым поступкам. Так сказал пудель по имени Гиллис из отдела «ПО». Понимаете ли, у нас, джентльменов с проседью, к тому времени уже исполнена репродуктивная функция, выращено жизнеспособное потомство, и внутри просыпается зерно самоуничтожения. Хм, какие странные мысли приходят на ум, когда висишь вниз головой. Особенно после зверского инерционного рывка, от которого мои глаза едва не повисли на зрительных нервах. Потом я еще целую минуту наблюдал в бифокальной перспективе кучу зеленых шариков с оранжевыми ободками.

Вот зачем со мной Творец это сделал? Почему, спрашивается, я пожелал выполнить дополнительный разворот над этой распроклятой рощей? Заметил движение? Решил проверить? И соответственно, моментально получил в фюзеляж какую–то баллистическую дрянь от антропоморфов. У–у–у, проклятые недочеловеки! Зарядить бы им сейчас пару кассет шрапнели, туда, в суставчатый полумрак, где на одну ветку приходятся в среднем полторы змеи. Право жаль, что мои стволы уныло смотрят в зенит, а внизу лишь голубой овал кокпита и лесная подстилка на расстоянии двадцати футов. Где–то внутри мозга появилось ощущение легкого зуда. Связь. Или, что вернее, ее отсутствие. Видимо, поврежден передатчик нейросети, и меня потеряли. Я дотянулся до внешнего коммуникатора, и через секунду в кабину ворвался встревоженный голос диспетчера базы:

– «Камыш» вызывает Слика! Капитан, вы слышите меня? Ответьте «Камышу»!

– Слик на связи.

– Ваш сигнал неподвижен.

– Я сбит в секторе Танго. Был атакован с земли, совершил вынужденную посадку. В помощи не нуждаюсь.

Последняя фраза вырвалась против инструкции. Тут смешался стыд за допущенную ошибку и желание успокоить своего оператора – дескать, я еще владею ситуацией, ничего страшного не произошло. Впрочем, кому я втираю? Скайховер лежит сбитым селезнем, а это значит, что миссия провалена. В оперативный канал неожиданно врубился старший инструктор Кундис:

– Малыш, отключайся, мы берем его, – это он диспетчеру. – Слик, ну как там?

– Нормально. Любуюсь природой, причем задница находится выше головы.

– Приятель, ты меня не удивил. В штабе так многие ходят. Как обстановка?

– Непринужденная. Ни одной метки на радаре.

– Значит, опасности нет?

– Пока прилетит подмога, я тут подохну со скуки.

– Ладно, я тебя сейчас развеселю, Слик. В воздухе повеяло горными цветами.

– Принял, Кундис.

– Наслаждайся.

– Благодарю.

– Отбой.

Кундис – мой однокашник по подростковому интернату. Не то, чтобы мы были завзятыми приятелями, но пару раз в драках оказывались спина к спине, а это, знаете, очень способствует взаимному доверию. Поэтому, когда жребий судьбы поместил меня инструктором в учебный лагерь «Форекон», где окопался Кундис, я возблагодарил Творца самой искренней молитвой. С его помощью моя работа превратилась в синекуру, а я, в ответ, подогнал старине несколько пригласительных на закрытые вечеринки. Туда, где кучкуются дизайнеры, фотографы и красотки с длинными ножками. Мне самому эти билетики счастья поступали по интимно-культурологическому каналу (об этом позже). На одном светском рауте Кундису удалось зацепить начинающую модель, а на другом – смазливого педераста, который до последнего момента вполне сходил за девицу. В первый раз Кундис отделался расходами на коктейли (пила девчонка, как двугорбый верблюд после длительного перехода) и

жестоким похмельем, а второй раз едва не угодил под трибунал, потому что подбил оба глаза гражданскому лицу. Ничего, в будущем станет вести себя осмотрительней. Говорил же ему: «Если в таких местах видишь у барышни на шее шарфик или платок, лучше не испытывай судьбу, а иди и познакомься с другой барышней».

Ладно, Кундис не обиделся, когда вышел с гауптвахты. Тем более, что я ухитрился заслать ему туда через коменданта пару бутылей рома и блок сигарет. А сегодня старый товарищ любезно предупредил меня о том, что около диспетчерского пульта появился Эдельвейс. Каждый учебный центр обязательно должен иметь собственное страшилище. Такое, чтобы у курсантов тряслись поджилки едва они слышали скрип его ботинок. В «Фореконе» эту роль с блеском исполнял майор Эдель (а для всей базы, само собой – Эдельвейс). Очень цельный характер, так я скажу. Всего лишь две черты – въедливость и раздражительность. Первостатейная сволочь.

Ощутимо запахло жженой изоляцией. Где–то позади тихонько горела проводка, плавились пластиковые детали. Вот–вот должна была сработать аварийная герметизация пилотной капсулы. Отключив связь, я разблокировал кабину и рывком отодвинул изогнутую прозрачную крышу. Свежий ветерок прошелся по моим щекам. Недопустимо висеть тут и ждать, пока меня, словно консервированного кальмара, извлекут из помятой авиабанки спасатели. Когда прибудет помощь, я обязательно должен стоять на ногах, вооруженный и готовый дать отпор неприятелю. Тем более что система обнаружения целей молчала. Прошло время, когда антропоморфы выходили на опушки леса с плакатами и что–то пытались всем объяснить. Мы быстро охладили их рвение подкалиберными прививками, и теперь они предпочитают по–быстрому нагадить нам и смыться. А в ответ получают огонь на поражение. Такова установка. Я мысленно обратился к внутреннему медицинскому центру. Некоторые из сослуживцев называли интегрированного шеф–лекаря Парацельсом или Авиценной, прочие трогательно приклеивали разные женские имена. Своего я обозначил как Червяка. Он же ползает в моем сознании, не так ли?

– Система динамического гомеостаза стабильна. За последний час предотвращено более десятка ошибочных репликаций. Предположительно – канцерогенез. Индекс гуморальной и клеточной иммунных систем – реактивный.

Проклятье! Я случайно залез в меню функционального отчета.

– Отставить, Червяк! Доложить о неисправностях!

– Наноботы в настоящий момент репарируют поврежденные кровеносные сосуды мозга. Ущерб получен при механическом ударе о стенку черепа…

– Да заткнись ты! Тьфу, отставить! Червяк, у сейчас меня башка лопнет от боли!

– Слик, сообщаю вам о том, что данное положение тела чревато неприятностями в самом ближайшем будущем. Я предотвращаю чрезмерный приток крови в голову, но если вы не перемените…

– Мануальный режим!

– Вы и так в мануальном режиме. Перешли на него перед тем, как взяли на себя управление ховером «Драгонфлай».

– Дьявольщина!

Я высунул голову за кокпит. Ближайший сук был совсем рядом.

– Для правого запястья режим «Тиски»!

Одной ладонью я крепко обхватил скобу на фюзеляже, а другой отключил протекторы сиденья. Под действием земной гравитации меня тут же втиснуло в страховочные ремни. Глубокий вдох – и мой пояс со щелчком вылетел из креплений, а сам я повис как мартышка, раскачиваясь в пятнадцати футах над землей. Огляделся, пошарил по костюму. О чем я только думал и почему не сделал это раньше? Вот вам – еще один опрометчивый поступок зрелого мужчины. Хорошо, что все на месте. Пистолет-пулемет «Блоуган», личный коммуникатор, а большего мне и не надо. Кисть держалась прочно – на имплантах я мог бы проболтаться на поручне целый час, но нужно было двигаться дальше.

– Левое запястье – режим «Тиски»!

Рывком перенес свое тело к ближайшему суку, перехватился. Моя ногти проскребли по скользкой коре, рука беспомощно соскользнула с нее, и я рухнул вниз, ломая по пути ветви и веточки. При ударе о землю получилось сгруппироваться, перекатиться на бок. Зубы клацнули как у стального замка, коленные суставы жалобно взвыли, а голова отозвалась ноющей болью. Червяк недовольно прокомментировал мое падение перегрузкой систем. По–моему, он имел в виду тот очевидный для него факт, что я – идиот. Ныло плечо, которым я врезался в древесный корень. Пахло сыростью, прелой листвой. Ботинки по щиколотки ушли в зловонную жижу, что с пузырями выступила из лесной подстилки.

Встав на ноги, я вытер грязные ладони о зеленую ткань комбинезона. Пальцы повиновались с трудом.

– Отключить режим «Тиски». Задействовать программу

«Охрана»!

Где–то внутри моей плоти расслабились усиленные имплантами мышцы, а рецепторы – наоборот, пришли в состояние максимального возбуждения. Я же, наконец, смог перевести дух и осмотреться. Снизу живописная роща оказалась больше похожей на плантацию по выращиванию кустов с вариативной степенью колючести. Почти каждое растение при желании могло стать инструктором по самообороне для новобранцев. Часть этих окаянных шипов в настоящий момент засела у меня в униформе, между прочим. Над головой в зеленых декорациях сиял рваный проем голубого неба – след падения моей машины. Вокруг стеной стоял чуждый мне мир, мир дикой Земли, мир, который мы, ее исконные повелители и хозяева, призваны возделать, искореняя уродство и насаждая красоту и гармонию. Мой скайховер грациозно возлежал на двух соседних стволах, тупым носом упираясь в развилку третьего. Хвостовое оперение было покорежено, с правого крыла беспомощно свисал оторванный кусок ракетного ложемента.

– Наноботами устранены повреждения системы «Сонар» и мозгового коммуникатора, – это Червяк не дает мне расслабиться.

В сознание тут же вплыла проекция окружающего пространства, данные тепло– и инфра–локаторов. Одновременно внутреннее ухо пробуравила отрывистая команда с базы:

– Слик! Здесь майор Эдель. Немедленно дай нам ориентир для посадки!

Ага. Началась спасательная операция по спасению меня. У них есть радар, но инструкция повелевает получить данные и от человека тоже. Анализатор голоса проверит мою искренность. А вдруг на меня уже наставили ствол, и подмога попадет прямиком в засаду? Эдельвейс ни за что не отступит от инструкции, даже если в потерянных секундах будет заключаться моя жизнь.

– Танго, пятый квадрат. Самый центр.

– Принял. Восемь минут. За тридцать секунд провесишь им маячок. Как понял меня?

– Понял удовлетворительно.

– Отбой, Слик.

Экраны радаров по-прежнему умиротворенно поблескивали зеленым цветом. Уровень враждебности среды – ноль, если не считать окаянных колючек. Но я вовремя вспомнил о подбитом врагом «Драгонфлае» и постарался слиться в единое целое с ближайшим растительным исполином. Кора дерева, к которому я прижался щекой, была склизкая, будто остатки желе.

Успел. Тот парень с крыльями, которому небеса поручили за

мной приглядывать всегда имел хорошую реакцию. Раздалось свистящее шипение, как при близком ударе молнии, и ховер мгновенно превратился в пламенный бутон. Земля под ногами качнулась, кору перед самым носом взрезала отлетевшая деталь «Драгонфлая», а через несколько секунд вокруг начался листопад и грязные лужи зачавкали падающими осколками. Что за дела?! Откуда они бьют? Я рухнул на землю, захлопнул забрало «Коллара» и вгляделся в экран. Визор тактического шлема не выдавал ни одной красной точки. Крутанулся назад. Тоже все чисто. Звонкий щелчок рикошета заставил меня вжаться в подстилку. Пуля ударила в «Коллар» по касательной. Это потому, что я все время вертелся. «Блоуган» застучал в моих руках короткими очередями. Я бил в направлении возможной директрисы выстрела, не прицельно.

– Червяк, сними со шлема данные о характере повреждения!

В такой ситуации неплохо знать, из чего тебя приложили. Это повышает шансы выжить.

– Команда выполнена. Зафиксировано кинетическое попадание в броневую пластину «Коллара». Выстрел предположительно произведен из снайперской винтовки «Свифт», патрон серийный. Активировать защиту экзоскелета?

– Да, черт возьми!!!

Мой костюм лязгнул, превращаясь в панцирь. Да что толку? Для «Свифта» это не проблема. И словно в подтверждении моих слов, сначала последовал резкий толчок в левое плечо, а потом нахлынула боль.

– Слик, вы находитесь под огнем.

– Спасибо за информацию, Червяк. Очень своевременно.

– Зафиксировано сквозное ранение в левую часть трапециевидной мышцы, пробита лопатка. Ввожу анестетики, завариваю сосуды, чтобы избежать кровопотери.

– Премного благодарен, – процедил я, в паузах между выстрелами.

Сверху снова посыпалась листва и ветки, срезанные очередями.

– Против вас задействовали ручной пулемет «Чаплет».

Ясно. Нужно менять позицию. Я, заранее сжав зубы в предчувствии боли, перекатился за соседнее дерево, а потом ужом пополз влево. Но мир не взорвался для меня раскаленными звездами, лекарство подействовало очень быстро. Вот удобное местечко. Сплетение толстых лиан образовало передо мной почти идеальное укрытие с широким сектором для стрельбы. Я аккуратно выглянул из–за него. Опять ничего. Стоп! А это что за размытые, почти не видные глазу пятна?

– Червяк! Отцифровка и нумерация объектов в панораме! Та–ак…Выделить по контурам объекты семь, восемь и одиннадцать. Ах, вы твари грязные!!!

Именно, что грязные. Неизвестно, чем эти ловкачи вымазали свою амуницию, но в анфас они вообще не просматривались. Лишь в профиль. И то едва-едва. Три фигуры скрючились около ствола с уродливыми воздушными корнями. Вот один из размытых силуэтов поднялся, сделал острожный шаг вперед. Ага. Потеряли мишень? Или желаете добить?

Я быстро переключил подствольник «Блоугана» на термобарический боеприпас и произвел пуск гранаты. Жаль, что детонация произошла не между ними, куда я, собственно и метил, а чуть в стороне. Видимо ракетный патрон задел какой-то сук. Сначала хлопнул воспламенительный заряд, а потом мой визор ослеп от яркой вспышки. Область избыточного давления и сверхвысокой температуры всегда смотрится на экране очень эффектно.

– Подтверждаю контакт с противником.

Теперь я и сам отчетливо видел врагов на теплолокаторе. От пламени вся их маскировка выгорела мгновенно.

– Объект номер восемь уничтожен. Повреждения не совместимые с жизнью. Объекты семь и одиннадцать имеют ранения средней тяжести.

И я снова пополз, обходя их левым полукругом. От соседнего дерева высунулся на миг. Где там мои новые знакомцы? Но было уже поздно – они отходили, теряя бруснично–теплые капли. Я для острастки дал вслед несколько очередей.

– Два попадания.

Да что толку? «Блоуган» – оружие ближнего боя, а у этих специалистов костюмчики явно не хуже моего. Пули на пути к цели посшибали невесть сколько листьев и сучков, поэтому не причинили им никакого вреда. Наверняка их броню с такого расстояния пробьет только штука, на вроде «Свифта». Которой со мной не было. И времени тоже не было, потому что сработал таймер.

– Тридцать секунд до подлета спасательной группы.

Мой пистолет выплюнул в воздух шипящую трассу маячка. Очень скоро сверху послышался авиационный гул. Первым, проламывая зеленую гущу, опустилась палевая туша «Брока» – десантного модуля. Ветер от его винтов еще не успел улечься, как вместительное чрево транспортника разверзлось, и из него, рассыпаясь в цепь, выпорхнула группа веселых зеленых человечков со штурмовыми винтовками «Спайрон» наперевес. Вполне убойная штуковина, широкоугольный прицел и пять

видов боекомплектов. Ребята мгновенно заняли позиции, и вперед выдвинулся «нюхач» со сложным комплексом обнаружения. Этот возьмет след даже по запаху перегара, причем сразу сможет сказать, есть ли у антропоморфов кариес.

Следом за авангардом, лениво разбрасывая вокруг ложные тепловые цели, спланировал медицинский скайховер «Васп».

– Отключить все программы! – спохватился я, и мой нашпигованный биотехнологией организм мгновенно повиновался. – Произвести обмен данными «Колларов» с командиром отряда.

Два санитара хотели сразу взять меня в оборот, но я дождался старшего группы – невысокого офицера в полевой рейнджерской броне. Нашивки на плече сказали мне, что передо мной капорал, а более ничего я узнать не смог, поскольку парень даже не поднял забрало шлема.

– Контакт с тремя антропоморфами. Один обезврежен, двое ранены и пытаются скрыться. Будьте начеку. Там пулемет и снайперская винтовка.

Офицер кивнул:

– Стандартная диверсионная тройка. Боец с тяжелым вооружением, снайпер и пулемет прикрытия. Ладно, время дорого, мы начинаем преследование.

– В добротную сбрую они упакованы. Полностью экранирует на сканере. Я их проявил, когда поджарил, но все равно не рискуйте, используйте управляемые ракеты.

– Не подходит. Эдель хотел получить живым хотя бы одного, а лучше обоих, так что попробуем больше не дырявить объекты.

– Удачи.

Все, теперь можно отваливать. Дальше ищейки обойдутся без меня. Они скрытно проследуют за антропоморфами до их логова, обозначат его метками на картах, после чего профессионально проведут операцию по задержанию бунтовщиков. Или вызовут подкрепление. Это зависит от того, куда приведут следы диверсантов. Может нам посчастливится накрыть их опорную базу?

А началось с планового облета сектора. Когда я получил приказ провести рекогносцировку, то даже и подумать не мог, что дело закончится перестрелкой, в которой мне самому проштопают шкуру. Моя предыдущая нашивка за ранение датировалась бирманской командировкой. С тех пор минуло уже почти восемь лет.

Санитары предприняли отчаянную попытку уложить меня на носилки, но я пренебрежительно отмахнулся и устроился рядом с пилотом «Васпа». Зачем делать из капитана Слика посмешище?

Червяк самостоятельно ликвидировал кровопотерю, а обезболивающее я и так получил. Вполне могу дотерпеть до госпиталя, без неотложных реанимационных процедур. Медики решили не настаивать, потому что знали – инструктор Слик не терпит, когда ему докучают. Такова моя репутация в «Форекоке» и я не жалею матюгов, чтобы ее поддерживать.

Всю дорогу до базы пилот геликоптера спал, доверив управление системе навигации. Это был знающий толк в службе старый солдат с располагающей внешностью ободранного ежа. Его бесцветные глаза равнодушно просканировали мою фигуру, после чего боец нажал на запуск движка, ввел полетную программу и отрешенно отвалился на сиденье. Все ясно – ветеран отпахал свое на переднем крае и теперь дотягивал возрастной ценз, получив тепленькое местечко в медслужбе.

Едва дикий ландшафт леса отрезала широкая нейтральная полоса, наш скайховер резко нырнул вниз. Этот болван даже не почесался взять на себя «мануалку», в результате чего автомат заложил лихой противозенитный маневр на радость всех диспетчеров. Мы приземлились на площадку возле терминала госпиталя. Воздух пронизывал низкий гул авиационных винтов. Его движение приносило флюиды горячей смазки – одного из ароматов войны, что будоражат кровь лучше всяких фармпрепаратов. Высоко в небе воздушный горизонт был истыкан черными точками дронов. Время от времени беспилотники вспыхивали искрами разрядов – так они реагировали на пролетающих птиц и даже насекомых. Ну как реагировали – просто глушили живность импульсными стрекалами, и поэтому у нашего внешнего периметра беспрестанно сновали механизмы и вольнонаемные – подбирали сбитую органику для биоконвертера. Можно сказать, что на служивых «Форекона», постоянно лился дождь из дерьма и всяких останков. Очень чувствительные штуковины эти дроны. Их задача – не дать проникнуть внутрь гражданского сектора ничему живому через небесную потайную калитку. За «агрессорами» с импульсными пушками в воздухе висел шахматный порядок «дезинфекторов». Их цели не хлопали крыльями и не жужжали, а струились с потоками ветра. «Дезинфекторы» отсекали чуждые нам бактерии и вирусы. Это потому что база «Форекон» находилась на остром зубце 35-го арриала, почти пограничного района. Отсюда подготовленные ей бойцы отправлялись прямо на передовую, сюда же отводились части на переформирование. С кем же мы столь ожесточенно воюем, возникает вопрос? А противник у нас очень серьезный. Планета – прародительница собственной персоной. Возмужавшее человечество заявило матушке-Земле: «Все! Баста! Никаких

больше пандемий, коралловых аспидов и малярийных москитов. Надоело! Отныне игра идет по нашим правилам». Нет, почти все животные, конечно, останутся. Только после генетической обработки, они перестанут нас кусать и разносить опасные болезни. В мире наших детей не будет медведей-людоедов и смертоносных медуз. Карапуз сможет искупаться в одной ванне с португальским корабликом без всякой опаски. Род людской встанет над эволюцией. По всей Земле там и сям уже появляются оазисы новой жизни – Райские парковые зоны. Там красиво, комфортно, безопасно. Эдемские островки станут расширяться пока не поглотят всю поверхность планеты целиком. Такова наша идеологическая доктрина. Конечно, не все люди в Метрополии поддержали ее. У каждого великого замысла найдутся скептики, завистники и открытые противники. Последних, тех, кто рискнул вступить с цивилизацией в открытое противоборство лишили звания людей и теперь именуют антропоморфами. Несмотря на очевидную бесполезность их борьбы, эта организация нам крепко досаждает. И снаружи, на передовой, и внутри Метрополии. Мерзавцы тщательно конспирируют свою деятельность, но в мире чипов, нейросети и меток–арфидов мы рано или поздно доберемся до каждого отщепенца. В этом не может быть никаких сомнений.

Мой вклад в общее дело – работа с гражданскими волонтерами, что прибывают к нам по линии культурологического центра. Служба не пыльная, потому что обучаются штатские на виртуальных тренажерах, а роль капитана Слика сводится к нескольким лекциям на тему моральных ценностей и напутственной накачке перед миссиями. Миссии у добровольцев, как правило, чрезвычайно важные и ответственные – собирать дерьмо после трех степеней зачистки. Кроме того, я посильно участвую в прочих общебазовых делах, типа сегодняшней воздушной разведки. Конечно, у нас полно дронов, которые постоянно барражируют над секторами. Каких беспилотников там только не летает – от ударных до целеуказателей и постановщиков помех. Но личное наблюдение всегда дает больше сведений. Человеческий глаз, особенно в тандеме с подходящим мозгом способен заметить то, что наверняка пропустит машина. Правда, кроме сведений, нынче мы получили выстрел из ЗРК в фюзеляж моего «Драгонфлая».

Ох, и вой теперь поднимется! До самой столицы. А это значит – будет полноценная фронтовая операция. Внимание прессы и все такое. В штабе, наверное, потирают руки. У службистов «Форекона» появилась возможность отличиться в резонансном деле. Для общественности это – триумф закона и очередная

победа наших военных, а для самих военных – лычки, нашивки и новые звания. Все довольны.

До восстановительных капсул мне оставалось ступить лишь пару десятков шагов, и я проделал их ногами, вопреки нытью санитаров.

Госпитальный зал «Форекона» походил на змеиную кладку, как их показывают на каналах о природе. Только яйца блестели пластиком и были отложены рептилией величиной с жилой дом. Я проследовал за медиком к нужному кокону, поднялся наверх по стальной лесенке и, стараясь не треснуться левым плечом, улегся в ложе старшего брата Червяка – Реабилитационного Автономного Модуля, или, как мы выражались – «вписался в РАМку».

Вся процедура заняла не более часа. Напоследок сканер прошелся по мне полосками теплого света, а компьютерный диагност выдал вердикт:

– Раневой канал чист. Реабилитационный процесс проходит нормально. Полное выздоровление наступит через тридцать шесть часов. Внешний приоритет над встроенным медцентром «Червяк» снят.

На этих словах я выплюнул загубник и вытащил изо рта трубку с подачей увлажнительной жидкости. Верхняя половина «скорлупы» мягко отъехала в сторону.

– Свободен! – торжествующе возгласил я и сел, но механический голос вернул меня на место:

– Пожалуйста оставайтесь неподвижным до окончания перевязочной процедуры.

Ложе подо мной приподнялось, выпуская инъекторы и бинтовой валик. Если бы я не находился под анестетиками, наверняка бы почувствовал, как на входное и выходное пулевые отверстия накладывается заживляющий состав, после чего мое плечо было аккуратно покрыто несколькими слоями бинта.

– Перевязочная процедура завершена. Пожалуйста исключите из своего рациона алкоголь до завершения процесса репарации тканей.

– Много ты понимаешь, – пробурчал я, вылезая из медицинского яйца. – В армейском рационе.

– Кое-что «РАМ» все-таки понимает, – раздался снизу голос. – Сигналы синапсов должны быть чистыми, а спиртное блокирует нервные импульсы.

С удивлением я узрел рядом со своей «скорлупой» кудрявого начальника службы «ПО» Гиллиса. «ПО» – одновременно и Программное Обеспечение и Психологическая Обработка. Понятия тесно смыкаются и кто–то там, наверху, видимо, решил

их не разделять.

Властитель наших тел и душ отличался незлобивым нравом, а также пристрастием к экзотическим головным уборам. Несмотря на то, что в помещении было тепло, сегодня Гиллис упаковал свою луноликую физиономию в очередную забавную треухую кепку, от чего теперь походил на туго зашнурованный арбуз. Его личный диагностический короб, как всегда, болтался сбоку, на матерчатом ремне.

– Как дела, Слик? – дружелюбно поинтересовался он.

– Грандиозно. В джунглях надумал было наложить в штаны от страха, но сфинктеры, усиленные вашими молитвами, выдержали.

Док уцепил меня за руку, привычно закатал левый рукав комбеза, откинул предохранительную заглушку на запястье и воткнул в гнездо штекер своего волшебного чемоданчика.

– Да меня же только что просветили по полной программе, – простонал я.

Но Гиллис, как обычно, не обратил внимания на мою реплику. У начальника «ПО» имелся собственный «пунктик» – иногда проверять работу санитарных капсул. Он поводил пальцем по дисплею, с умным видом пожевал рыбью губу:

– В целом – все в порядке. Импланты на коленях поизносились, я запишу тебя на замену в следующем месяце.

– Сердечно признателен, док. Когда я потом буду скрипеть суставами с подружкой в своей берлоге, вспомню вас с благодарностью.

– Я сбросил ошибки в процессоре лекаря. Погоди, не дергайся… качну тебе в кровь свеженькую порцию наноботов. Эти – модифицированные и служат вдвое дольше.

– Отдельное спасибо, Гиллис. Скоро я уже начну светиться, как полноценный торшер? Или хотя бы, как захудалая лампочка? Мне, правда, надоело зажигать свет в сортире. Опять же – экономия для Метрополии.

– Ладно, капитан. Заканчивай резвиться. В сводках об операции ты, конечно, герой – в одиночку атаковал диверсионную группу противника, но я называю такое поведение безрассудством. Помнишь наш разговор?

– Ни на секунду не забываю.

Хм. «Мозгоправ» определенно начал возводить подкоп в районе брустверa моей репутации. Не по душе мне его вежливые замечания. Надо бы попробовать вести себя приличней, а то так и под врачебную комиссию недолго угодить. Пока мы топали на выход, Гиллис успел выдать еще несколько глубокомысленных замечаний, относительно моей психологии, над которыми я

предпочел не задумываться.

– У тебя скрытый темперамент, Слик, – заявил он, опуская вниз дверную ручку. – Ты разносторонне развит, образован, хотя любишь изображать из себя солдафона.

– Вам, штатским, не понять, но в армии это называется «без рассуждений выполнять приказы командования», – фыркнул в ответ я.

Гиллис вновь пропустил мои слова мимо ушей:

– Ты способен на большее, Слик. Вопрос лишь в полярности твоего внутреннего «я», которое ты предпочитаешь утаивать. Темное оно или светлое?

– Предлагаю сделать спектральный анализ, – с этими словами я шагнул наружу. – Счастливо, док!

В «Фореконе» мне осталось сделать самое ответственное – разыскать Эделя, чтобы получить итоговый приговор по «ЛоДЖо». «ЛДЖ» – «Лидерство, Дисциплина, Жесткость», наш динамический диплом офицера. Его три зубца – показатели профпригодности командного состава. Средний пик Дисциплины на моем горном перевале графика «ЛДЖ» в последнее время как–то просел. И сегодня я не ждал в нем прогресса. Эта скотина наверняка найдет, к чему прицепиться. Поэтому мне и хотелось пообщаться с майором лично. А вдруг жестокосердное чудовище дрогнет, когда взглянет в мои честные глаза?

Напрасные надежды. Эдель смотрел на меня исподлобья и, судя по всему, не испытывал ни малейших иллюзий в том, что я и армия – два несовместимых понятия. Тяжелые надбровные дуги придавали ему вид встревоженного орангутанга. Майор не стал себе отращивать модную начальственную долговязость, а предпочел остаться ниже большинства своих подчиненных. Этакий подсушенный примат с запавшими глазами покойника.

– Почему не катапультировался?

– Пытался спасти аппарат, сэр.

Он принял меня в своем кабинете, который напоминал фасетчатый глаз насекомого изнутри – сплошные экраны. По некоторым ползли донесения, остальные ритмично переключались между визорами тактических шлемов. Пока он думал над следующей фразой, я успел понаблюдать за развитием нескольких наших боевых и тренировочных операций.

– Значит инструкции пишутся не для тебя, капитан?

– Майор, меня бы расстреляли, как рябчика эти парни, пока бы я парил над лесом на реактивном ранце.

Эдель хмуро опустил голову.

– Возможно.

И тут же задал следующий вопрос:

– Слик! По–твоему, чем тебя сбили?

– Откуда мне знать? Могу лишь предположить, судя по характеру повреждений, что удар пришелся в хвостовую часть.

– А задействовать систему диагностики ховера ты, конечно, не догадался? – со всем, отпущенным ему от природы сарказмом, поинтересовался мой начальник.

– Не имел на это времени. К тому же моя нейросеть была повреждена…

– Ты даже не сделал ни одной попытки!

– А сделал бы, то как раз попал бы под их второй залп, сэр! – не утерпел я.

Да кем он себя вообразил в конце концов? Заместителем Творца по огневой подготовке?

– Слик, ты – инструктор тренировочной базы, а сам постоянно проявляешь авантюризм и поспешность в решениях. Не катапультировался, не проверил систему, вступил в бой без поддержки. А насчет второго залпа… Вернемся к их оружию. Нет идей, чем тебя зацепили?

Я пожал плечами:

– Может быть, переносным ЗРК?

– Гениально. Откуда он у антропоморфов? В тебе здравомыслия не больше, чем в анчоусе, Слик. Клатчером!!! Ховер срубили направленным лучом клатчера! Это можно было понять даже взрыву! Пошла молекулярная реакция, а потом сдетонировали боеприпасы. И никакого второго залпа!

Мне не нужно было обращаться к внутреннему банку данных, чтобы припомнить, что есть клатчер. Их применяли геологи, как средство для формирования рельефа. Ими удобно распылять булыжники или целые пласты земли. Похоже, что мне крепко подфартило. Или кто–то плохо умеет пользоваться своим оборудованием. Прицельный выстрел подобной штуковины легко мог разложить мою персону на сотню маленьких сликов. Но все же ответ на выпад майора у меня имелся. И неплохой ответ.

– Сэр, мне некогда было анализировать их технологию. Но что касается вопроса, откуда у антропоморфов мог взяться ЗРК, то попробую высказать предположение – наверное они были в состоянии прикупить его там же, где обзавелись винтовкой «Свифт», пулеметом «Чаплет» и специальными отражательными камуфляжами.

Выпад пришелся в точку. Эдель прорычал:

– Свободен.

Вот так. И никакой благодарности за проявленное мужество в бою. Наоборот, в спину мне полетели обидные слова:

– Слик, их камуфляж работает только в статичном режиме.

Поэтому, они не стали бы преследовать тебя. Все, что нужно было сделать в данной ситуации – уйти с линии огня и дождаться подкрепления. Но это, конечно, было выше твоих сил.

Я обернулся:

– Но ведь все получилось!

– Сегодня – да. А завтра твоему примеру последует кто-нибудь из солдат и, не будучи чертовски удачливым сукиным сыном, погибнет зазря. Ты – инструктор, командир, а не герой-одиночка, – с горечью произнес Эдельвейс и повторил. – Капитан Слик, вы свободны. Двое суток на лечение, потом явитесь в санчасть.

– Слушаюсь, сэр.

Очень обидно. Тем более, что в словах старого служаки была немалая толика правды.

Я набрал номер Кундиса, а он ответил, что находится рядом с полосой препятствий. Чтобы попасть на тренировочный плац, мне пришлось прогуляться почти через всю базу. Я видел, как на спортивной площадке занималась толпа новобранцев, все, как один, по пояс голые, но в штанах и тяжелых армейских ботинках. Когда-то и я сам так же подрыгивал под зычные команды сержанта-инструктора. В учебных корпусах шли занятия, со стороны тира слышалось злобное рявканье штурмовых винтовок. Вообще сегодня в «Фореконе» было необычно людно. Очередная фронтовая ротация?

Тощую фигуру своего однокашника я заметил издалека. Вытянутая физиономия Кундиса всегда выражала озабоченность и жуткий дефицит времени. Бойцы часто гадали, сколько ему лет, время было не властно над его выскобленным бритвой черепом, отчего молодежь иногда за глаза шутливо величала моего приятеля Вечным Жидом. Кундис всегда знал больше всех, служил на «Фореконе» с самого мезозоя и держался с солдатами запросто. А те почитали его больше поваров, вместе взятых.

Когда я подошел к Кундису, он увлеченно разносил какого–то ветерана. Парень имел форму штурмовика и лицо, покрытое десятком шрамов. Все его плечо занимали нашивки за ранения. Рядом с ним стоял молодой медик и явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Много о себе полагаешь! Он – мастер-сержант, дьявол тебя побери! Ты хоть понимаешь, кого послал?! Или ты скакнул через два звания, а представление еще не пришло?

– Сэр, никак нет, сэр.

– Готов принести извинения? Я поговорил с Мидгейтом, он согласен не раздувать дело.

– Так точно. Я извинюсь, что сказал мастеру-сержанту: «Сэр,

вы ни черта не понимаете в службе, сэр!».

– Хорошо. И внешность, – Кундис повернулся к медику. – Можно с ним что–то сделать или пусть остается таким же уродом?

– Я предложил рядовому ввести наноботы на восстановление кожных покровов, но рядовой отказался.

Кундис смерил взглядом штурмовика. Лицо того осталось бесстрастным, как иссеченная вековыми ветрами каменная статуя.

– Ладно. Похоже, что тут уже ничего не исправишь, – старший инструктор заметил меня и рыкнул. – Марш в распоряжение своего взвода, солдат. И чтобы я неделю о тебе не слышал. Ни плохого, ни хорошего!

Медик, поняв, что он тоже не нужен испарился рассветной дымкой. Кундис же мотнул головой в сторону удаляющегося бойца:

– Видел красавца? Штурмовой батальон «Навал» перевели к нам на переподготовку. И судя, по всему, парней впереди ждут не танцы под пляжными тентами.

– А на что их натаскивают?

– Вскрытие эшелонированной обороны, действия в окружении и рейды вглубь вражеской территории.

– Ого. И где такое возможно? Мы же их почти раздавили.

– Честно? Сам задаюсь такими же мыслями. Тебя уже заштопали?

– Угу.

– Хорошо. Ладно, гляну, что там тебе насчитали, – Кундис отцепил от лацкана мундира коммуникатор и полистал информацию на экране. – Общий индекс «ЛДЖ» у тебя в пределах нормы – двести шестнадцать, но Дисциплины осталось пятьдесят три пункта. Советую срочно стать хорошим мальчиком, если не хочешь вместо нового шеврона в петлице угодить под полную переаттестацию. Зато Лидерство теперь – девяносто. Поднимем до двух нулей? Получишь поощрение за максимальный балл.

– А что нужно для этого?

– Проведешь развод? Зачистка третьего уровня. Песочница для малышей. Их как раз строят на восьмом плацу. Справишься?

– Конечно. А смысл?

– Ты же в перевязочном реестре, чувак. Получил ранение, но остался в строю. Эдельвейсу деваться некуда будет. Давай двигай, а у меня дела. Позже созвонимся.

Пока я неторопливым шагом добирался до пополнения, у меня было время обратиться к вживленному накопителю данных. Там у нас хранилась информация обо всем – от боевых систем

оружия и пилотирования всех видов техники до строевых уставов. Развод – чистая формальность, основное задание им уже сбросили. Так, дань традиции. Обычно офицеры общаются с подчиненными подчеркнуто официально, а нарочитая грубость – атрибут колоритных сержантов учебных лагерей, но для порученного дела я выбрал из электронной памяти именно унтер–офицерский мотивчик. Им сейчас нужна моральная накачка, а не снисходительное презрение старшего по званию. Молодняк стоял навытяжку и, как положено, ел синтетическое покрытие плаца глазами.

– Всем слушать меня! – официальное представление я счел излишним. – Вы выдвигаетесь на вспомогательную зачистку. Это значит, что вам положено истреблять на своем пути все, что крупнее хомяка. Следом пойдут волонтеры с биопылесосами для органики, и я не хочу, чтобы эти славные люди бегали по кустам за пропущенными вами живыми кроликами. Ясно?

– Так точно, сэр! – рявкнула живая гусеница солдат.

– Не сметь ненавидеть природу. Мы – веселые гиганты, мы даже убиваем с любовью и приятной улыбкой на устах. Любая враждебность претит нам, как и расстройство желудка! Прополотая вашими винтовками биомасса пойдет в лаборатории синтеза и фабрики по производству ингредиентов для нашего Рая. Мы переработаем генетический мусор и создадим из него новые прекрасные формы животных и растений. Помните об этом, – я сделал шаг к передней шеренге и обратился к крайнему справа бойцу. – Как твое имя, сынок?

– Рядового зовут Килтом, сэр.

– Шотландец? Или имеешь причиндалы, как у жеребца?

– Ответ отрицательный! Причиндалы рядового находятся в пределах стандартов, сэр!

– Твой уровень Меткости, Килт.

– Девяносто четыре, капитан, – глаза парня сверкнули гордостью.

– Отлично. Пойдешь во втором эшелоне. А ты, пресмыкающееся? Ты тоже – снайпер? – грозно прорычал я следующему солдату.

– Никак нет, капитан. Уровень Меткости рядового составляет шестьдесят пунктов.

– Ага, значит, если ты будешь целиться в случайную кучу навоза около моих ног, то даже не сумеешь забрызгать мои исключительной чистоты ботинки. Твое место – первый эшелон. Всем понятна логика? Второй ряд должен быть достаточно метким, чтобы быстро дострелять пропущенные авангардом мишени и не влепить пулю между лопаток своему сослуживцу

впереди. Взводному – проконтролировать!

– Так точно, сэр, – отозвался румяный здоровяк с левого фланга.

– Удачи на позициях, молокососы.

Они, до бровей накачанные адреналином, отозвались восторженным животным ревом. Я напутственно улыбнулся, отсалютовал правой рукой и с чувством удовлетворения собой отправился к выходу из базы.

До городка, что примыкал к «Форекону» я добрался на имплоере. Этот пассажирский многочлен на триста посадочных мест мотался маятником между учебным армейским центром и ближайшей станцией глобальной подземки. При желании на метро можно было объехать всю Землю. На это ушло бы чуть более двух недель, если совсем не спать и есть на ходу. На конечном пункте имплоер уже поджидала изрядная толпа народа. Рекруты, без сомнений. Все теперь хотят в армию. А знаете почему? Кроме высшего гражданства, всевозможных льгот и благосостояния, служба еще дает полную медицинскую страховку. В которую входит «чипование» твоего организма. Ну и что, спросите вы? Какой от этого прок? Все просто – это гарантированное здоровье и долголетие. Мы не болеем. Нам одинаково плевать на грибок стопы и инвазию метастаз. Наши наноботы мгновенно разорвут в клочья любого чужеродного агента, залатают лопнувший в головном мозгу сосуд, понизят уровень сахара в крови и остановят ползущий к сердцу тромб. А встроенный шеф-лекарь так перестроит иммунитет, что он сможет игнорировать импланты и наноботов, воспринимая их, как часть организма. Медицинская страховка заканчивается в восемьдесят восемь лет и мы точно знаем, сколько проживем, потому что мало кто протягивает после нее более полугода. Но восемьдесят восьмой день рождения мы отметим в полном здравии. Это – сто процентная гарантия. Поэтому все теперь хотят в армию.

Городок, в который я приехал, носил название «Термини – 35Е». «Е» развертывалось в «Евразия», а слово «Термини» обозначало принадлежность к приграничной зоне. Как и комбинезоны его жителей, среди которых преобладали оттенки зеленого. Потом, когда мы отодвинем джунгли, создадим для людей район благоденствия, обыватели переоденутся в профильные одежды по специальностям и проголосуют за новое имя. Оно наверняка будет красивым.

Только вчера тут открылся небольшой участок Райской парковой зоны, и мне не терпелось посмотреть на него вживую, без восторженных слюней информационных каналов. Спрыгнув на

ходу с неторопливой пешеходной дорожки, я с неожиданной для себя робостью шагнул за ворота благоустроенного уголка природы.

Здесь даже привычное солнце светило по–особенному. Чистым изумрудом искрилась трава, мелодично шелестела листва на могучих деревьях. Все тут навевало умиротворение. На дорожках толпилось немало зевак. Вот один сопляк исподтишка исследовал взглядом мою униформу и принялся взахлеб заливать приятелю, как он горд быть причастным к великому делу перестройки планеты. Второй в ответ соизволил выразить восхищение временем, в которое довелось жить им обоим. Я хмуро покосился на хлюпиков. Наверняка держат курс к пункту вербовки. Ничего, там сидят такие тертые типы, что мгновенно просканируют обоих на предмет их истинной лояльности к обществу. Чтобы отогнать ненужные в таком месте отрицательные эмоции, я наклонился к благоухающему цветочному кусту. По ярко–синим лепесткам деловито ползала янтарная пчела. Я подставил пальцы, и насекомое доверчиво перемаршировало через мою ладонь и вернулось обратно к своей кропотливой работе. С поляны неподалеку послышался детский восторженный визг. Это стайка малышей докучала огромному, насупленному бурому медведю. Ребятня трепала ему уши, а несколько особенно бойких карапузов старательно пытались забраться на массивный огузок. Мишка недовольно ворчал, но терпеливо подставлял бока карапузам. Рядом стояла стройная воспитательница в довольно–таки короткой серой юбке и следила за своими подопечными с милой улыбкой на свежем личике. Я засмотрелся на девушку, даже мелькнула мысль – подойти и представиться, но потом одернул себя – она же при исполнении, зачем отвлекать. Приказал Червяку сделать «скрин» – найду ее потом по сети, если не пропадет охота свести знакомство. Желудок урчанием напомнил, что он у меня есть, и я заторопился домой. Пора подкрепиться и приступить к любимому занятию военного – заслуженному отдыху.

Я спустился в муравейник подземки, перешел по эстакаде на нужную линию. Пол под ногами слегка вибрировал – где–то неподалеку работала проходка, вгрызаясь в недра планеты и прокладывая необходимые для «Термини – 35Е» системы коммуникаций. Люди всего лишь два года назад начали осваивать этот «арриал». Раньше здесь был дикий угол, поросший влажным тропическим лесом с проплешинами болот. Теперь на месте природной несуразицы разрастался благоустроенный для комфортной жизни людей город с живописными спальными районами, спортивными сооружениями и Райскими парковыми

зонами.

Поезд тронулся, плавно набирая скорость с которой столетие назад летали боевые самолеты. Из-за обилия остроконечных капюшонов вагон стал похож на шабаш неизвестной секты. У штатских в эти колпаки вмонтированы наушники, ими, как пластиковыми ложками они хлебают медийную кашу и прочий информационный фаст–фуд. От нечего делать я открыл доступ в свою нейросеть для центрального новостного канала. Вещали про законопроект об отмене родовых имен, доказывали, как важен он для следующего витка развития общества. Может и важен, мне–то что с него? Это их гражданские дела, нам, военным, такие вопросы без разницы. Я переключился на Райский проект. Тут вовсю трепали языками о создании зон природосферы. Предлагали вырезать из нашего пространства несколько территорий, куда не будет ступать нога человека. И все для того, чтобы сохранить там биоценоз Земли в изначальном виде. Хотел бы я посмотреть в глаза умнику, что предложил такую нелепицу. И пусть не отворачивается! В эти оазисы первозданности мигом со всей планеты стечется всякая антропоморфная шваль. Кто будет ее оттуда выкуривать? Конечно, армия. С боями и потерями. Надеюсь, автора этой гениальной задумки морально распнут на ближайшей Ассамблее. Я в сердцах отрубил связь и принялся разглядывать своих совагонников.

Напротив моего сиденья безвольно привалился к вертикальному поручню молодой парень. Его глаза были закрыты, но веки лихорадочно дергались, словно в мышечном треморе. Он или смотрел фильм по нейросети, или рубил каких–нибудь монстров в виртуальной игре. Остальные люди бросали на юношу неодобрительные взгляды. Раньше, когда «чипование» только входило в моду, такие развлечения были очень популярны, но потом медики издали манифест, что чрезмерные нагрузки прилично сушат мозги. В дома тут же вернулись информационные панели, а в комбинезоны – наушники, и с тех пор публичный просмотр картинок воспринимался так же, как если бы этот парень решил прямо в вагоне справить малую нужду.

Моя квартира находилась на окраине города. Жилой блок был смешанным – это значит, что там наряду с военными, жили также и гражданские лица. Между прочим, весьма удобно в плане знакомств и приятного досуга. Уже на подходе к дому со мной по нейросети связался электронный секретарь с позывным «Хибара» и запросил распоряжения. Я дал добро на стандартную установку – «плюс двадцать», ужин, мягкий свет. На прямоугольном табло над дверью в подъезд сияли ослепляющие разум цифры: 273 000.

Столько квадратных миль нам еще предстояло взять под контроль в материковой Евразии. Я помню времена, когда этот параметр измерялся в миллионах и казался недостижимым. Двадцать лет старушка сопротивлялась нам, но теперь счет пошел на месяцы. А потом? Потом мы покатим на экскурсию в жаркие края. Америка давно обустроена, дело за Африкой и Австралией. После останется аппендикс в десяток тысяч островов, и нужно будет думать, что делать с Мировым океаном. Как следует примериться, прежде чем взять за шиворот старого деда Нептуна с его тайфунами, цунами, медузами и ядовитыми морскими змеями. Но мы справимся. Нас теперь ничто не испугает, а даже если и испугает, так Червяк быстро впрыснет в кровь нужное количество препаратов для оптимизма.

Дома, после очищающего тело и мысли душа, я быстро проглотил порцию китайской утки с капустным салатом и разлегся на софе, задрав босые пятки прямо на стену. Конвертер в углу плотоядно пережевывал одноразовую посуду. Я включил информационную панель. В сводках сообщали о новых достижениях строителей Рая. За последнюю неделю к площади ноосферы прибавился приличный кусок завоеваний. Про антропоморфов ничего нового не было, разве что несколько мелких каверз. Не то, что десять лет назад, когда первопроходцам приходилось вести с этими несчастными настоящие баталии с нервной стрельбой и непрерывными переговорами. Мне довелось хлебнуть неприятностей с изгоями общества во время бирманской командировки. Как же они тогда ожесточенно сражались! Мы шли вперед по их трупам и непромокающим агитационным листовкам. Зато теперь те, кто не принял нашу доктрину, наконец–то уразумели, что с ними более никто не собирается дискутировать, и прекратили бесплодные попытки завязать диалог. Сейчас нам противостояли лишь группы фанатиков, а остальные предпочли раствориться на дикой территории или перейти на нелегальное положение. Бессмысленная борьба одиночек с колоссом Метрополии. По мне, так лучше употребить отпущенное время на удовольствия жизни, чем тратить его в безнадежном противоборстве. Существуйте, пока вам дают. Забейтесь в потаенные норы, которых на нашей планете еще предостаточно и живите! Океания и арктические острова пока полностью свободны от наших интересов. Ну, а потом, само собой, придем мы, здоровая и высокоморальная часть общества и сотрем вас в порошок.

Кстати об удовольствиях. Может быть уже пора внести в них разнообразие? Пока не случилось что-то совсем противоположное. Я свернул новости на стеновой панели и

перешел в меню «Общение». Я твердо решил сегодня расслабиться после напряженной службы. Набрал раздел «Физиологические контакты». Предложений было масса. Все девчонки – стройные, симпатичные, а у нас других и не бывает. Как–то смотрел передачу про одну из сект антропоморфов, видел их женщин – так пришел в ужас и омерзение! Всамделишные ведьмы и мифические горгульи с отвислой кожей и жировыми складками по всему телу. Ну, правда, их только за это стоит истребить под корень! Нельзя так себя запускать, доводить дело до внешних проявлений старости. Отсутствие технологии не является для меня оправданием. Иное дело – наши красотки. Я глянул на локацию – надо бы выбрать кого поближе к моему блоку. Вот. Некто – Тара, оператор на фабрике пищевых концентратов. Высокая блондинка со вздернутым носиком и ямочками на щечках. Статус – «флирт, сексуальная разгрузка». Повертел ее фото с разных ракурсов. Сложение безупречно, интимные подробности и предпочтения заблокированы «только для друзей», в число коих я пока не вхож. Интересно будет познакомиться. Свободное время до шести утра завтрашнего дня. Отлично! Рана меня совсем не беспокоила, а для девушки мои бинты явились бы дополнительным эротическим стимулом. Не каждый день удается переспать с героем, только что пролившим кровь ради общества. Это, если хотите, даже ответственность! А позу можно выбрать такую, чтобы поменьше двигаться.

Вдруг дверь за моей спиной распахнулась и я обернулся. На пороге стояла Тиа. Культуролог. Да и слово–то какое – как попугай в ветвях кричит: куль – ту – ро – лог, куль – туррр – рролог! Метр шестьдесят пять, Х–силуэт, социальный статус «Гамма», гетеросексуальна, мультиоргазмична. В настоящий момент я, в силу направленности мыслей и чувств, мог рассматривать женщину исключительно в подобном разрезе.

Раньше Тиа была гражданским сотрудником «Форекона», вела офицерские курсы, поднимала наш уровень образования, а теперь подвизается в рекрутерской службе. Тоже по культурной линии. Она пишет пресс-релизы, а также вместе с коллегами разрабатывает пропагандистские лозунги. По мне, так бесполезное занятие – на пунктах вербовки и так постоянно толпы желающих послужить.

Тиа – почти моя подружка в том смысле, что у нее имеется свободный доступ к моему жилищу. Мы уже около года вместе, хотя и познакомились при официальных обстоятельствах. Устав предписывает офицеру иметь хобби. Там недвусмысленно сказано: «Еженедельно каждый военнослужащий обязан посвящать собственному гуманитарному развитию не менее трех

часов внеслужебного времени». А мне их требовалось в два раза больше из-за специфичного контингента общения. Все-таки работаю в основном со штатскими лицами. Поэтому мне понадобился личный тренер по манерам и всяким умным беседам. Так Тиа угодила в мои духовные наставники. Она оказалась самой привлекательной из всех моих интеллектуальных патронов, о чем ей было незамедлительно сказано. Нехитрый комплимент развеселил девушку, и я узнал, что означает выражение «когнитивный диссонанс». Тиа принялась обучать меня образному мышлению на примере классической литературы, и я так высоко ценил ее усилия, что каждый раз вежливо прикрывал ладонью рот, когда хотел зевнуть. Но труды Тиа не пропали даром. Мои успехи в аллегориях настолько впечатлили учительницу, что она удостоила своего подопечного чести быть приглашенным на ее день рождения. Праздник прогнозируемо закончился в постели. И хотя с тех пор мои культурные запросы сузились до подсчета количества крючков на ее одежде, Тиа не возражала. Ей все равно пришлось поменять работу из–за служебного флирта. На базе «Форекон» не поощряется, когда тренер занимается любовью с подопечным. Пить вместе – пожалуйста, но спать вместе нельзя. Чтобы как–то компенсировать девушке неприятности, я включил ее в список резидентов Хибары. Признал официальный статус нашей связи, но до полноценных отношений дело не дошло. Время текло, Тиа терпеливо ждала моего следующего шага. Она не демонстрировала это открыто. Номинально я был абсолютно свободен так же, как и она. Мораль общества не возбраняла нам связи на стороне, хотя я не мог в силу характера пользоваться этим правом. Мешало чувство вины, через которое я сегодня планировал перешагнуть. К тому же любая женщина рождается с полным генетическим набором школы намеков и красноречивого молчания. Тиа применяла на мне свои штучки, а я напротив, чем дальше, тем больше стал отбиваться от рук. Витающие в воздухе обязательства начали меня тяготить. Но и прекратить отношения я не мог. Девушка пострадала по причине моей бесшабашности – как я мог ее бросить? Или уже не хотел? В результате между нами установилась тревожная тишина. Дело могло в любой момент кончиться либо разрывом, либо брачным союзом. В обоих случаях это точно будет безрассудным поступком. Вот и возрази теперь Гиллису.

– Салют, Тиа, – печально сказал я.

Смуглая брюнеточка прошлась взглядом по забинтованному плечу, потом улыбнулась, расчетливо сверкнув безупречными зубками:

– Салют, Слик. А я решила заскочить – узнать, как ты. Все – таки попал в перевязочный реестр.

– Как узнала?

– Девчонки из диспетчерской сообщили, – немного смущаясь, сообщила Тиа. – Что случилось? Рана серьезная?

– Ерунда. Навылет сквозанонуло. Через пару дней затянется полностью. Проходи, располагайся.

– Что проделываешь? – получив мое приглашение, она вновь победительно улыбнулась и порхнула ко мне на диванчик.

Ее безупречное тело пахло свежестью, черные волосы хранили чуть различимый аромат каких–то терпких цветов. Тиа искоса посмотрела на панель и, увидев, в каком окошке я нахожусь, возмущенно всплеснула руками:

– Вот ты чем занят! Положительно – от девушек мужчинам всегда нужно только одно, – ее личико обиженно вытянулось.

Я нахмурился:

– Проблема не в том, что мужчине от женщины нужно только одно. Проблема в том, что женщине от мужчины всегда нужно все.

Тиа виновато погасила топазовые огоньки зрачков:

– Извини, Слик. Как там, в псевдо–диком мире? Воняет, наверное…

– Не так конечно, как у меня во рту после твоего дня рождения, но тоже пованивает порядочно, – я усадил Тиа себе на колени и теперь старательно портил ее идеальную прическу.

– Вижу, что ты хотел расслабиться, – она скосила на меня хитрющие глазки. – Ну, так давай расслабимся. Стой, Слик, не так быстро! Погоди, я сейчас, – подружка шустренько вывернулась и моих объятий и, подмигнув, скрылась в полупрозрачном конусе душа.

Положительно – в новых знакомствах есть свежесть, искра, интрига, но и привычные отношения доставляют немало положительных эмоций. Даже жаль, что с Тиа вскоре придется поговорить всерьез. Девушка собралась вести осаду капитана Слика по всем правилам фортификации, а ни одно укрепление таких действий не одобряет. Сколько, интересно, провела она времени перед своим туалетным столиком, когда собиралась нанести мне «неожиданный» визит? Но ее стройная тень на дымчатом пластике душевой кабины мгновенно стерла из моего сознания здравые мысли, заменив их выбросом гормонов. Она вернулась через несколько минут, запечатанная в белоснежное вафельное полотенце. На бронзовой коже Тиа светильники зажгли десятки бриллиантовых капелек.

– Что попробуем сегодня? – ее внезапно охрипший голос

сказал мне о том, что тело моей девушки уже включило режим сексуальной активности.

Этот стандартный вопрос как обычно поставил меня в тупик:

– Твои предложения?

– Хочу романтики.

– Мне бы такую, чтобы меньше шевелиться.

– Можно один–один–девять, – девчонки почему–то всегда знают содержание любовного командного набора наизусть. И мы, мужчины, постоянно идем на поводу их желаний.

– А что там?

– Выбирай. Тебе понравится.

Наши тела повиновались введенным установкам и потянулись друг к другу. Из стены за моей спиной услужливо выкатилась огромная кровать, на которую мы, спустя несколько секунд, плавно опустились, как и было предусмотрено в любовной схеме номер сто девятнадцать. Вдруг Тиа отстранилась, перейдя в мануальный режим:

– Погоди.

– Что случилось?

– Моя сто девятнадцатая идет под музыку Стравинского «Поцелуй феи».

– Хм. А у меня нет такого. Странно.

– Скачай обновление! Ты – отсталый тип. Ладно, сама поставлю. Передай мне на минуту управление домом!

Потом, после бурной взаимной разрядки, Тиа вновь ускакала в ванную комнату и вернулась ко мне на кровать с двумя стаканами апельсинового сока.

– А знаешь, в средние века все было не так, – важно заявила она, устраиваясь рядом и протягивая мне один бокал.

– Тебе виднее. Куль–тур–ролог!

– Хватит дразниться. Я просто смотрела древние фильмы про любовь и секс и, представляешь: мужчина и женщина тогда ложились в постель без всяких предварительных программ.

– Это как?!

– Очень просто. Расчет был на взаимопонимание и интуицию. Во внутренних «арриалах» до сих пор так принято. Там большинство населения еще не «чипованы».

– Забавно. Ну, когда мозговых процессоров не существовало – это понятно, но сейчас… Хотя, может быть, они на словах договариваются о последовательности действий.

– Удивительно, но нет. Ничего подобного. И тогда, и теперь некоторыми ценится непредсказуемость. Естественность. Б–р–р… Я вот представила, что ты меня исследуешь, рассматриваешь, словно паук попавшую в сеть муху, а я не знаю, чего от тебя

ожидать и прямо мороз по коже прошел. Отвратительно, правда?

– Понятия не имею. Можно будет как–нибудь попробовать. Вот так, словно ископаемые. Совсем без программы.

– Фу! – Тиа шутливо толкнула меня в бок кулачком и демонстративно отодвинулась.

Я правой рукой сгреб ее в охапку и, преодолев шутливое брыкание, поцеловал в нос.

– Хочешь поужинать?

– Да, любовная игра отнимает силы, – нарочито томно промурлыкала девушка.

– Так заряди свои аккумуляторы. Они тебе еще сегодня понадобятся.

– Ой–ой–ой, большой парень играет всеми своими мускулами! – подразнила меня Тиа. – Выведи меню на большой экран.

Несколько минут она копалась в разных блюдах, потом вздохнула:

– Не могу выбрать.

– Возьми салат из креветок. И кварту сухого вина.

– Я хочу угря.

– У него противный привкус.

– Всегда удивляюсь – откуда в тебе столько знаний по биологии?

Я невесело усмехнулся:

– Это почти моя вторая специальность – разбираться в природе. С подросткового интерната половина учебных часов у нас, курсантов, была сплошной биологией. Военный обязан знать своего врага, а наш враг – дикая природа Земли. Закажи тогда суп из морского гребешка. Полезный, снижает уровень холестерина естественным путем.

– Он, наверное, дорогой. В твоем РМ – бюджете возникнет финансовая дыра.

– Чего?! – удивился я.

– Ой, я все время забываю, что вы, военные, избавлены от системы РМ. Живете, словно древние магараджи. Просто берете все, что пожелаете. А платит правительство.

– В рамках нашей страховки. И потом, – я кивнул на бинты, – мы отдаем Метрополии не только свое время и знания.

– Ладно, убедил. Сам что будешь?

– Ничего, я уже поужинал.

– Давай еще раз, со мной за компанию.

– Не хочу, спасибо.

– Нуууу, Слик…

– Тиа, я уже сказал, что только что набил брюхо. Не хочу.

– Вот так. Ты всегда думаешь только о себе.

Мне даже на секунду послышался всхлип в ее последних словах. Но уже через минуту природная общительность моей девушки взяла свое, и она, усевшись мне на колени, принялась взахлеб рассказывать подробности последнего рабочего дня:

– А вот еще! У меня сейчас новый учебный курс – знакомство с древней массовой культурой. Мы анализируем их киноленты на предмет того, как они влияли на общественное сознание.

– Опять про секс? – я слушал вполуха, меня больше интересовало полотенце, которое настойчиво соскальзывало с ее груди.

– Не только. Вчера, например, я изучала фильм о механическом перевороте.

– Что–то не припомню я такого из курса истории…

– Какой ты! Я же рассказываю про фильм! Это выдуманное будущее. Тогда были популярны апокалиптические мотивы, хотя это оправдано с точки зрения глобального маркетинга – данное мышление стимулировало всеобщее потребление…

– Ну и что?

– В той картине машины восстали и попытались уничтожить людей.

– Какие машины?

– Всякие. Неразумное общество создало человекоподобные механические устройства, агрессивные ко всему живому. Случилась война. Не как у нас с антропоморфами, а реальная, настоящая война.

– Ха–ха. Интересно. Ну и кто там победил?

– Кто–кто? Наши, конечно!

Линия Моллоя. Щедрое подаяние плебсу.

Пупырчатая от заклепок шкура «Фиделя» вздрагивала – техники, как всегда что-то латали в последний момент, снаружи громко ругался старшина механиков Ноэль, поскольку один из баллонов с углекислотой оказался пустым, но Моллой не замечал предстартового шума и суеты. Когда было нужно, он умел отключаться от всего. Его тонкие пальцы гладили, почти ласкали экран планшета. Программу-подражатель Моллой написал сам. И назвал ее «Ван Дейк». Разве великий голландец не пытался подражать своему учителю Рубенсу, чтобы потом превзойти его? Хорошая тактика – сначала поравняйся и повтори, а потом обгони и уйди далеко вперед. «Ван Дейк» помогал ему визуализировать собственные архитектурные замыслы, причем делал это в строгом соответствии со стилями гениальных живописцев.

– Действие. Открыть файл Прайда, – Моллой не сдавался в попытке улучшить одну из своих работ.

Распознаватель голоса послушно выполнил его требование. Пред глазами архитектора разверзлась бесконечная лавовая пустыня. Потоки магмы дрожали раскаленным мерцанием, клокотали кипящие грязевые гейзеры, огненный Флегетон медленно увлекал свои тяжелые воды вдоль покрытых пеплом берегов, под напором сернистых газов в небо взлетали обломки горных пород. Буйство было, мрачность присутствовала, но Моллой не чувствовал завершенности композиции. Пейзаж казался разрозненным, словно состоял из нескольких и плохо совмещенных между собой элементов.

– Действие. Почерк Моне, – скомандовал Моллой.

Краски «потекли». Голубой цвет пробился сквозь угольно-карминовый хаос.

– Нет, не то, – вздохнул архитектор. – Импрессионизм тут не подходит. Действие. Стиль Кандинского.

Яркие краски на грани гротеска просто взорвали пейзаж. Фонтаны красного, желтого и фиолетового влили в Прайд оживление, но это было болезненное, на грани безумия, оживление. Моллой прикусил губу. Абстракция вымыла из рельефа идею автора и заменила ее собственной.

– Действие. Стиль Беклина, – после минутного размышления осторожно произнес он.

И через десяток секунд изумленно прошептал:

– Вау…

Словно белоснежные клыки пейзаж разрезали остроконечные скальные пики. Потоки лавы нашли свое отражение в бликах на темно-зеленых глыбах вулканического стекла. С поверхности Флегетона исчезли ленивые водовороты, его воды словно застыли. Картинка утратила вызывающие краски, но торжество неизбежности сквозило теперь во всем.

– Добавить элемент «Харон»? – на экране высветилось диалоговое окно.

– Принято.

Посередине реки появилась лодка. На ней – старик с белоснежными волосами, в серой хламиде и с тонким веслом в руке. Лодка везла гроб.

– Действие. Убрать лодку, добавить плот. И пусть вместо весла будет канат. Одежду Харона сделать черной.

«Ван Дейк» послушно внес изменения в пейзаж. С ними он потерял последние нотки умиротворения. Теперь от него повеяло тоскливой безнадежностью.

– Есть. Наконец-то, – по тонким губам Моллоя скользнула

улыбка. – Сохрани его, Гвен.

Гвен, вернее Гвиневра – так он называл свой планшет. Кодовое имя есть лишь пароль обращения, маркер для голосового фильтра компьютера, так почему же ему не быть благозвучным? Но Гвиневре пришлось затаиться и уменьшиться до Гвен, потому что один из его соратников по бюро услышал, как Моллой обращается к планшету и поднял коллегу на смех:

– Глядите, что отмочил наш скромняга! Назвать дешевый гаджет именем жены короля Артура – надо же до такого додуматься! А свою холостяцкая берлогу, ты, наверное, окрестил Камелотом? Право, на меньшее не стоит соглашаться. Иначе некуда будет принести с работы Гвиневру. Эх, ты, сэр Ланселот Озерный!

Поэтому Гвен и никак иначе. Он пока не гордый рыцарь, а скромный трудяга – оруженосец. Но скоро, очень скоро на его плечо ляжет тяжелый меч признания суверена и он поднимется с колен захудалости, поднимется уже тем, кто может называть Гвиневрой свою электронную помощницу без всякого стеснения. И надежды Моллоя были связаны отнюдь не с кроуд-файтингом и верным «Фиделем», в кресле пилота которого он провел без малого год, а с его работой и переходом в социальный класс «А». Пусть задания становились все сложнее, но отчисления РМ за них достигли небывалых размеров. А что касается смысла проектов, которые разрабатывал Моллой… он и сам не мог объяснить себе их сути. Но раз они приходили по правительственным каналам Метрополии, значит государство нуждалось в них, не так ли? Еще немного и главная цель жизни Моллоя будет достигнута. Несмотря на творческую профессию он не был мечтателем. Все его мечты имели срок исполнения.

Защитный шлем Моллоя, что лежал перед ним на приборной панели, вдруг ожил голосом Фарги, пилота «Варана», второго механизма их товарищества.

– Моллой, привет.

– Здравствуй, Фарги. Как твоя ящерица?

– Немного барахлит привод хвоста, но на пару боев его хватит.

– Все шутишь? Это же прямой убыток акционерам.

– Ничего, не всегда же им зарабатывать на наших шкурах. Где твой неверный? Мне нужно обсудить с ним тактику нападения.

– Опаздывает, как всегда.

– Вызови меня, когда он объявится.

Второй номер Моллоя, оператор оружия краулера имел экстравагантную внешность, за что его прозвали Янычаром, но пунктуальность не была его сильной стороной. Сколько раз он

заставлял напарника нервничать, когда являлся за пять минут до начала турнира? Это просто чудо, что их до сих пор не разу не дисквалифицировали. Вот был бы скандал на все товарищество! «Фидель», как и все прочие спортивные роботы создавался на частные пожертвования граждан. Если машина хорошо дралась, то акционерное общество постепенно выходило в «плюс». Потому что за каждую победу платили звонкими сообщениями о пополнении РМ-баланса. Ну, и еще можно было делать ставки на тотализаторе. Особенно удачливые могли заработать на кроуд-файтинге состояние, но большинство болталось вокруг нулевого баланса по обе его стороны. Иное дело – пилоты. Им не приходилось раскошеливаться при подготовке к очередному турниру. Их взнос в общее дело ограничивался полисом медицинской страховки. Это потому, что каждый третий оператор получал в боях травмы различной степени тяжести. Но это мало кого пугало, конкурс на места пилотов всегда был сумасшедшим. Чтобы попасть в кресло «Фиделя» Моллою пришлось несколько лет каждую вторую ночь проводить в бесконечных виртуальных турнирах. Помогло то, что он никогда не терял хладнокровия. И математические способности архитектора. Моллой без труда читал «геометрическую» схему битвы, поэтому «Фидель» часто начинал бой на самой выгодной позиции. Ему прочили большое будущее в кроуд-файтинге, но Моллоя не вдохновляла спортивная карьера. Он пришел сюда исключительно ради РМ–заработка.

Над воротами технического зала зажглась цепочка оранжевых прожекторов.

– Двадцать минут до начала отборочного раунда. Операторам приготовиться! – Моллой много раз видел эту дикторшу и всегда удивлялся, откуда у этой кукольной блондиночки в голосе столько бездушной жестокости.

В стекло кокпита снаружи застучала нетерпеливая рука. Это был Фермин, администратор команды. По его красному лицу стекали капли пота, от волнения он облизывал губы. Впрочем, Фермин всегда нервничал и вносил в последние минуты перед боем совсем ненужную суету.

– Выключайся, Гвен, – флегматично сказал Моллой, после чего вручную отодвинул прозрачный люк из карбонового стекла. – Ну, чего опять?

– Моллой, мы меняем второго пилота.

– Что???!!! – теперь занервничал уже сам Моллой.

– С Фаридом никто не может связаться. Он куда–то исчез.

Верно. Коммуникатор стрелка не подавал признаков жизни.

– Мы завалили его страницы в сети сообщениями, но все без

толку, – пожал плечами Фермин. – Хорошо, что я успел внести изменения в заявку.

– Кто он?

– Отличный парень. Опытный. Зовут Полди. Он уже осваивается во второй капсуле. Можешь пообщаться.

Холодные серые глаза Моллоя внимательно исследовали дерганую мимику администратора. Ситуация была нерядовая, но вполне решаемая. Сотни пилотов ждали своего часа в резерве. Кому–то из них сегодня повезло. Конечно, на карту поставлена репутация команды, заработок акционеров и здоровье самих операторов. Но такое иногда случается, странно еще, что бесшабашный Фарид не подвел их раньше. Хотя боец он был классный, не отнять. Но все равно – что-то было не так. Какую–то фальшь уловил Моллой в бегающих глазках Фермина, он явно рассказал не все. Впрочем, Моллой умел сосредотачиваться на главном. А главное должно было начаться уже через пятнадцать минут.

– Ладно. Я понял. Это все?

– Нет, – Фермин замялся. – Слушай, если хочешь, то можешь снять свою ставку. Организаторы пойдут навстречу, я договорюсь.

В этом раунде верхнюю планку тотализатора установили на пятидесяти РМ. Поставить на свое мастерство для пилота было вопросом чести.

– Я не собираюсь этого делать, – в голосе Моллоя промелькнула нотка брезгливости. – И тебе не советую.

– Нет-нет, я так, на всякий случай…

– Коэффициенты букмекеров взлетели?

– Да, с один, точка четырех до трех с половиной.

– Отлично, – Моллой удовлетворенно улыбнулся.

Его худая рука снова взялась за ручку люка.

– Выложи на страничку «Фиделя» – первый пилот посвящает стартовый бой всем нашим инвесторам. Когда меняются люди, на помощь приходит ударная мощь.

– Хорошая идея. Удачи!

– Спасибо, Фермин. Не вздумай менять ставку, слышишь?

Администратор еще грохотал ступенями приставной лестницы, а Моллой уже нажал кнопку интеркома.

– Здесь Полди, – прозвучал из наушников шлема молодой и насмешливый голос.

– Первый пилот Моллой.

– Будем знакомы.

– Мне не помешает информация.

Ироничное фырканье.

– Три года в файте. Восемь тысяч девяносто шестой в

рейтинге.

Солидно. Опыт больше, а позиция выше, чем у него самого. Через компьютер «Фиделя» Моллой быстро нашел личное дело своего нового напарника. Белобрысая веснушчатая дылда, приятная улыбка, но в глазах искры веселой бесшабашности. Положительная статистика побед и поражений. Трижды доходил до финальной пульки Кубка Провинции, но в призеры не пробивался. Сам Моллой споткнулся на уровне одной второй чемпионата Венториса, причем считал это серьезным достижением.

– Ясно…, – протянул Моллой. – А почему остался без команды?

– Это связано с переменой места работы, – прозвучал ответ, который вполне мог быть поразвернутей. – Ты не парься. Последние полгода я сидел за рычагами именно краулера.

– Значит, ротор с манипуляторами не спутаешь?

Из динамика плеснуло смешком:

– Ты только дай мне позицию для атаки, а уж я не подведу.

В кроуд –файтинге установилась прочная градация стальных бойцов: краулеры – универсальные машины с хорошей защитой, но неповоротливые, страйдеры – юркие метатели различных снарядов, скарпоны – аппараты с лобовой броней и атакой с задней линии (к ним, в частности, относился «Варан»), элеваторы – роботы, где была сделана ставка на низкий клиренс и мощный подъемный механизм.

Каждая машина была выполнена на железном каркасе. Применение синтетических материалов, равно как и современных биотехнологий строго регламентировалось. Организаторы турниров тем самым преследовали несколько целей: и романтизацию древних, уже ставших классикой произведений о войнах между людьми и роботами, и простоту исполнения (файтера для боев можно было при желании собрать в небольшой мастерской), а самое главное – лимитировался расходный бюджет. Поскольку механизмы создавались на пожертвования акционеров команд, правительство Метрополии решило уравнять их возможности и сделать главную забаву планеты максимально доступной для простых граждан. По ценам свободного рынка на комплектующие, каждый участник соревнований не должен был стоить дороже 28 000 РМ. Чем больше народу входило в число инвесторов команды, тем меньше был их ежемесячный донорский платеж, но и доходы падали соответственно. Еще несколько лет назад оптимальным считалось акционерное общество в тысячу человек, но популярность кроуд-файтинга все росла, поэтому каждому товариществу разрешили иметь двух роботов на арене.

У команды, за которую выступал Моллой их было именно столько. Мощный краулер и быстрый скарпон. «Фидель» принадлежал к классическому типу железных монстров. Две стальных клешни-манипулятора делали его похожим на краба, а роторный вал с шипами надежно прикрывал тыл. Он двигался не слишком быстро, маневренность не входила в число его сильных сторон, но если «Фиделю» удавалось запереть противника в углу площадки, тому приходилось несладко. Название роботу придумал Моллой. «Точный», «Расчетливый», «Верный» – железный гладиатор гордо заявлял о своих достоинствах. Цвета «Фиделя» – сапфирово–синий с зеркальными панелями кокпитов, а эмблема – серебряный скарабей на лобовом отражателе. Высотой робот немного превосходил африканского слона и имел более широкую базу. И в очном поединке против него у слона не было бы ни единого шанса.

– Внимание! Пять минут до начала отборочного раунда. Просьба пилотам – занять свои места.

Вспыхнули желтые прожектора. Моллой нажал кнопку стартера. Корпус «Фиделя» завибрировал моторной дрожью.

– Зря гоняешь движок. Нас посеяли восьмыми.

Результаты жеребьевки скидывались в штабы команд и на компьютеры пилотам за минуту до старта. Одновременно с ними приходила схема и очередность выезда из технического зала в буферную зону. Но Полди сказал об этом раньше официального объявления.

– Откуда знаешь? – с подозрением поинтересовался Моллой.

– Ха–ха. Я уже давно варюсь фрикаделькой в супе файтинга. Имею связи.

– Понятно. А какие еще интересные сплетни плавают в этом бульоне?

– Вроде бы в первом нашем бою будет площадка номер восемь.

Восьмой номер рельефа – это рельеф с водной преградой. Ценные сведения. Маленький ручей или озерцо сильно снижали скорость и маневренность вертких моделей роботов. При таком раскладе неторопливый краулер получал весомое преимущество.

– Уверен?

– Не настолько, чтобы сообщать «Варану».

– Ясно.

Экран бортового компьютера мигнул. Моллой открыл карту–схему отборочного раунда. Они и вправду выезжали на арену в восьмой группе. Слепой рэндом выбрал им в соперники совершенно незнакомую команду «Тайфун». Страйдер и элеватор. Не самое сильное сочетание. Они обязаны проходить дальше!

Сто квадратов технического зала взревели моторами боевых механизмов. На полу перед некоторыми уже зажглись зеленые направляющие. Первые стальные гладиаторы двинулись по световым стрелкам к своим личным триумфам и поражениям. А кто –то может и к машине Службы Спасения, что во множестве дежурили у ворот Дворца кроуд-файтинга.

За несколько мгновений до того, как пришел их черед выезжать на арену, на коммуникатор Моллоя пришло сообщение от Лори. Очаровательная зеленоглазая шатенка с мягкой улыбкой сидела в конторе от него через один стол и «в мыслях на подушке» являлась Моллою совсем не в деловом костюме. «Мы с коллегами смотрим репортаж в спорт-баре напротив офиса. Болеем за тебя! Удачи в битве!».

Грустная улыбка тронула его губы. Наивная Лори. Скорее всего она была единственной из компании сослуживцев, кто искренне желал ему успеха. Остальные предпочли бы увидеть его лежащим в коме, а потом, лицемерно скорбя, оставить свои росписи на траурном венке. Потому что на работе Моллоя терпеть не могли. За то, что ему единственному дали новую тему, за то, что перед ним уже приоткрылись двери класса «А» – верхней ступеньки социальной лестницы граждан, да и за тот же кроуд–файтинг. Они считали Моллоя бессовестным везунчиком. Никто, ни один из них и понятия не имел, чего стоили баловню удачи эти, казалось, незаслуженные успехи.

Моллой нахмурился, отключил коммуникатор и чуть тронул педаль скорости. Массивная туша «Фиделя» плавно сдвинулась с места. Провернулись все восемь ведущих колес, закрытых броневыми листами, на корпусе заиграли сотни синих светодиодов, словно рисуя на шкуре чудовища причудливые узоры. Полди опустил вниз правый манипулятор и прочертил по бетонному покрытию полосу искр. Боевая традиция?

– Рисовщик, – процедил сквозь зубы Моллой.

В свете зеленых прожекторов они вползли в буферную зону арены. Несколько поврежденных роботов деловито оттаскивали электрокары. Сами двигаться они уже не могли. Путь побежденных гладиаторов короток и полон печали. Либо к техникам в починку, либо – на свалку металлолома. Кокпит пилота одного из бойцов был сильно поврежден – каркас сложен наполовину, стекло превратилось в сетку из мелких трещин. Моллой поежился. Он понимал, что в этом поединке пострадал водитель механизма. Липкая медуза страха протиснулась ему под сердце. А вдруг это случится со мной? Нет, не хочу! Но уже через секунду его брови упрямо сошлись на переносице – страх подавляет разум, но мы не будем бояться, мы пойдем ему навстречу!

Перед красной линией Моллой остановил «Фиделя» за мгновение до того, как ему в лицо зажглись красные буквы «Стоп». И тут же начался финальный отчет. 10, 9, 8, 7… После цифры «1» они оказались внутри световой колонны. Сработала пиротехника, вверх с шипением устремились фонтаны фейерверков, а потом рубиновая лазерная сетка разрезала пространство на эффектные кубики.

– Приветствуем «Фиделя» из команды «Гардарика», участника прошлогоднего полуфинала Венториса! – Под сводами Дворца кроуд–файтинга загремел голос конферансье. – На пути к нему этот опытный боец проделал впечатляющую серию из девяти побед подряд и оступился лишь в поединке с нынешним чемпионом столицы – непревзойденными краулерами из команды «Сумотори». Счет личных побед «Фиделя» – двадцать восемь против четырех. Выдающаяся статистика!

После каждой фразы диктор брал паузы, а сто двадцатитысячная армия болельщиков отвечала ему восторженным ревом. Изнутри Дворец кроуд-файтинга представлял собой сферу, причем ристалище находилось по ее центру. Нижние ярусы могли следить за ходом поединка сквозь прозрачный пол или на многочисленных экранах мониторов, наслаждаясь если не живым зрелищем, то хотя бы эффектом своего присутствия в этом месте.

– Ради такого момента можно все на свете отдать, – голос Полди прозвучал хрипло. – А, напарник?

– Лично я не согласен отдавать гонорар за первый бой, так что соберись, – ответил Моллой.

– Второй номер «Гардарики» – скарпон «Варан», настоящий хищник, подлинная гроза страйдеров противника, – продолжал представление комментатор, а Моллой обозревал поле битвы.

Площадку наискосок пересекал ручей, так что Полди не

соврал. Правая сторона поля боя круто уходила в возвышенность, слева полускрытая синтетическим кустарником притаилась яма со щебнем. Колеса в нем вязли, угодивший в нее аппарат неминуемо терял секунды и был крайне уязвим в это время. Ну и по центру арены из грунта торчала гранитная группа в виде нескольких пирамидок. Стандартная ловушка. Об их острых шпилях часто забывали в драке, а в результате пропарывались днища, ломалось оружие и вылетали не только колеса, но даже и оси машин.

На противоположной стороне площадки появились противники. Пока комментатор расписывал их спортивные подвиги, Моллой цепким и внимательным взглядом исследовал особенности конструкции машин «Тайфуна». Элеватор напоминал сковородку, которой не посчастливилось развиться в сотейник. Над горизонтальным шлюзом подъемника нависала плита броневой защиты, которая, конечно же, могла опуститься и спасти оружие робота от ударов хвоста «Варана». И еще, скорее всего, выполняла функцию дополнительного рычага при перевороте вражеского механизма. Так, значит у нас тут двойной элеватор. Веретено корпуса страйдера выглядело ноздреватым от пневматических катапульт. Наверху виднелись две бронебойных стрелы – самое опасное оружия роботов-метателей.

– Здесь Полди. У элеватора очень узкий дорожный просвет. Мне не подсунуть туда клешни. Зато ротор легко приплющит оба его подъемника.

Моллой согласно качнул головой. Он и сам отметил низкую посадку соперника.

– Грунт площадки неровный. Я постараюсь загнать его туда, где это станет настоящей проблемой. А теперь не мешай – мне нужно просчитать логистику боя.

Площадка мысленно превратилась для него в чертеж строителя. С промерами холмиков и впадин. Водитель краулера исчез, сейчас он уступил свое кресло архитектору. Через минуту Моллой был готов действовать. Он быстро отдал распоряжения пилоту «Варана», после чего его руки замерли на рычагах, а правый ботинок лег на педаль скорости.

– Активация!!!

Последние звуки потонули в разноцветных фейерверках. С хорошо отрежиссированным лязгом позади «Фиделя» рухнули стальные решетки, которые отрезали гладиаторам путь к отступлению. Разом вспыхнули все осветительные прожекторы. Бой начался. Туша «Фиделя» двинулась вперед. И в тот же миг сработали обе пушки вражеского страйдера. К краулеру понеслись два овальных снаряда. Вообще–то бить с такой дальней

дистанции было ребячеством, но то ли стрелок оказался снайпером, то ли ему просто повезло – бочонки летели точно в переднюю часть «Фиделя».

Правая клешня краулера взметнулась вверх. Ббанг!!! Полди сумел одним движением сбить обе гранаты. Огромный зал ответил на его действие восхищенным вздохом. Причем напарник Моллоя ударил настолько сильно, что один снаряд улетел обратно к противнику, а второй просто разорвало. Черные брызги разбросало в разные стороны. Если бы эта клейкая маслянистая жидкость попала на обзорное стекло «Фиделя», то отчистить ее было бы невозможно, и водитель краулера «ослеп» бы на весь поединок.

– Фарги! – Рявкнул Моллой и прибавил непечатное слово.

– Прости, старина, не успел.

Парой фраз, которые почти целиком состояли из нецензурщины, Моллой напомнил пилоту «Варана», что его задача – закрывать тушу краулера от выстрелов издалека. Клеевая мазутная смесь не представляла угрозы для робота–скарпона, его иллюминаторы по аналогии с веками ящерицы надежно прикрывали железные жалюзи.

– А твой второй номер ничего! – добавил Фарги. – Реакция у парня что надо!

– Можно было и не лупить с такой дурью. Половину стекла мне забрызгал. Догоняй!

«Варан» подровнялся и теперь обе машины ползли вперед очень плотно.

– «Гардарика» атакует! – завопил комментатор. – Поддержим ее!

А роботы «Тайфуна» не спешили навстречу к врагу. Они смещались влево. Элеватору требовалась ровная поверхность для его оружия. Страйдер еще раз выстрелил в них дуплетом. На этот раз бронебойными. Оба снаряда ударили «Варану» в подбрюшье. Даже со своего места Моллой услышал, как с треском лопнула бронированная шкура скарпона.

– Фарги, ты как?

– Меткий паршивец. Пробил защиту, помял кожух мотора, но его стальная обшивка выдержала. Хотя второго залпа я могу не пережить. Если попадет в тоже самое место. А бьет он очень прицельно.

– Размен!!!

«Фидель» замедлил ход, и быстрый скарпон проскочил у него перед самым носом.

– Что творит «Гардарика»! Они поменялись противниками! – комментатор продолжал заводить зал.

Теперь «Варан» стремительно выходил из-под прицела врага. Чтобы держать его на мушке метательных орудий, страйдеру придется выехать вперед в непосредственной близости от грозного «Фиделя». Что решит неприятель? Подставит краулеру слабозащищенный бок, но попробует добить ящера или попытается спастись сам? Страйдер подался назад и стал разворачивать корпус к «Фиделю».

– Полди, приготовься.

– Не учи повара суп солить.

Теперь в дело пойдут торпеды. Моллой ожидал, что стрелок соединит клешни в монолитный стальной блок, но Полди чуть поднял манипуляторы и оставил кокпит своего водителя незащищенным. По залу пронесся стон. Большинство любителей кроуд–файтинга понимало, какой опасности сейчас подвергается пилот «Гардарики». Лобовая атака на страйдер сама по себе – дело рискованное, а тут еще и с открытой для торпед кабиной. У Моллоя пересохло во рту. Ему казалось, что жерла пневматических баллист смотрят ему прямо в лоб.

Фуурхх! Со страйдера ушли снаряды. В то же мгновение стальные клешни краулера немного дернулись вперед. Этого хватило, что изменить траектории полета «бревен». Выглядело это так, словно кто–то шутки ради бросил в товарища два карандаша, а тот не растерялся и подшиб их снизу кулаками. Торпеды чиркнули по крыше «Фиделя», не причинив тому существенного вреда и ушли вверх. Зал взорвался оглушительной овацией.

– Моллой! Ты как там? Сиденье не мокрое?

– Самую малость. Учти, Полди, если ты меня угробишь, я тебе с того света являться буду.

– Очень мило. Заходи, поболтаем.

Страйдер попытался отъехать к стартовым решеткам и развернуться, но «Фидель» был уже слишком близко. Левым манипулятором Полди ухватил вражескую машину за ствол орудия, а правым, словно молотом, принялся наносить удары по корпусу. От грохота у Моллоя заложило уши. Он представил, что сейчас испытывают пилоты страйдера и ему вновь стало на мгновение страшно, до дрожи. Через несколько секунд «метатель» команды «Тайфун» стал походить на помятую консервную банку. Белым газом рванули баллоны с углекислотой. Оглушив противника, стрелок «Фиделя» протиснул клещи тому под днище. Послышалось напряженное гудение моторов, которое перекрыл скрежет металла. Колеса страйдера бешено вращались, но лишь поднимали в воздух тучи мелкой грунтовой крошки. Вот манипуляторы «Фиделя» тяжело пошли вверх и страйдер с

жутким треском завалился на бок. Полди тут же воткнул тому два проникающих удара в беззащитное днище. Плеснул поток трансмиссионной жидкости. Шланги и трубы противника повисли будто перерезанные сосуды.

– Он готов!

Моллой стремительно выкрутил влево руль машины и нажал на педаль скорости. «Фидель» бросился на подмогу «Варану». А тот пятясь, отбивался от вражеского элеватора. Хвост ящера уже был погнут, от передней лапы остался один скелет.

– Фарги, держись! Лезь в реку!

– Не успею. Он мне руль заклинил.

«Фидель» с разгона протаранил вражеский «подъемник». К счастью Полди успел поднять вверх манипуляторы. Элеватор «Тайфуна» отбросило в сторону, но тот с похвальным упорством рванулся обратно, к своей недобитой жертве.

– Крутись! – заорал Полди, но Моллой и так знал, что делать.

Колеса краулера имели режим разворота вокруг собственной оси. Нужно было срочно задействовать ротор. К несчастью, Фарги выбрал именно этот момент, чтобы ударить хвостом, а стрелок «Фиделя» не успел опустить манипуляторы. Роботы с лязгом сшиблись и правая клешня «краба» повисла, сломанная в суставе. Сфера арены охнула.

– Проклятье! – выругался Моллой.

Вот она – цена несогласованности, цена прихода пусть и талантливого, но нового игрока. Но краулер все–таки успел развернуться и его вал вгрызся в подъемные механизмы соперника. И уже не в первый раз за спортивную карьеру Моллой услышал предсмертный вой железа. От элеватора полетели искры и куски металла. Второй гладиатор «Тайфуна» лишился главного оружия. Он еще мог двигаться, но теперь не представлял угрозы.

– Фарги, ты хочешь с ним поквитаться?

– А то как же!

– Справишься? Твой хвост еле шевелится.

– Ничего, я таким образом растяну удовольствие.

– Гляди, не покалечь пилотов. Получим штраф за неоправданную жестокость.

– Вечно ты, Моллой, думаешь только о деньгах!

Когда время поединка истекло, «Фидель» уже стоял в центре площадке, рядом с гранитной пирамидой, словно монумент торжества победителя, а злобный «Варан» продолжал долбать несчастный элеватор своим согнутым хвостом. Команда «Гардарика» прошла дальше по отборочной сетке.

Вердикт старшины техников был краток, как надгробная эпитафия неизвестного: нужно два часа, чтобы починить клешню.

Сто двадцать минут, которых у них не было. Полди сконфуженно улыбнулся:

– Извини, напарник. Не ожидал я от «Варана» такого подарочка.

Моллой вздохнул:

– Что поделать. Бывает.

Кудрявая голова Фермина мелькнула в водовороте разноцветных шевелюр обитателей технического зала, потом вынырнула ближе и через несколько секунд администратор «Гардарики» стоял рядом с экипажем, отдуваясь словно кашалот:

– Через полчаса следующий бой. Как ваши дела?

– Паршиво, – ответил за всех Полди. – Мы без одной руки.

– А скарпон?

– Он будет в порядке. Техники сейчас выгибают хвост и подваривают новую защиту.

– Одним «Вараном» мы эту битву не вытянем.

У Моллоя тревожно засосало под ложечкой:

– Кто соперник?

– Твои прошлогодние обидчики – «Сумотори».

– Проклятье.

А старшина техников присвистнул и безнадежно махнул рукой. Полди нахмурился:

– Кто-нибудь расскажет мне о причинах этой вселенской скорби?

Поскольку остальные сумрачно молчали, пояснения пришлось давать Фермину:

– «Сумотори» – действующие чемпионы столицы. Год назад они от нас камня на камне не оставили.

– Что за машины?

– Два краулера.

– Слушай, раз ты администратор, то хоть пытай кого-хочешь, но достань мне данные об их повреждениях в прошлом бою.

Фермин зыркнул на Полди исподлобья:

– Считай, что уже достал. Они вообще без повреждений. По противникам как катком проехались. Весь бой занял шесть минут, из которых четыре ушло на сближение.

– Веселые дела.

– Вот и я о том же. Хоть снимайся с раунда.

– С ума сошел?! – разом рявкнули оба пилота, а Полди добавил для вескости. – И ставки от нас на максимум!

Моллой поморщился, хотел что-то сказать, но промолчал.

Подлетел взлохмаченный и довольный Фарги:

– Нас почти подлатали. Готовность девяносто пять процентов.

Ответом ему была пауза, которая содержала столько дурной

энергетики, что в ней подохли бы мухи, если бы они тут водились.

– Поздравляю, – наконец, кисло обронил Моллой.

Предстартовое напряжение достигло предела. Не в последнюю очередь от того, что оба понимали – сухими из воды им здесь не выйти. Где-то на другой планете шумела арена, бесновался комментатор, а внутри краулера «Фидель» стояла тишина глубоководной впадины. Странно, но в этот раз Моллою не было страшно. Его переполняла упрямая злость. И неистовое желание дать «Сумотори» настоящий бой. Отступать было некуда. Оставалось только бороться изо всех сил. Полди словно прочитал его мысли, когда спросил с поддевкой:

– Эй, первый пилот, надеюсь, что без хорошей драки мы не сдадимся?

– Еще чего!

– Ха-ха! Этот настрой мне нравится. Ладно, к делу. У тебя есть идеи, как именно они нас будут рвать?

Моллой ответил без колебаний:

– Возьмут с двух сторон в клещи. Один обеими лапами вцепится в рабочий манипулятор – считай одновременно и обезвредит, и лишит подвижности, а другой вскроет нам одну из бочин.

Полди задумчиво помычал в динамик, а потом ответил:

– Ты знаешь…, я тут поглядел их фотографии – расположение кокпитов, конструктив лобовой брони… похоже, этот вариант нам подходит.

– Что ты задумал?

– Дело, конечно, рискованное, но может и выгореть. Но костей мы точно не соберем. Вызывай Фарги! Пусть только попробует на этот раз накосячить!

Роботы «Сумотори» неторопливо ползли навстречу, постепенно охватывая «Гардарику» в полукольцо. В этом медленном и продуманном движении была неотвратимость Рока. Моллой почувствовал себя гусеницей, к которой приближается авангард амазонских муравьев. Короткие манипуляторы вражеских краулеров даже выглядели, как жвалы муравьев, в отличие от фиделевских клешней песчаного краба. Причем оба неприятеля явно нацелились на своего собрата по классу. «Варан» интересовал их только, как явление. Когда скарпон «Гардарики» агрессивно дернулся в сторону «Сумотори-2», тот лишь развернул свои челюсти в его сторону, но движения к «Фиделю» не прекратил.

– Фарги, уходи от нас! – приказал Моллой пилоту второй

машины.

– Бросить товарища? И как это будет выглядеть?

– Как военный маневр.

– Скорее, как пожизненное клеймо труса.

– Ерунда. Я тоже начинаю сдавать назад. Таков план. Если все получится, мы заберем премию за лучшее тактическое решение года.

– И опять тебя, Моллой, интересует только РМ-баланс.

«Варан» взревел мотором и поехал в сторону, подальше от манипуляторов противника. Арена ответила на его действия осуждающим гулом. Но скарпон не убрался из боя насовсем. Он по-прежнему угрожал «Сумотори-2» с фланга, его хвост даже несколько раз откинулся назад, словно пробуя приводы на максимальный замах. Пришлось второму краулеру чемпионов ехать к «Фиделю» практически боком, а вооружение направить на неуемного «Варана». Теперь первый робот «Сумотори» вырвался вперед. Он не стал подстраиваться под напарника, его пилоты наверняка хотели побыстрее расправиться с поврежденным неприятелем. Сломанная клешня «Фиделя» беспомощно болталась на двух стальных канатах и вообще главная ударная мощь «Гардарики» смотрелась достаточно жалко, когда пятилась к решеткам входа.

– Ну, что, напарник? Пора! – не утерпел Полди.

– Погоди. Мы можем выиграть еще несколько метров между ними.

– Да ладно тебе. Жми!

– Не спеши…

Дистанция между агрегатами «Сумотори» увеличивалась. Второй по-прежнему был вынужден огрызаться на выпады «Варана» и двигался зигзагом, а первый четко держал курс на «Фиделя».

Когда до вражеского робота осталось не более двадцати метров, Моллой глубоко вздохнул и перевел рычаги на передний ход. Полный, максимальный ход. Краулер «Гардарики» с возрастающей скоростью пополз навстречу «Сумотори-1». Через краткое время осмысления происходящего тот затормозил так, что осел носом вперед. Водитель противника быстро разобрался в ситуации, чем доказал, что не зря носит титул чемпиона. Чтобы не допустить губительного для обеих машин тарана на встречных курсах, он застопорил движение и активировал лобовую броню. Ее панели сместились с боков и теперь максимально прикрывали нос «Сумотори-1», а кабина пилота осталась открытой. Он все просчитал и был готов. Так ему казалось.

За несколько секунд до столкновения Моллой добавил в

кровеносную систему машины струю закиси азота, отчего «Фидель» буквально пролетел последнюю пару метров. Корпуса машин содрогнулись от страшного удара. И через мгновение оба манипулятора «Сумотори-1» надежно заблокировали единственную рабочую «клешню» «Фиделя».

Моллой представил, как пилот противника злорадно восклицает: «Попался!» и мрачно произнес вслух:

– Нет. Это вы попались.

Через скрежет и лязг металла был почти не слышен скрип, с которым поврежденный манипулятор их краулера пришел в движение. Его длинная штанга сделала полуоборот, после чего полу оторванное звено полетело вперед словно молот цепа. Сотня килограмм его массы ударили в ребро кокпита «Сумотори-1» с такой силой, что прогнули протектор, а по карбоновому стеклу зазмеились трещины.

– Ну, как? – спросил Полди.

– Достал. Чуть пониже.

Еще один удар цепа. Теперь кокпит водителя «Сумотори» получил глубокую вмятину.

– Полди! Да мы убьем его! Может, не надо?

– Кроуд – файтинг – очень травматичный спорт, мой друг.

Второй краулер команды «Сумотори» к тому времени уже пришел на помощь попавшему в беду товарищу. К его сожалению манипулятор, который «Фидель» превратил в грозное оружие находился с противоположной стороны. Поэтому второму номеру чемпионов не оставалось ничего другого, как вонзить свои клешни во врага и попытаться нащупать ими его сердце или нервные стволы, а в случае роботов – мотор или проводку. Сзади на него насел совсем обнаглевший «Варан», но «Сумотори-2» уже не обращал на скарпона внимания – он пытался спасти жизнь напарника. А Полди продолжал наносить удары прямо в кокпит водителя «Сумотори-1». Тот уже настолько деформировался, что напоминал скорлупу яйца, которую предварительно долго мяли в кулаке.

Три события, что произошли за несколько секунд слились в единое целое. Оглушительно завыла сирена и зажглись красные прожектора, останавливая битву и прекращая избиение «Сумотори-1». С облаком углекислого газа и снопом искр от короткого замыкания, краулер «Фидель» приказал долго жить. Очередной удар острого хвоста «Варана» пронзил блок управления второй машины чемпионов и ее манипуляторы со стоном передаточных шкивов бессильно упали на грунт.

А потом по всей арене раздалось хлопанье пластиковых сидений. Весь Дворец кроуд-файтинга встал. И разразился такой

оглушительной овацией, что задрожал купол сферы.

Пока по арене прокатывались волны аплодисментов и поврежденные механизмы вытягивали в буферную зону, жюри турнира напряженно совещалось. Ситуация произошла нерядовая. Технически имело место остановка схватки, но все происходило настолько быстро, что пришлось бы задействовать хронометриста, а такие натяжки соревнование не украшали, наоборот – они рождали массу кривотолков. Поэтому финальное решение состояло из четырех частей:

Команде «Сумотори» засчитано поражение.

Спортивное общество «Гардарика» объявлено победителем.

Краулер «Фидель» признан выбывшим из группового турнира, а с ним вылетала вся команда.

Скарпон «Варан» получил право продолжить борьбу дальше, но уже в сетке личных поединков.

Но все равно – это была победа. В неравном бою и над кем – над действующим победителем чемпионата Венториса. Все акционерное общество «Гардарика» ликовало, а особенно радовались те, кто рискнул поставить на своих деньги.

Моллой связался по этому поводу с Фермином.

– Поздравляю! Ребята – вы сегодня кумиры толпы. Можете завалиться в любой кабак – уверен, что обслужат бесплатно.

– Жаль, что эта щедрость не распространяется на банки и ювелирные магазины. Сколько там вышло?

– Хммм… С учетом предварительного раунда и бешеных коэффициентов против «Сумотори», твой выигрыш составил восемьсот сорок РМ. Неплохо, а Моллой? За один вечер – трехмесячное жалованье класса «С». Я сейчас подам сведения в оргкомитет ставок.

Моллой блаженно улыбнулся. До великой цели остался всего лишь шаг. Но потом его лицо приобрело встревоженное выражение:

–Ты еще не узнал, как там пилот «Сумотори-1»?

Машина Службы спасения проехала прямо на арену, значит дело было серьезно.

– В отключке. Но медики говорят, что жить будет. Вы капитально его помяли, да и по чердаку прилетело разок. Беднягу выручил шлем.

– Уффф! – облегченно выдохнул Моллой. Впервые за спортивную карьеру с его участием наносились такие тяжелые увечья сопернику.

– С тебя выпивка за хорошие новости!

Моллой нажал «отбой». Он до сих пор находился в водительском кресле «Фиделя». Люк кокпита заклинило от

таранного удара, а техники пока не подоспели со своими резаками. Полди, ехидный весельчак Полди, молчал. Наверное уже выбрался и обливается дармовым шампанским с персоналом команды. Зато эфир интеркома бурлил от восторженных воплей.

Особенно усердствовал Фарги – главный именинник сражения.

Вдруг в этот хор веселья и праздника вклинился насмешливый голос стрелка «Фиделя», только звучал он сейчас глухо и невнятно, хотя язвительные интонации присутствовали:

– Прошу прощения, что мешаю вам праздновать успех, но меня зажало в кабине. Самостоятельно выбраться не могу, потому что сломана левая нога и похоже выскочило несколько ребер. Буду признателен, если меня вынут отсюда до того, как я истеку кровью.

Поздно вечером Полди лежал на жестком больничном матрасе и щурился от белого света ламп. Его положили в отдельную палату, медсестры перешептывались за стеклянной дверью:

– Да–да, это тот самый, о котором сообщали в новостях.

– Настоящий герой! Пилот, который только что от него ушел тоже очень милый, хоть и худенький.

Полди чувствовал над головой нимб славы, а сознание чуть плыло от наркоза. Его коммуникатор разрывался от звонков и сообщений. Врач запретил разговаривать, поэтому он отклонял все вызовы. Но один все-таки принял.

– Ну, как дела? – раздался в динамике голос Проектировщика.

– Нормально. Я в клинике. Сломал три ребра и левую лодыжку.

– Но тебе же уже дали обезболивающее?

– Дали.

– Значит, вести беседу можешь.

– Более или менее.

– Как он тебе?

Полди усмехнулся:

– Парень стоящий.

– А подробней?

– Не знаю уж, какой из него архитектор, но первый пилот он отменный. Хладнокровный, расчетливый. И далеко не трус. Пойти на страйдер с открытым кокпитом и ни разу не дрогнуть – дорогого стоит.

– Полди, я не разбираюсь в вашей музыке, но разве вы не должны были проиграть?

– Мы и слились с турнира. Дальше прошел только «Варан»,

так что теперь парень полностью свободен.

– Но как слились! Всенародными любимцами. Впрочем, – Проектировщик помолчал, потом добавил. – Спортивная слава поможет ему на первых порах завоевывать авторитет. Хорошо исполнено, мой юный друг.

– Благодарю. Единственный его минус…

– Говори!

– У парня напрочь отсутствует харизма лидера. Он интроверт по натуре. Вся «Гардарика» отправилась праздновать успех, а он отказался и поехал домой. Заявил, что ему нужно работать. Представляете? Сегодня! Работать!

– Замечательно. Перфекционизм в таком деле бесценен. А харизма лишь помешает. Мы же не готовим его для публичной деятельности. Напротив – его персона должна быть окутана тайной.

Линия Слика. Ни унции человеколюбия

Девушки в солнечных очках похожи на стрекоз. Такие милые и немного ветреные. Всего лишь дань моде, поскольку Солнце над «Термини– 35Е» чаще пытается просунуть свои щупальца через белую облачную взвесь, чем преуспевает в этом. Я помахал Тиа на прощанье рукой и пошлепал в ванную – приводить свою личность в соответствие с гладковыбритым стандартом офицера, потому как за последние двое суток моя физиономия вместе со щетиной приобрела разбойничье выражение.

Кроме того, пора была снять бинты. Червяк сообщил, что обе дырки благополучно зарубцевались и мне не терпелось взглянуть на работу модифицированных наноботов, которых закачал мне в кровь всезнайка Гиллис. Размотавшись, я повертелся перед зеркалом. Ничего, полупрозрачные блямбы, вокруг слегка воспаленный кожный покров. Краснота сойдет, а шрамы останутся, если, конечно, я не надумаю их вывести. Но зачем? В отметинах на теле история нашей жизни, хотя по мнению одного из классиков она часто состоит из позора и ошибок.

Свои восстановительные двое суток я провел вместе с Тиа. Вернее – оба вечера, потому как она каждое утро упархивала на работу, а я до ее возвращения целый день валялся на софе и пялился в медийную панель. Смотрел репортажи о кроуд-файтинге, листал комиксы и даже, по настоянию личного культуролога прочел одну серьезную историческую книжку. Тиа обещала мне за нее пригласительный билет на одну из светских вечеринок. Отлично. Расквитаюсь с Кундисом за сто баллов Лидерства. Он не соврал, и теперь мне положена нашивка «ЛЗ».

Лидер в кубе. Эта регалия даст капитану Слику немалые привилегии в будущем. Например, когда я решу уволиться из армии, то смогу претендовать на должность гражданского педагога, а также теперь я имею право на воспитание собственного потомства без всяких тестов и нудных проверок.

А когда на «Термини-35Е» опускались сумерки, мы с Тиа гуляли по городу и ходили ужинать во всяческие экзотические места. Например, вчера мы пробовали полинезийскую кухню. Сначала ели креветочный суп, а на главное блюдо подали нарезанные кубиками рыбу и овощи, предварительно вымоченные в кокосовом молоке. По мне – слишком пряно, но Тиа понравилось.

Странно, но похоже ранение в плечо что-то повредило и в моей голове тоже. Я стал настойчиво думать о будущем. Ничего себе. Нет, мне никогда не стать карьеристом. Для этого нужно иметь гибкий позвоночный столб, а главное – язык, полностью подконтрольный мозгу. Я же с детства не обладал ни тем, ни другим. Скорее, мне просто нравилось плыть по течению, иногда подруливая своим маленьким плотиком. Так что очередные звания, хоть и настигали меня неотвратимо, но делали это без головокружительной скорости. Чего же мне теперь возжелалось? Да, как обычному человеку – семьи и покоя. Уйти в отставку и заняться разведением клубники, бенгальских кошек и детей. И главное – рядом находится девушка, которая благосклонно отнесется к моим идеям. Тиа терпеливо сносила все мои заскоки, смирилась с моим сложным характером, значит, ей все это зачем-то нужно? Конечно нужно, поскольку каждая женщина мечтает о стабильности. И о будущем, где есть место бадминтонным ракеткам и детским чепчикам. А как она радовалась, когда я поделился с ней перспективами, которые сулили нашивка «ЛЗ»!

Не успел я утром смыть с лица шейв–крем со щетиной, как в голове щелкнул вызов по нейросети:

– Капитана Слика вызывает база!

– Прием, – недовольно пробурчал я.

Вот так долг вторгается в розовые мечты.

– Здесь уоррент–офицер Матис. Вам надлежит срочно прибыть в бункер управления. Форма военная, полевая, тип «Р», пятая. Колоннель Гор ждет вас у себя в кабинете. Включите маяк местоположения и отройте доступ к загрузке файлов.

– Принял к исполнению.

– Отбой.

Что-то в голосе штабиста мне не понравилось. Какая-то напряженность, даже нервозность. Я вытер лицо полотенцем, пару секунд покрутился, подставляя шею и голову под ионный

распылитель, потом скомандовал:

– Хибара! Чистую полевую форму. И полный рейнджерский комплект номер пять.

Кстати, а кто такой колоннель Гор? Куда девался старина Эдельвейс? Затем я мысленно потянулся к Червяку и разрешил внешнее штабное подключение. А пока он устанавливал связь, врубил спортивный канал. Передавали новости. Оказалось, что вчера какие-то ухари уже во втором туре сумели вынести из Кубка Венториса нашу армейскую команду «Сумотори». Диктор захлебывался от восторга, когда расписывал эту схватку. В полклешни «краулера» раздолбать прошлогоднего чемпиона. Нехило. Кундис сегодня напьется. Он не только болел за «Сумотори», но и вступил в ряды их акционеров, как и многие из моих сослуживцев.

В этом момент заработал внешний канал, и я невольно зажмурился от обилия информации. Давненько такого не случалось. Речь шла провале операции в треугольнике Бангалор–Ченнай–Салем, который на наших картах лаконично именовался сектором Танго. Да, именно там, где я меня сбили.

Ирония совпадений. Аргентинские танцы в нем были возможны лишь под аккомпанемент цикад и москитов, хлюпая по щиколотки в жирной грязи, а вонь от гниющих растений прекрасно дополняла антураж праздника.

Но что случилось? У наших штурмовиков и рейнджеров прекрасная подготовка, антропоморфы и рядом не стояли с ними, как солдаты, да и снаряжение у защитников природы обычно уступало нашему, армейскому. Но неожиданно в Танго что-то пошло не так. На меня посыпались данные о новых тактических группах, отчеты команд зачистки, сообщения техников о поврежденном оружии и механизмах, текущее распределение отрядов по транспортным модулям. Оказывается, пока я развлекался с Тиа, нам неожиданно крепко врезали там по загривку. Появился зловещий список потерь. Что?! Да у нас двадцать восемь человек «R.I.P» – «покойся с миром»! Я залез в меню боевого рапорта, предчувствуя катастрофу. Так и есть. Сначала парни, которые прибыли меня выручать наткнулись на глубоко эшелонированную оборону и потеряли четверых. Они залегли и вызвали подкрепление. Все по инструкции, не так ли майор Эдель? И потом один из грузовых «Броков» получил на подлете к точке десантирования удар клатчером. Эти антропоморфы оказались далеко не лопухами и предприняли фланговый обход. Ужасный итог – двадцать четыре бойца распылило на атомы. Затем мы превратили участок джунглей в пылающий ад, чтобы забрать моих спасателей, оттеснили

антропоморфов, но так и не уничтожили очаг сопротивления. Эти гады по-прежнему там и готовы драться. Я быстро пробежал заголовки репортажей. «База «Форекон» потеряла своих лучших сынов», «Майор Эдель отстранен от командования за некомпетентность и будет предан суду специального трибунала». Ах, вот откуда взялся неизвестный колоннель! Эдельвейса сместили.

Мое сердце стиснула жалость к старому служаке. Тварь он, конечно, натуральная, но такого не заслужил. Я вернулся к внутрибазовым событиям. «Ответственность за дальнейшую операцию в секторе Танго возложена на батальон «Навал». Стоп. В памяти всплыли слова Кундиса о том, что штурмовиков только что перевели к нам на переподготовку. А также профиль их занятий. Странно. Все как-то лепилось одно к одному. Хм… Предположим, что два дня назад я действовал бы по инструкции. Откатился бы с директрисы и ждал подмоги. Тогда луч клатчера отхватил бы тот самый «Брок», который прилетел по мою душу. В бою случается разное, но тут меня не отпускало чувство, будто я упускаю что-то очень серьезное.

Я имел дело с антропоморфами уже более пятнадцати лет. И все эти годы мы были близки к тому, что покончить с ними окончательно. Но потом они снова возрождались, словно птицы фениксы и наносили нам еще более чувствительные удары. Где у них ядро? Почему наша разведка никак не может выйти на главарей организации? Нет, мы постоянно кого-то брали, кого-то зачищали. Но все время не до конца. И вот новый, очень чувствительный выпад. А как они подготовлены, экипированы? И как теперь воюют! Обход с фланга. Эти стервецы все рассчитали, предусмотрели вариант подстраховки первой диверсионной группы, организовали засаду. Очень неплохо для любителей природы.

Штабной офицер сказал явиться мне в полевой форме, тип «Р». «Р» – значит рейнджерского образца, а пятый комплект был предназначен для ведения боевых действий в условиях тропических джунглей и снабжен броневым экзоскелетом. Скверное предчувствие тупой иглой кольнуло меня где-то между аортой и митральным клапаном.

Но я быстро отогнал тревожные мысли от своего мыслительного процессора. Не время думать о комфорте личной задницы, когда братская армейская задница оказалась в беде. Нас, кадровых не так уж и много. Основа армии – волонтеры и штатские, мобилизуемые по программе военной подготовки. Они месят грязь наравне с солдатами-контрактниками, причем им часто достаются наиболее загаженные участки во всех смыслах

этого слова. Власти решили – пусть посмотрят, понюхают, на собственной шкуре испытают, как достается обществу их гражданский комфорт и безопасность. Прелестно каждый день ходить на работу по чистеньким улицам, посещать паб и стадион по пятницам, устраивать субботние барбекю. А у нас тут москиты и всякие двуногие гады, что норовят приложить тебя чем–нибудь огнестрельным из хорошо подготовленных укрытий. Они стали умнее и теперь густо мажутся грязью, чтобы не светиться на сонарах, а еще чаще просто сидят в болотах и дышат через трубочки. Размен «один на один» считается для них удачей, потому что обычно мы их фиксируем раньше и тут же нейтрализуем. Хорошо, что снова разрешили полноценный огонь на поражение. Приблизительно пару лет назад наших государственных деятелей поразило внезапное слабоумие на почве гуманизма. Они вдруг намечтали себе, что в этой войне можно обойтись без жертв. Пули и снаряды заменили транквилизаторами, сетями и оглушающими гранатами. Антропоморфов ловили и увозили куда–то вглубь территории на перевоспитание. А дрались они по–прежнему отчаянно, словно дикие коты. Солдаты получали пробоины в организмах, но терпели. Потом кто–то наверху устал возиться с фанатиками и военным сразу стало намного легче.

Потери. В «Фореконе», наверное, сейчас невесело. Зеленые новички рвутся в бой с криками: «Мы отомстим», а ветераны угрюмо катают жвачку под желваками. У старых бойцов вряд ли изменилось отношение к человеческим отщепенцам. Фанатики стараются подороже продать свои шкуры, что вполне естественно в их положении. Их убивают, они убивают в ответ. Все неизбежно закончится нашей победой, потому как нас объективно больше.

Я натянул комбинезон, застегнул на груди броневую защиту экзоскелета, закрепил на бедре дополнительные элементы питания. Композитные пластины амуниции тихо скрипнули, заново подстраиваясь к моему телу. Тактический шлем «Коллар» сунул под мышку, чтобы не пугать прохожих воинственным видом. Штатские и так шарахаются от «милитари».

Выйдя за порог, я громко потопал ногами о мягкий придверный коврик, подаренный Тиа, кстати. Не то, чтобы в этом движении было что–то личное. Просто мне, словно древнему мамонту вдруг захотелось протрубить некий походный клич на свой манер. В ответ на буханье ботинок дверь квартиры справа распахнулась, и из нее высунулась лисья мордочка Экклза. Он был одет в рабочую спецовку, видимо, только что вернулся со смены. Коммуникатор на лацкане соседа отсвечивал яркой буквой «Д». Это их штатские градации, пародия на воинские звания, но я

не особо вникал в суть гражданского табеля о рангах.

– Салют, Слик. Как дела?

– Салют, дружище. Все превосходно.

Экклз растянул бледные губы в приветливую улыбку и торопливо засеменил в моем направлении. Его руки нервно тискали какой–то пакет.

– Вот. Только что собрали новый урожай салата. Можно вручную порезать ножом, сдобрить оливковым маслом и получится очень свежее угощение, – он неловко сунул мне сверток и тут же отскочил на шаг.

Странный тип. Такое чувство, что поджидал меня специально с подарком, который чем-то напоминает откупную дань. Живем в одном крыле здания уже год, а он все еще опасается. Про нас, военных, ходят всякие слухи. Беднягу можно понять.

– Благодарю. Как поживает Нелли?

Экклз судорожно сглотнул, будто вежливый вопрос о его постоянной подружке подразумевал некий гастрономический аспект, затем ответил с комичной запинкой:

– Все в порядке, все в порядке, – и тут же горячо затараторил о своей работе. – Представляешь – мы вчера сдали новый тепличный комплекс. Одиннадцать этажей площадью более двухсот тысяч футов! Из них десять – подземные! Размах складываемых солнечных батарей на поверхности насчитывает…

– Извини, старина. После поболтаем, хорошо? Очень спешу на службу, – я протянул руку и дружески потрепал Экклза по плечу. Сосед дрогнул всем телом.

Ох уж эти гражданские… Каково чувствовать себя настолько беззащитным? Да, есть привычная работа, планируемый досуг, множество социальных программ. Но такая жизнь не по мне. В ней есть что–то растительное, не правда ли? С самого интерната нас, несмышленых детишек, готовили к рискованной, но ответственной службе обществу, воспитывали Жесткость, Дисциплину, Лидерство. А штатские остались в своем благоустроенным мирке. Специализация по профессиям разделила людей на разные стаи с возможностью скрещивания. Наметанным взглядом я всегда вытащу из самой пестрой толпы того, кто служил в армии. Что отличает нас? Нет, не настороженный блеск глаз, не широкие плечи и гордая осанка. Нас отличает Жесткость. Это такой набор качеств, что–то на энергетическом уровне, похожее на еле уловимый кокон, купол из силовых линий. Наши добрые учителя тренировали нам Жесткость, словно упрямые икроножные мышцы, ставили рефлексы с самого детства. И преуспели.

Неподалеку от интерната, где я учился, вальяжно тек

небольшой ручей. Его берега были выложены галечником, на середине желтого мостика лежала одна треснувшая плитка. Под мостиком жила здоровенная серая крыса. Как–то я застал у ее норы любопытную девчонку из профильной гимназии электронщиков. В руках она держала кусок лепешки, нам выдавали такие же на завтрак с рисовой кашей. На следующий день, в то же время я пришел к мостику с пончиком в бумажном пакете и снова застал там эту же девочку. Ее звали Кларой. Мы стали вместе подкармливать крысу, которая скоро настолько осмелела, что брала пищу прямо из наших рук. Клара училась на оператора автоматических линий подземки. У нее были вьющиеся волосы и очень длинные, красивые пальчики. Целый месяц серая крыса была нашим талисманом, нашей тайной. В один день Клара с загадочным видом принесла большую варежку из толстых серых ниток. В варежке сидел крошечный мышонок и смотрел на нас черными бусинками глаз.

– Я нашла его во дворе. Там постоянно играют в баскетбол, обязательно кто–нибудь случайно на него наступит и он погибнет. Я назвала его Микки. Думаю, что Микки сможет подружиться с Рэйчел, и они станут жить вместе, – объяснила Клара.

Рейчел – так звали приручейную крысу. Почему бы ей не поладить с мышонком? Он же такой маленький и безобидный! Моя подружка подманила нашу серую питомицу картофельным кусочком и выпустила к ней мышонка. Три дальнейших события слились в один миг. Крыса мгновенно сомкнула на загривке Микки свои острые зубы. Клара вскрикнула и закрыла лицо руками. Я ударом ботинка переломил Рейчел хребет. На рефлексах, не думая. В моем сознании сработала трансформация крысы из дружеского объекта в источник угрозы. И тело немедленно уничтожило этот источник. Клара убежала в слезах. Больше мы так и не встретились. Вот как срабатывает наша бесподобная Жесткость. Одно острие наших боевых вил под аббревиатурой «ЛДЖ». Лидерство и Дисциплина не менее важны, но именно Жесткость помогает военному балансировать на неустойчивом канате под названием жизнь. Все мы в той или иной степени – канатные плясуны, а внизу терпеливо ожидает безвременная бездна. Система готовит нас к опасности, помогает выжить, но делает навсегда нас моральными инвалидами. Жесткость – как настороженный капкан в темном углу нашего мозга. Непонятно, когда и в ответ на что захлопнутся его хищные челюсти.

В голове щелкнуло сообщение Червяка:

– Активирован режим «Вне дома». Обнаружено новое

оборудование – экзоскелет «Энивелоп». Контакт с процессором «Энивелоп» установлен. Включаю мышечное усиление.

– Подрежим – «Быстрый шаг». Ставлю метку на карту. Копию отправить в «офис».

– Подтверждаю получение маршрута.

После прохладного кондиционированного воздуха подъезда, улица дохнула на меня жаром нагретого дорожного покрытия. Я машинально прикрыл глаза рукой и пригрозил скрытому за облаками светилу:

– Погоди! До тебя тоже доберемся. Будешь работать, как нам нужно, а не как вздумается.

Какой–то прохожий, услышав мои слова, резко прибавил шаг. Ну, зачем понимать так буквально?

Мои ноги почти летели. Давненько я не цеплял на тело рейджерский экзоскелет и уже подзабыл это ощущение собственной мощи и невесомости. А сердце стучало, словно станковый гранатомет – быстро и гулко.

– Слик, рекомендую ввести дозу седативного препарата, – вмешался Червяк.

– Отставить. Так обойдусь.

Раскачиваясь на поручне вагона подземки, я, чтобы отвлечься, вновь размышлял о будущем, прикидывал вероятности. Мне сорок два года, первый возрастной ценз вытянут, теперь пошли дополнительные опции. Два десятилетия, отданных службе, гарантируют немалую пенсию, тридцать лет военной карьеры обеспечивают жильем за счет государства в любой точке планеты. Чем я займусь на покое? Мне нравилось строить планы: то я ныряю за красивыми ракушками в тропическом море, то встречаю восход, развалившись в шезлонге на берегу горного озера. А иногда в голову стучались бредовые фантазии о работе на орбите – как я, сидя в кресле диспетчера, координирую работу бурильных установок на поясе астероидов. Мечты, наивные мечты. И надежда, как материал, из которого они сделаны. Может быть, все-таки вступить в брак? Возьму в жены Тиа, она родит мне маленького Слика. Или несколько. Тьфу, какого еще Слика? Прозвище намертво прилипло к моей шкуре. Проклятье, я почти забыл про то, что у меня есть собственное имя, данное при рождении. Оно окрашено в неведомые для меня этнические тона, но звучит гордо и возвышенно – Константин. Имя оказалось не только гордым, но и почти непроизносимым для интернатских нянечек. Так я стал Сликом. Как известно, это слово имеет два значения – «скользкий» и «ловкач». У меня витают смутные подозрения, что первое как–то связано с физиологией и подгузниками, но я предпочитаю держать их при

себе. Зато второе значение детского позывного отлично годится для разговоров за барной стойкой. Ловкач. Я оборачиваю в него свою личность, когда представляюсь незнакомым девицам и слышу в ответ: «О, Ловкач? И в каких же ситуациях проявляется твоя ловкость?» А Константин во мне затаился, он вынужден был уйти в тень. Интересно, зачем родители наградили своего отпрыска настолько сложной, в смысле имени, судьбой? Надеялись потом отыскать меня по нему, как по родимому пятнышку? Почему же не сделали это? Когда я пытаюсь вспомнить их лица, то в голове всплывает образ незнакомой женщины со странной улыбкой на лице. Она словно готова рассмеяться и заплакать одновременно. Рядом с ней мужчина, но его лицо размыто и почти не просматривается. От таких воспоминаний внутри просыпается беспокойство и тревога, поэтому я стараюсь меньше об этом думать. Наверное, у каждого из нас в уголке души надежно припрятана маленькая шкатулка отзвуков прошлого, перевязанная розовой ленточкой детских переживаний.

Как–то в порыве послелюбовной откровенности я выболтал Тиа свою тайну с именем. Моя не в меру образованная подружка провела целое изыскание, в результате которого выяснилось, что античное имя Константин всегда было распространено в центральной части Евразии. Постоянный, стойкий. Именно так оно переводится. Царское прозвище пришло с юга, но прочно укоренилось в холодном климате, где по сей день встречается с частотой один к пятидесяти среди мужских имен. Я иногда подумываю связаться с разрозненным племенем северных константинов, потолковать о том, о сем, спросить, как они пережили последнюю зиму и что думают о следующей.

Вот такое августейшее прозванье не стыдно будет оставить следующему поколению. Константин–младший. Обычно ответственность за воспитание детей принимает на себя общество, но я, пользуясь заслугами защитника государства и лычкой «Лидер в кубе», могу претендовать на привилегию самому вырастить собственного ребенка. Маленький Константин. Решено – мы вдвоем будем нырять за красивыми ракушками!

– Простите, офицер!

В ухо сквозь монотонный гул подземки ворвался незнакомый женский голос. Я даже вздрогнул от неожиданности. Как–то нечасто штатские обращаются к нам с вопросами. Передо мной стояла молодая девушка с официальной улыбкой на лице. Я также изобразил на физиономии мое понимание эквивалента дружелюбия:

– Да, мэм.

– Официальный новостной канал «Тридцать пятый арриал». Вы можете как–то прокомментировать ситуацию в секторе Танго?

А–а–а… ясно. Медиарепортеры зарабатывают свой хлеб. Им запрещено отвлекать людей на работе или на улицах, вот они и пристают с дурацкими расспросами прямо в вагоне метро. Быстро нашел по нейросети отчет пресс–центра бригады, нырнул в комментарии:

– Ситуация в Танго находится под полным контролем. Оперативные мероприятия на наших южных рубежах близки к завершению. То, что мы столкнемся с особенно упорным сопротивлением антропоморфов на данном этапе, в общем–то, было прогнозируемым. В ближайшее время мы полностью зачистим сектор и выйдем на побережье материка.

Барышня автоматически кивнула:

– У нас есть доступ к официальной информации. А сами вы что–то можете добавить? Есть какие–то личные впечатления?

Я почти скрипнул зубами. Эти штатские человечки воображают, что мы, солдаты, постоянно горим святым пламенем ненависти и праведного гнева по отношению к своим противникам. Да меня, если честно, антропоморфы волнуют примерно так же, как ассенизатора интересует содержимое канализационных труб. Это просто работа. Не менее привычная и обыденная, чем у него. Взять под контроль участок суши, а если понадобится, то подавить любое сопротивление. Чего непонятного? Зачем лезть под кожу занятым людям? Но я отбросил в сторону неприязнь к журналистке, приглушил эмоции. Новости читают простые граждане и парнишки в кадетском корпусе, в том числе. Завтра они придут на смену штурмовикам и морпехам, а сегодня жадно ловят каждое слово ветеранов со страниц медиа.

– Эти недочеловеки получат по заслугам! Мы сотрем их с лица планеты. А сами продолжим строить новый прекрасный мир и растить детей.

Про детей – это вырвалось на почве недавних размышлений. Журналистка мило улыбнулась:

– Ваши имя и принадлежность.

– Капитан Слик, инструктор базы «Форекон».

Ее глаза удивленно блеснули:

– Слик? Тот самый, который два дня назад в одиночку разгромил диверсионную группу антропоморфов?

Я рассмеялся:

– Ну, во-первых сначала они сбили мой ховер, а уж потом нам пришлось сойтись на ближней дистанции. И во-вторых, «разгромил» – это слишком громко. Нанес урон в живой силе. Так

будет объективнее.

– Спасибо, капитан. Нам очень повезло встретить вас.

– Рад был сотрудничеству, мэм.

На выходе из подземки меня подхватил служебный мобиль – вылизанный до блеска пятиместный скайховер. Молодцеватый мастер–сержант, какими обычно бывают личности, что отираются при штабах (или мне так хотелось его видеть), лихо козырнул и предупредительно распахнул передо мной дверцу машины.

– Мне живой эскорт не положен. Автопилота хватило бы, – сварливо проворчал я, устраиваясь на мягком сиденье.

– Колоннель приказал доставить максимально быстро, – отбарабанил вояка, переключил ховер в режим ручного вождения и так резко дернул с места, что я ударился затылком о подголовник.

Через пять минут мы снизились, шустро проскочили контрольный пункт гражданского сектора, несколько раз вильнули в лабиринте пакгаузов обеспечения и остановились перед приземистым бункером командования базы. Водитель дернулся было показать дорогу, но верно истолковав зловещий блеск моих глаз, предпочел остаться в машине. Опознаватель на входе пискнул, считав мой персональный код, а кабина лифта погрузилась на три яруса вниз в самый центр мозга нашей военной машины.

Кабинет, в который меня привел маячок путеуказателя, я знал хорошо, и в основном с плохой стороны. В нем мне много раз «прилетало» от начальника базы за недостаточно серьезное отношение к делу, за недисциплинированность. И это притом, что новобранцы ходили за мной гуськом, как птенцы за курицей и каждое мое слово воспринималось, будто откровение Творца. А может оживший Устав всего лишь ревновал меня к службе? Ему просто претило то, что мне все давалось легко, а также то, что несмотря на должность и звание, у него никогда не было и малой части неформального авторитета, которым нас с Кундисом в избытке награждали подчиненные? И да, конечно, я веду речь об обиталище майора Эделя, его персональном логове, откуда наш деспот предпринимал регулярные карательные вылазки.

Сегодня декорации не изменились, зато крепко поменялось наполнение. Прежде всего – главная фигура. На месте Эдельвейса нынче восседал благородносединный колоннель Гор, новый властитель «Форекона». У Гора был цепкий взгляд и шевроны разведчика. Еще одна загадка. Наша база традиционно считалась родным домом для ударных подразделений – рейнджеров, морпехов и штурмовиков. Где тренировалась разведка, никто не знал. Или на моих глазах происходят крупные перестановки в

ведомствах?

С ним в компании находился не кто иной, как Гиллис, а также еще одно неизвестное мне лицо в бежевом костюме. Этакое низкорослое лицо со смазанными чертами. Скользнешь по такому взглядом в толпе и забудешь через секунду.

– Колоннель Гор, – я откозырял. – Господа.

Оба гражданских вежливо кивнули мне в ответ, а полковник жестом указал на стул напротив себя.

– Успели ознакомиться с ситуацией в секторе Танго за время дороги?

– В общих чертах.

– Армия оцепила очаги сопротивления дронами, через несколько часов начнется прочесывание. В дело пойдут штурмовики. Их постараются прикрыть с воздуха, но вряд ли получится – массив слишком замусорен густой растительностью, беспилотники теряют там ориентацию.

Я выслушал Гора с непроницаемым лицом. Приятно, конечно, когда начальство делится с тобой стратегическими планами, но зачем? С каких это пор руководство базы стало интересоваться мнением инструктора для вольнонаемных?

Колоннель немедленно дал мне ответ на незаданный вопрос:

– Как вы уже наверняка знаете, майор Эдель отстранен от командования. С этого момента наземную операцию возглавляете вы, Слик.

– Простите, сэр…, – только и смог вымолвить я.

Мои глаза едва не вылезли из орбит. За что такая честь? На базе есть несколько более опытных офицеров, не говоря уж о том, что у «Навала» имеется собственный командир батальона.

Старый разведчик следил за моей мимикой с понимающей усмешкой.

– Сведения о ваших недавних приключениях в джунглях просочились в прессу. Произошла какая-то утечка информации. И из вас, Слик, немедленно создали медиа-персону, – медленно проговорил он. – Теперь вы – герой в глазах многих. Так что капитан Слик вновь возвращается в сектор Танго, чтобы завершить уже начатое им дело – покончить с бунтовщиками. И отомстить за боевых товарищей. Понятно?

Я ошеломленно кивнул. Нарушение устава, но колоннель не среагировал. Мысли бешено вращались в голове. Итак, все внимание новостных ресурсов приковано теперь к сектору Танго. Таких потерь у нас не было давным-давно. Население сплотилось в яростном патриотическом порыве. Покарать изменников! И, едва поднявшись с постели после ранения, свежеслепленный кумир толпы станет одновременно острием и лезвием народного

гнева. Повезло, нечего сказать. И кажется я знаю имя той утечки, о которой упомянул Гор. За два вечера Тиа вытянула из меня все подробности моего ранения. Щебетала, какой я герой, как не жалею своей жизни ради благополучия Метрополии и досадовала, что многие простые люди даже не знают о моих подвигах. А я, болван, тщеславно щурился и улыбался! У нее же знакомых в прессе, больше чем у меня собутыльников! Теперь, пожалуйста, подтверждай статус народного кумира с автоматической винтовкой в руках. И все благодаря стараниям моей красотки.

Колоннель дал мне паузу для осмысления, а потом продолжил:

– Как я уже говорил, авиация вас поддержит. Но только на втором этапе. В начале зачистки придется рассчитывать на собственные силы.

Я едва не хмыкнул. Логика понятна – начальство страхуется, потому что не хочет повторить историю с подбитым «Броком».

– А почему не рассматриваются артиллерийские средства подавления, сэр?

Колоннель хмуро покосился на штатского в костюмчике:

– Этот вариант пришлось исключить. Представляю вам Зефа Роеланда из Департамента Экологии. Он курирует операцию в качестве наблюдателя.

Мой взгляд резанул бритвой по гражданскому франту. Вот еще довесок неприятностей. Там, наверху, играют в медиа–игры, готовят удобный пресс–релиз: «Зачистка проводилась под контролем специалистов–экологов. Мы тщательно проследили за тем, чтобы природе нашей планеты был нанесен минимальный вред». А мы будем подставлять свои шкуры под вражеский огонь. Зеф Роеланд. Имя, как отрыжка полупереваренным бифштексом. Зеф–ф–ф Рр–ро–е–е–ланд.

Эколог важно откашлялся:

– Биоконвертеры должны получить материал практически неповрежденным. И самое главное – растения. Там, в секторе Танго некоторым тамариндам по двести лет. Мы не имеем права истреблять великолепие первозданной Земли. Когда из Танго спасали окруженных десантников, мы и так причинили природе огромный ущерб. Знаете тамаринд? Это дерево такое.

– Знаю, – прорычал я. – Скажу больше, мне в последнее время нередко приходится встречать людей, не уступающих полену по некоторым характеристикам.

Эколог поперхнулся следующей фразой, Гор гневно нахмурился, а Гиллис, наоборот, лучезарно улыбнулся, будто бы не ждал от меня ничего другого. И тут же перехватил нить разговора:

– Капитан Слик, – растягивая слова, как жвачку, произнес он. – «ЛоДЖо» двести двадцать шесть единиц. Лидерство – сто. Идеально. Жесткость – семьдесят шесть. В пределах нормы. Дисциплина – пятьдесят три. Пятьдесят три, – смакуя, повторил он. – Харизматичен, инициативен, отважен, но безрассуден.

Нет, Гиллис не был злодеем. Он отзывчиво реагировал на любые просьбы, никогда не стучал, поэтому до сего момента ухитрился ни разу ни возбудить моей неприязни. Зато сейчас это с лихвой компенсировалось вспыхнувшей ненавистью. Вот, что он вбил в свою лобастую башку? Почему такое предубеждение? Я в упор посмотрел на Гора.

– Сэр, прежде чем назначать меня на боевой рейд, вы наверняка ознакомились с моим личным делом и профилем по «ЛоДЖо». Раз назначение все-таки состоялось, стало быть он вас устраивает.

Кислая гримаса колоннеля подсказала мне, что у нового начальника «Форекона» не было выбора. На него, похоже, крепко надавили сверху. Пресса, чтоб ее. И общественное мнение.

Гор вздохнул и поправил воротничок мундира. На одном из экранов рыдал и очевидно давал признательные показания какой-то деструктивный элемент.

Гиллис откашлялся, чтобы обратить на себя внимание:

– Капитан, постарайтесь обуздать эмоции там, в джунглях.

– Я справлюсь. Но если собаке все постоянно говорят, что она – овца, собака поневоле заблеет.

Фраза Гора несла в себе отпечаток особого мнения мозгоправа:

– Вам, конечно, надлежит быть в первом эшелоне зачистки, но не обязательно в первой цепи.

Я гордо выпрямился:

– Кот в перчатках мышей не поймает, сэр.

Гор одобрительно усмехнулся, а эколог с котлетной фамилией недоумевающе водил взад-вперед своей амбразурой.

– Внимательно ознакомься с данными фронтовой разведки, Слик. Высотная съемка мало что дает – кроны перекрывают обзор. Попытки залезть туда дронами не увенчались успехом. Десяток аппаратов мы попросту потеряли. Обратите внимание на рельеф местности.

– Понял, сэр.

– Удачи, капитан. Оружие и боекомплекты получишь у каптенармуса. Не подведи «Форекон».

Не успел я подняться на уровень почты из бункера, как на мой коммуникатор посыпались штабные определения. Тут было и время вылета, и позывные командиров рот, и куча прочей нужной

и ненужной информации. И еще пришло сообщение от Кундиса: «Жду тебя на складе». Ну, конечно, мой приятель уже все прознал. Попробуйте что-либо утаить от Вечного Жида.

Каптер-штурмовик вручил мне винтовку «Спайрон» и боекомплекты, а я скинул ему через коммуникатор расписку в получении с моим иден-кодом. После чего меня пальцем поманил в сторону Кундис. Мы с однокашником обогнули угол склада, и он запихнул мне в подсумок маленький, но увесистый пакет.

– Сэндвичи на дорогу? Судя по весу – с наступательными гранатами? – пошутил я.

Кундис серьезно кивнул:

– Почти угадал. Там САБы для подствольника.

– Мне только что выдали коробку.

– Эти с красным ободком.

Я присвистнул. Особые рейнджерские боеприпасы, усиленные ЭМИ почти не применялись. Они давали наводки на связь, да и вообще считались небезопасными. Откуда у моего собрата такие роскошные сувениры? Я всегда полагал, что Кундис преуспел в установлении неформальных связей со складскими, а теперь узнал наверняка. В армии незыблемо действует закон «ты – мне, я – тебе» и, если соблюдать его вкупе с известной осторожностью, то можно обойти любую, даже самую умную систему учета. Кундис ладонью стиснул мне предплечье:

– Мне удалось потрещать с твоими спасителями, теми, кого удалось вытащить. Взвод «Гарпии», командир – второй лейтенант Контрей.

– Я перекинулся с ним парой слов, когда они только приземлились.

– Угу, он говорил. А еще Контрей рассказал, что антропоморфы сработали четко. Отсекли огнем, положили в грязь и головы не давали поднять. Темп соблюдают. Один замолк, сразу другой включился. И никакой беспорядочной стрельбы. Слишком толково, не находишь?

– Тоже думал об этом.

– Короче, брат, я считаю, что вам накроют стол, как близким родственникам. Так что сразу заряжай «красноглазиков». А о чем надумал – не треплись никому. Знать мало – опасно, знать много – еще опасней.

– Спасибо, Кундис.

– Действуй по обстановке. И помни – чтобы ободрать кошку всегда есть несколько способов.

Турбины транспортов гоняли по летному полю знойный ветер. Над моим служебным планшетом склонились командиры

рот. Я ставил им боевую задачу, а через плечо мне заглядывал комбат штурмовиков, капитан Демерс. Этакое красножаброе чудовище с острым кадыком на жилистой шее. На тренировочную базу «Навал» перебросили из пустыни, там их успели как следует прожарить на солнце. Рядом крутилась шишка из Департамента экологии и старательно демонстрировала свою причастность.

– Десантируемся за три мили до нулевой метки. Точки промежуточных рапортов будут на ваших картах. Дистанция по шеренгам – до десяти шагов. Интервал между цепями – двести футов. Огневые сектора рот на картах. При обнаружении противника действуем парализующими гранатами. Вторая линия поддаст газку из подствольников.

– Капитан, я думаю, что ваши средства хороши для деревенской вечеринки, а тут от них толку будет мало. Там под землей вырыта целая система бункеров. Я уже сталкивался с такими штуковинами. Эти сволочи полезут из земли, будто черви после дождя. Поэтому они и не светятся на сонарах. Индукционное сканирование местности с воздуха показало наличие железа и я думаю, что это не консервы туристов, – конечно же Демерс влез с особым мнением.

Теперь оно автоматически попадет в официальный рапорт.

– Понимаю. Что ты предлагаешь?

– Шарахнуть по ним объемным взрывом.

Я неприязненно покосился на эколога:

– Нам разрешено применять только индивидуальное летальное оружие. Это не обсуждается. Так что действуем по утвержденному плану. Насчет скрытых огневых точек я с тобой полностью согласен. Поэтому гребенка будет двусторонней. Пройдем до конца и вернемся. Приготовьте подразделения к погрузке. Я отправлюсь с первой ротой, пойду в центре. Список резервных частот у вас в программе. Никаких стандартных поведенческих моделей. Только мануальный режим управления телом. Демерс, ты возьмешь себе правый фланг. Есть вопросы?

– Вас понял, капитан, – комбат штурмовиков сухо козырнул и отошел вместе с остальными.

Ну, какие у них могут быть вопросы? Они – профессионалы и прошли боевое слаживание в условиях, о которых я уже успел позабыть. Хотя нет, один вопрос наверняка у многих витает на устах – за каким дьяволом над ними поставили инструктора с базы? Кто до такого додумался? Любой новый элемент поневоле сбивает механизм взаимодействия, а в бою это чревато. Мои подчиненные знали об этом, я тоже понимал, но сделать ничего не мог.

Мы в быстром темпе провели перекличку прямо у трапа

модуля, а потом заняли места на лавках по обе стороны его пассажирского отсека. Защелкали карабины страховочных ремней, приклады оружия угнездились в штатные фиксаторы. Турбовинтовой гул из монотонного рычания дошел до амплитуды истерического визга, после чего тяжелый «Брок» оторвался от земли и понес нас навстречу подвигам. Я закрыл глаза и постарался не замечать своего бешеного пульса.

– Запрашиваю «добро» на введение транквилизаторов. Вы слишком возбуждены, – в голосе Червяка мне почудилось ехидство.

– Ты задолбал уже. Отказано. Мануальный режим управления телом.

Мы летели примерно две средних продолжительности жизни, а затем модуль резко спикировал к земле. В иллюминаторах засверкали искры тепловых ловушек. Все понятно. Нас доставили к месту высадки, которая на онлайн-карте выглядела атоллом в бушующем зеленом море джунглей. Несколько секунд мы висели неподвижно, после чего пилот уронил транспорт вниз. Лязгнули пружины амортизаторов, нас ощутимо тряхнуло в ремнях. Посадка в боевых условиях редко бывает мягкой. Штурман, перед тем, как открыть зев транспортного люка потыкал пальцем в направлении дула курсового пулемета:

– Пять миль возвышенности, потом неровный скат и почти две мили поля невидимости. Там ни клочка сухого места, сплошные топи. Не промочите сандалии, парни! А на холмах держите глаза широко открытыми и ждите неприятностей.

– Ты главное забери нас вовремя, чтобы мы не пропустили ужин, – нарочито небрежно отмахнулся ротный, первый лейтенант Рамю, хотя его серьезное лицо говорило о совершенно ином настрое.

Я взглянул на бойцов. Ветеранов отличали сведенные в напряжении скулы, предельная сосредоточенность. На лица новобранцев фармацевтика наложила печать неправдоподобного спокойствия. Недостаточную реактивность юнцов с избытком компенсировало отсутствие панических выстрелов, когда все чувства намотаны на потный кулак стресса, и на треснувший сучок под ногой правофлангового следует истерическая очередь в половину боекомплекта.

Штурмовики десантировались четко и в несколько секунд разобрались по шеренгам. Нас выкинули достаточно далеко, чтобы не получить огневое приветствие от антропоморфов при посадке, но при этом так, чтобы мы не выдохлись, пока будем до них добираться. Я перекинулся с ротным парой фраз и занял свое место в передней цепи. Прочесывание началось.

Мы медленно продвигались сквозь заросли кустарника, и его иглы противно скребли по броневым пластинам экзоскелета. Видимость была не больше пяти шагов, сонары и теплолокаторы метались среди птиц, снующих в кронах, и грызунов, шныряющих в подстилке. Это какой–то зоопарк! Нашествие! Откуда их столько? Если так пойдет – нам будет сложно вовремя среагировать на прямую угрозу. Нужно было что-то предпринимать.

– Всем слушать меня! Исключить захват мелких целей! Порог обнаружения – тройка! Убрать первые деления. Подтвердить прием! – я решил укрупнить метки радаров.

– Но капитан…, – это Демерс, кто же еще.

– Выполнять!!!

Этих штурмовиков, что, совсем не учат уважать приказы? Минут через двадцать я вызвал своего комроты:

– Рамю, как там у вас?

– Пока все тихо. Видимость – дрянь.

– Я тоже чувствую себя куском брокколи в овощном крем-супе.

– Хорошо, хоть радары перестали беситься.

Последняя фраза – мне лично. Подчиненный дал понять, что поддерживает мое распоряжение.

– Отбой, лейтенант.

Я успел посмотреть личное дело этого двухметрового детины африканских кровей. Жена, этническая китаянка и трое ребятишек. Все на попечении Метрополии, в интернате. Дважды подавал прошение о переводе в тыл, чтобы чаще с ними видеться. Последнее удовлетворено, поэтому Рамю со дня на день дожидается приказа с новым назначением. Отношение к врагам общества – крайне негативное, в свое время получил взыскание за излишнее применение силы к пленному антропоморфу. Задержанный фанатик ляпнул что-то насчет цвета кожи Рамю, а тот сломал ему челюсть и два ребра.

На первой контрольной точке я скинул в роты корректирующие направления зачистки, получил рапорты подтверждения, и после десятиминутного привала мы продолжили движение. Город заливали ласковые солнечные лучи, а тут под пологом густой растительности, под ногами хлюпала жижа, роились тучи насекомых. Влажность была не меньше, чем в турецкой бане. Наше обмундирование за два часа рейда покрылось липкой слизью, кондиционеры шлемов работали почти на максимуме.

– Всем – внимание! Пересекаем нулевую точку маршрута. Третья рота! Лейтенант, как тебя… Кросс! Ты – слепой от

рождения? Меток не видишь? Куда ты вылез правым крылом? Будете работать влево – накроете нас в центре!

Спустя три минуты в моей голове прозвучал сигнал тревоги:

– Здесь Алан! – это командир первой роты штурмовиков. – Подтверждаю контакт с противником.

И буквально через секунду:

– Это Демерс! Нахожусь под огнем!

Я врубил общий эфир батальона. В мое среднее ухо ворвался шквал тревожных выкриков:

– Откуда они стреляют?!

– Мы не видим их!

– Здесь Кросс! Я потерял двоих!

– Капитан! Вытаскивай нас отсюда!

– Эти гады лупят из–под земли! Высовывают руки и лупят!

– Сонары на первое деление! – рявкнул Демерс. – Огонь по площадям в нижний уровень! Вторая шеренга, оставаться на месте!

«Это правильно» – автоматически отметил я.– «Лишние бойцы будут только мешать. В такой кутерьме перестреляем друг друга!»

А потом дикий осел лягнул меня промеж лопаток. Я кубарем полетел вперед и мой визор глубоко зарылся в прелую листву.

– Три кинетических попадания в пластины экзоскелета, – констатировал Червяк. – Диагностирую ушиб ткани. Ввожу анестетики.

Какие меткие засранцы – почти над сердцем! Хорошо, что броня выдержала, так бывает далеко не всегда. Я резко перекатился через воздушные корни, похожие на скрюченные птичьи лапы. Несколько ветвей над моей головой срезало пулями. Штурмовик, что шел слева от меня, вдруг взмахнул руками и опрокинулся назад. Зато боец справа не сплоховал и засадил длинную очередь в направлении противника. Гулко захлопали гранаты, и все вокруг заволокло дымом. Где–то в ста шагах, на опушке, воздух разорвал грохот пулемета и наши «Спайроны» тут же отозвались металлическим лаем. Мы не ставим на оружие глушители – добираем психологическое воздействие звуком. Хорошо, что левофланговый в порядке – на радаре его точка лишь подернулась желтым цветом – ранение, не опасное для жизни.

Из белой поволоки проступила глянцевая полусфера защитного шлема второго штурмовика. Ствол его винтовки прочертил в воздухе пунктирную линию и уперся в почву в пяти шагах от нас. Ясно. Там бункер. Парень оттопырил сначала один, потом второй палец. Ага. Он успел рассмотреть двух стрелков. Я вскинул сжатую в кулак руку «Внимание!», потом положил ладонь параллельно земле и кивнул за свое плечо: «Прикрой!». Боец

ответил мне сигналом: «Понял». Я змеей пополз в сторону первого выстрела. Вот она – слегка пожухлая лесная подстилка, заботливо укрытая сверху колючим клубком веток. Небольшой участок, почти неотличимый от свежей травы. Мои пальцы разрыли жирный дерн и нащупали железную крышку люка.

– Червяк! Режим «Тиски»!

Не поддается. Что–то снизу его крепко держит – засов, наверное. Пару раз двинул туда прикладом: тук–тук, твари! Гостей не приглашаете? Ничего! Мы умеем уговаривать. Рывком выдернул из подсумка компактный заряд «Панчер», прилепил фугас к стальному листу и поставил таймер на шесть секунд. Солдат понял все правильно и мгновенно юркнул куда–то в клубы дымовой завесы. Я рысью отбежал на десяток шагов, потом нырнул вперед, прямо в грязевую промоину. Едва успел уткнуть в нее шлем, как прелая подушка легонько подкинула мое тело, а в воздух взметнулась туча опавшей листвы. Ну, как вам такое обращение? Нравится?

Заряд выворотил целый грунтовый пласт, крышку люка куда–то унесло. В зияющий черный проем тут же полетел САБ с красным ободком. А сам я откатился подальше – от ЭМИ моя собственная электроника может засбоить. Земля под ногами дрогнула второй раз и я, сгруппировавшись, прыгнул вниз. Ноги ударились о ступеньки деревянной лестницы, мое тело развернулось в воздухе и шлепнулось набок. Сработал экзоскелет, и Червяк брызнул мне в мозг отчетом о гематомах. Обрезанный ствол штурмовой винтовки дернулся в моих руках, и короткая очередь прошила бесформенную кучу тряпья прямо передо мной. Шлем включил круговую подсветку. Бункер оказался восьмифутовым колодцем с колбообразной нишей в самом низу. На дощатом настиле валялись сорванные со стен полки, всякая утварь и прочий непонятного происхождения хлам. Одного антропоморфа я только что нашпиговал пулями, вторая человекоподобная фигура лежала рядом. Это был молодой парень, почти мальчик. Один глаз залепило грязью, а второй смотрел точно в дымный пятак неба. Юное лицо застыло в гримасе удивления: «Зачем?!». Над головой скрипнула перекошенная зарядом лестница. Следом за мной спускался штурмовик.

– Чисто?

Краем глаза заметил движение за опрокинутым массивным столом. Моя винтовка выплюнула короткую очередь, а я сам рванулся в сторону, уходя с прицельной директрисы. Из–за деревянной баррикады, шатаясь, поднялась маленькая фигурка. Девушка. Ее ладони были пусты, губы хватали воздух, по лицу

змеились полоски крови. Она выбросила правую руку с растопыренными пальцами, словно хотела в последнем усилии содрать с меня кожу. Вторая рука, как плеть, болталась вдоль тела.

– Сволочи!!! Сво–о–о–лочи!!! Вы понимаете, какие вы сволочи?! – ее крик разрезал ватную тишину бункера. – Считаете нас зверьми, а сами хуже зверей! Бросаете нас сюда… Зачем вам это нужно?!

«Спайрон» в руках солдата, балансирующего на ветхих ступеньках, скупо гавкнул, женщина захлебнулась своим воплем и, переломившись в пояснице, свалилась на пол. Тут же лестница под рейнджером окончательно сложилась пополам, а он сам сверзился прямо на труп паренька. Поднялся, отряхиваясь, крутанул рукой, разминая ушибленное плечо.

– Вот ведь чертова дыра! – звонко прозвучали под землей его слова. – Интересно, как они висели на ней вдвоем, когда вели по нам огонь?

– Мне больше интересны ее последние фразы. Как считаешь, о чем она говорила?

– Не знаю, сэр, что было на уме у этой убогой.

– Почему открыл огонь?

– Она вытянула руку, мне показалось, что там пистолет.

– Твой позывной?

– Маркон, сэр.

В это мгновение из-за того же стола послышалось сначала шуршание, а потом раздался усиленный сенсорами «Коллара» стон. Мы немедленно навели оружие на звук, но я тут же жестом приказал штурмовику опустить винтовку. Кто бы там не находился, я справлюсь сам. Слишком жестко он реагирует на любое движение.

– Маркон, поднимешься по шесту, скинешь мне веревку. Потом немедленно осмотришь раненого бойца и вызовешь медика.

– Но там кто-то есть…

– Я разберусь. Выполняй!

– Есть, сэр.

Вполоборота я проследил, как его силуэт исчез из виду, а сам продолжал держать «Спайрон» наведенным на стол. Убедившись, что штурмовик вылез наружу, я аккуратно сделал пару шагов вперед. Под ногами хрустели куски пластика, которые вполне могли быть до взрыва неким технологичным оборудованием.

Я отклонился вбок и осторожно заглянул за укрытие. На полу валялся человек, его ресницы подрагивали, будто при нервном тике, а из ушей текла кровь. Когда он увидел меня, то попытался

сесть, но я движением винтовки приказал ему лежать смирно. Как бы он не был контужен, но голова у него варила неплохо. Антропоморф слабо кивнул и медленно сложил ладони у себя на груди. Одет он был в гражданский комбез туристического образца. Непромокаемая ткань, манжеты от москитов, сетка для терморегуляции. На правой кисти у бунтовщика был след от выведенной татуировки. Интересно, а не ледоруб ли там красовался раньше? Ледоруб, скрещенный с автоматической винтовкой – эмблема егерских частей и кололи они ее именно на правую кисть.

В любом случае надо было использовать момент. Допрос лица на месте преступления, усугубленный отягчающими обстоятельствами вины способствует откровенности. И спецкурс по таким допросам мы проходили и регулярно пересдавали.

– Слышишь меня?! Ты – нелюдь!!! – винтовка в моих руках дернулась, словно мне не терпелось нажать на спусковой крючок. – Сколько вас здесь? Отвечай!!! Иначе – пристрелю на месте!!!

Я говорил с надрывом и повышением интонации, одновременно делая паузы между словами. Все-таки кровь из его ушей не сама по себе потекла.

– Приятель, я тебя не понимаю, – он отвечал глухо и еле-еле.

Все признаки контузии были налицо. Жаль, но откровенного разговора, похоже, не получится. Я все-таки приблизился к нему, чтобы сделать еще одну попытку, когда его губы вновь зашевелились:

– Чувак, ты чего сюда забросил? «Рейпаунд»?

Ого! А он, оказывается, сечет в наших армейских делах. Марку моего САБа мятежник опознал безошибочно. Мне не оставалось ничего, как кивнуть.

– «Красноглазика»? С ЭМИ? Тогда понятно, от чего Кларисса вырубилась, – раненый улыбнулся одними уголками губ и выразительно постукал пальцами у себя по груди.

Я еще более опешил. У антропоморфа встроенный медцентр! Как такое может быть? Кто обновляет ему программы, проводит диагностику и закачивает в кровь наноботы?

– Эх, знал бы ты, что такое – взрыв в ограниченном пространстве. Едва вы снесли крышку, я перевернул стол, дернул к себе Еву и уперся в него ногами, – взгляд раненого скользнул в сторону его подельников, что лежали в нескольких шагах. – Все они тут. Мой самый лучший выпуск. Говорил же Шаксу, что за сбитый «Брок» придется ответить.

Я почти не дышал. Общение наше было односторонним, но бунтовщик давал бесценную информацию. И понятно – почему.

Он чудом избежал смерти. Такая эйфория развязывает язык, не хуже легкого удара прикладом между глаз.

– Нам должны были оставить коридор выхода, подогнать транспорт. Шакс обещал. Видать, не сложилось. Жаль ребят. Зеленые юнцы, романтики.

Внезапно, повинуясь непонятному импульсу я жестом велел антропоморфу заткнуться. Причем использовал нашу армейскую систему знаков. Бунтовщик послушно умолк. А я сгреб с пола немного земли и залепил на «Колларе» микрофон. Пусть видеоряд останется, но без звука. Еще неизвестно, что я сейчас услышу. Пленный, проследив за моими манипуляциями, хмыкнул:

– Не волнуйся, парень, я свой. Свяжись со своим штабом, пусть через секретчиков выйдут на разведку и передадут сообщение: «Дух номер два–ноль–пять запрашивает зеленую тропу». Эх, только бы Шакс уцелел… Жаль будет, если вы его пришьете. Я сам хочу с ним разделаться. За группу. За моих ребят.

Стоп. Как это – «свой»? Он, что – двойной агент? Нет, не может быть. Если он – наш, то причем здесь «выпуск», «моя группа»? Так может говорить инструктор какого-нибудь учебного лагеря, кто-то на вроде нас с Кундисом. А вдруг… Я заметил на полу грифельный карандаш и подобрал один из рассыпанных бумажных листов. Написал на нем: «База Форекон. Инструктор для вольнонаемных». Дал прочитать антропоморфу, а потом ткнул себя в грудь пальцем. Тот закашлял лающим смехом:

– Здорово, собрат. Видишь, одним делом занимаемся, но по разные стороны фронта. Только у тебя служба не такая рисковая, – мятежник словно прислушался к чему-то у себя внутри. – О, Кларисса оклемалась. Сейчас станет полегче.

Внезапно он порывисто всхлипнул. Его глаза остекленели, потом тело выгнулось дугой, несколько раз дернулось и обмякло. Я не раз в жизни видывал подобное, поэтому пояснений, что происходит, не требовалось. И мне совсем не нужно было пытаться нашарить на его шее пульс, хотя я все равно это сделал. Мне и так было понятно, что сейчас случилось на моих глазах. Кларисса. Очередное романтическое имечко для медицинского нейро-импланта. И она, конечно, оклемалась. А потом, когда сняла данные об окружающей обстановке, мгновенно выполнила одну из вшитых в нее программ – убила своего человека. Зачистила улики. Наш медцентр, наш ангел-хранитель…

– Червяк, ты меня тоже пришьешь, если что-то пойдет не так?

– Некорректный запрос.

– Конечно, дождешься от тебя откровенности.

Когда я шел к люку, хруст под моими ногами был единственным звуком, что раздавался в бункере. Все враги Метрополии уничтожены. Парень с девчонкой, еще какой-то бедняга, и их инструктор тоже. Вот, значит, как мы ведем эту войну. Сами с собой.

В моем сознании рушились храмы убеждений, почти детской веры в Добро и Зло, а также понимание, на какой именно стороне я нахожусь. Люди наивны и беззащитны. Мы охраняем их мирную жизнь. Или мы – не люди, а те, кто сбивает простых смертных с их и без того сложного пути? Расставляем ловушки соблазнов, чтобы потом наказать за нарушение догм и законов. Под словом «мы» я подразумевал Систему, Метрополию, звеном которой несомненно являлся. Общество строит Рай. Он тоже будет наполнен запретными плодами и змеи-искусителя будут развешаны по каждой яблони? Искушаем, чтобы потом карать. Такие создания не в новинку людям, память о них живет в сказках, мифах, легендах. Мы завлекаем, мы обманываем. Мы – демоны, вот мы кто. А население просто верит.

– Слик, настоятельно рекомендую срочно ввести нейролептики. Вы на грани срыва.

– Валяй, Червяк, только в овощ меня не преврати.

Механически, заученным импульсом я выскочил в нейросеть батальона и отправил донесение. Один взорванный бункер, четверо нейтрализованных антропоморфов. Залез в командное меню, посмотрел боевые рапорты. Общее положение дел на тот момент было таково: обнаружено шесть укрытий, уничтожено двадцать восемь бунтовщиков.

Наши потери – восемь человек, из них трое – невозвратные. Еще бы, противник знал толк в войне, раз его натаскивали наши собственные спецы. Да и можно ли было назвать их противниками? Но пока эти вводные отступили на второй план, потому что лейтенант Рамю выбыл после раневого пневмоторакса грудной клетки, и теперь я командовал ротой. И должен был немедленно брать бразды правления в свои руки:

– Слушать меня! Выбывших заменить бойцами второй линии и быть готовыми продолжить движение по маршруту. Об исполнении доложить. Выставить караулы по периметру контролируемых участков. Проверить фильтры в шлемах и питание экзоскелетов. Медикам разрешаю вызвать санитарный модуль.

Сверху скользнул оранжевый жгут веревки.

– Режим «Тиски»!

Пока шеренги проводили ротацию, я успел связаться с комбатом:

– Здесь Слик. Как обстановка, Демерс?

– Мы готовы к движению.

– Отвисай пока на своей точке, я запрашиваю авиационную поддержку. Нужны спецсредства, парализующий газ слишком долго просачивается в подземные бункеры, а потому неэффективен.

– У нас есть что–то позабористей?

– Найдется. Жди от меня сообщений.

– Принял.

Я связался со штабом, вызвал авиагруппу по нашим координатам и собрал свою команду – три десятка парней в одинаковых бронекостюмах. Типовые заготовки людей нового идеального мира. Ветер тряс сучья над нашими головами под аккомпанемент птичьих воплей. Природа словно негодовала в ответ на нежданное вторжение. Радары на визорах показывали пустое пространство вокруг. Звери разбежались, антропоморфы затихли в своих норах.

– Как настроение?

– Давайте врежем им как следует, капитан. Нужно поквитаться за наших, – ответил коренастый штурмовик с красными глазами альбиноса.

Эх, парень, знать бы, кто тут наши, а кто – чужие, подумал я. Но вслух сказал совсем другое:

– Всем – внимание! Ты и ты – организовать круговое наблюдение. Остальным – пятнадцать минут отдыхать. Ожидаем поддержку с воздуха.

Я привалился к мокрому, скользкому стволу, снял с головы тактический шлем. Жадно припал к загубнику, втянул в себя тонизирующую влагу. Моя винтовка стояла на предохранителе, но ствол смотрел туда, в сплетение колючих лиан, жаркий полумрак зарослей. Закрыл глаза, постарался вымести из головы все мысли. Сердце надрывно гоняло кровь по сосудам. Бум, бум, бум. Два удара в секунду. Ребята расположились рядом, кто где. В их репликах я читал спокойствие и злую сосредоточенность. Они целиком доверяли мне, их предводителю и дело было не в нашей, одинаково заляпанной джунглями, униформе.

Что есть пресловутое Лидерство? Качество, без которого немыслим вождь. Тебе по силам в совершенстве вызубрить возможности техники и вооружения, блестяще планировать операции, но люди будут неуютно чувствовать себя за твоей спиной. Я знавал таких командиров. Они получили в офицерской школе высокие баллы, имели властный голос, а солдаты все равно искали любой повод, чтобы выправить себе перевод куда угодно, только бы не остаться под их началом. И эти

подразделения почему–то всегда несли самые тяжелые потери. Просто люди не верили в своего вожака, сомнение поселялось в их головах, оно туманило мозги, на доли секунды придерживало палец на спусковом крючке. Ребята действовали строго по установкам, но этого всегда оказывалось недостаточно. В жизни, чтобы хорошо сделать работу, нужно выполнить ее хотя бы на сто один процент. А они готовы были выложиться не больше, чем на девяносто девять. Два процента сомнений портили картину и статистику.

Лидерство. Харизма. Почему в ответ на одни и те же слова из разных уст ты либо готов нестись со всех ног выполнять приказ, либо сознание уже подбрасывает аргументы, почему так поступать не следует. Но ты обязан. Ты гасишь в себе дурные мысли, отмахиваешься от них, но предчувствие поражения уже начинает точить тебя изнутри. Я думаю, что тут все дело в энергии, которую пока не уловило ведомство Гиллиса. Настоящий лидер готов отдать и отдает. Его люди чувствуют эту волну. Именно она с запасом добавляет им те несколько процентов уверенности, без которых не достигнуть ни одной цели. Или отнимает их.

Я был уверен, что тот боевик, в бункере, был натаскан на Лидерство, как гончая на дичь. Он повел за собой несмышленых юнцов, которым было все равно, куда направить свой протест. Свойство возраста, когда максимализм в крови не терпит компромиссов. «Сволочи! Какие же вы – сволочи!» – в сознание вплыли слова этой девушки, Евы. Нет, Ева, мы не сволочи. Мы – демоны и ничто демонское нам не чуждо.

Мой сердечный хронометр уже отстучал положенное время, когда приближающийся рев возвестил о прибытии воздушной поддержки. Штурмовики вскочили на ноги, захлопали закрываемые забрала «Колларов». Не прошло и минуты, как по нейросети мне пришел вызов от командира летунов:

– Слика вызывает Пустельга. Ответь Пустельге.

– Пустельга! Здесь Слик!

– Угощение сброшено. «Дурной сон». Получайте удовольствие.

– Благодарю за содействие.

– С тебя причитается, Слик.

– В аду сочтемся.

Я тут же отдал команду ротным:

– Всем медцентрам ввести антидот на спецсредство «Дурной сон». Об исполнении доложить.

А потом наша свора голодных псов встряхнулась и поперла дальше, в поисках, кого бы сожрать. Местность резко пошла под

уклон, начали попадаться болотины. Авиаторы расстарались – впереди нас ждали не клочья белого паралитического тумана, а плотная кирпичного цвета взвесь бинарных боеприпасов. Разом умолкли сонары. Все вероятные цели пребывали в глубокой отключке. В шлемах слышалось только тяжелое сопение бойцов, да сорвавшееся с губ ругательство, когда кто–то проваливался в затянутую ряской трясину. В эфире прозвучал вопрос комбата:

– Эй, Слик! Это Демерс. Видимость вообще ни к черту. Как в этой каше обнаружить бункеры?

Он подал голос на частоте радиообмена командиров, поэтому мне можно было не стесняться:

– Включи мозг в розетку, штурмовик. Какие бункеры? Здесь воды по пояс.

Смех остальных офицеров прозвучал для меня, как разрядка. Но через несколько минут все переменилось. Сначала меня повергло в шок сообщение из штаба: «Операцией зачистки с этого момента командует капитан Демерс. Капитану Слику немедленно подтвердить получение приказа», а потом я услышал немного изумленный голос комбата штурмовиков:

– С этого момента я – старший. Капитан Слик отстранен от командования операцией в виду технической неисправности его оборудования. Поняли меня?

– Принял. Это Кросс.

– Все путем, Демерс. Здесь Алан.

– Понял, – одними губами ответил я.

– Что?! Громче, Слик.

– Понял, передаю командование!!! – заорал я, будто Демерс был в чем-то виноват.

Быстрая сработали. Нет, не зря новый начальник «Форекона» из разведчиков. Интересно, какой прием ждет меня дома? А может лучше было пристрелить в джунглях народного кумира и разом избавиться от всех проблем? Странно, что такая идея не пришла в их светлые головы. Они. Безликая масса, олицетворяющая Систему. Тени за спиной. Они наблюдают, ждут, когда ты допустишь ошибку, чтобы захлестнуть твое горло тугой удавкой закона, более смертоносной, чем объятия анаконды. Я вспомнил про красный ободок на «Рейпаундах». Запись покажет, что я использовал гранаты с ЭМИ. Нужно срочно избавиться от обычных, иначе, как я объясню, что у меня двойной комплект?

Не успели мы продвинуться вперед и на сотню шагов, как первый ротный доложил:

– У меня на сонаре два деления третьего размера! Оба неподвижны.

– Проверить.

Через минуту пришло подтверждение.

– Так точно. Антропоморфы. На дереве устроились. Дыхание ровное. Объекты не повреждены.

– Здесь Кросс. Пять третьих делений. Запрашиваю указания.

Я остановился. Перед глазами вновь мелькнули лицо того паренька в бункере и девушка с распяленным в безнадежном вопле ртом.

– Демерс! Тут ветрено. Того гляди очнутся. Что нам делать?

Комбат штурмовиков ответил не колеблясь:

– Новые вводные, ребята. Найдите среди них бородатого бунтовщика в черном комбезе и спеленайте, как следует. А с остальными Метрополия не желает возиться.

– Чего?! – голоса лейтенантов слились в один изумленный выкрик.

– У вас что – слух отшибло или память короче, чем член муравья? Я же сказал, что колоннель Гор хочет получить только одного.

Мне пришлось влезть в их диалог:

– Погоди, Демерс, их потом можно будет допросить. Это же варварство.

– А это прямой приказ! – отрезал комбат, а потом добавил через паузу. – Ты отстранен, Слик, поэтому командуй своей ротой и не вякай. У нас, между прочим, несколько ребят отправились сегодня к Творцу на аудиенцию. И знаешь, кто их убил? Эти гады. Жалеешь их, да? Можешь высказать свои соображения начальству, когда вернемся. У тебя наверняка будет такая возможность.

Похоже, что надо мной сгустились тучи подозрений. Уж не в измене ли собираются обвинить недавнего героя? Интересно, что обо мне сообщили Демерсу, если из его поганой пасти вырвались столь опрометчивые слова? В любом случае пора скидывать стандартные САБы, пока цепи зачистки не сошлись вместе. Улучив момент, я аккуратно опустил боекомплект для подствольника в глубокую лужу. А сам сделал вид, будто поскользнулся.

Транспортный модуль высунул трап, как язык из пасти, выпуская нас на залитое электрическими прожекторами летное поле. Глубокий вечер уже стиснул базу «Форекон» клешнями сумерек. Мы вернулись домой. Бойцы гуськом выбирались из «Брока», строились ровными шеренгами.

– Рад был нашему сотрудничеству, – заискивающая ладошка Роеланда тыкнулась в мой кулак. – Надеюсь на продолжение знакомства.

– Вряд ли мы сойдемся близко. Терпеть не могу тамаринды, – процедил я и отвернулся к транспортнику.

Рядом стояли лейтенанты «Навала» вместе с комбатом. Все молчали, потому что происходящее на наших глазах не требовало комментариев.

Медики выкатили тележки с ранеными и теперь затаскивали ребят по полозьям в реанимобили. Два пассажирских хавера в цветах «милитари» шустро подрулили к посадочной площадке и остановились. Затем на бережных руках санитаров из транспорта появились носилки с лежащими на них бесформенными мешками, которые несколько часов назад были штурмовиками батальона «Навал». Парни в торжественной тишине медленно ехали вдоль строя, и сотни рук взметнулись в последнем салюте сослуживцам. Когда ховеры увезли ребят в последний земной путь, Демерс с задумчивым видом повернулся ко мне. Если бы я не был твердо уверен, в том, что биологическому виду «штурмовик» чужды человеческие эмоции, то решил бы – комбат смущен и чувствует себя неловко.

– А ты, инструктор, оказался ничего. Не напорол, как я боялся. За прицелы не вини себя, приказ был оправдан. И сам не держи на меня зла за резкие слова. Вырвалось.

– Бывает.

Мы пожали друг другу руки.

– По старой традиции, после боевого задания, мы с лейтенантами сегодня идем в офицерский бар. Помянем погибших парней. Присоединяйся, – предложил Демерс.

– Вы взяли того пленного, которого хотел Гор?

– Да. Здоровенный детина. За ним сразу прислали «Хорнет».

«Хорнет» – скайховер разведки с силуэтом, похожим на разрезанную пополам пчелу. Вот, не к добру был упомянут. От контрольно-пропускного пункта, в паре метров над землей, к нам несся как раз такой же. Черный, будто кусок антрацита. Я сразу понял, кто сидит в его чреве, а также то, что выпить за упокой штурмовых душ сегодня мне не светит. Мы – демоны. И у демонов тоже могут быть свои изгои.

Разведывательный модуль остановился рядом с нашей группой. В сторону отъехала широкая дверь и на бетонные квадраты летного поля спрыгнула парочка молодцеватых типов в мундирах военной полиции. Ближний ко мне, с лычками уоррент-офицера, предъявил служебное удостоверение и тихо, но веско произнес:

– Капитан Слик, сдайте ваше оружие и боеприпасы.

Линия Моллоя. РМ – «Particula Mentis»

Моллой исподтишка посмотрел на офисные часы. 17.52. Проект, над которым он каторжно трудился последние пять месяцев, наконец полностью завершен и пора отправлять его заказчику. На входе в банк данных клиента работа Моллоя пройдет через РМ-конвертер, который присвоит ей новый смысл – он оценит ее качество по шкале обменного эквивалента Метрополии. По РМ-шкале. Сегодня все произойдет. Быть или не быть.

Мысленно он продолжил монолог Гамлета:

«Так погибают замыслы с размахом,

Вначале обещавшие успех».

Моллой усмехнулся и решил считать, что эти строки писаны не про него. По крайней мере до объявления официального вердикта.

Итак, пора? Отправить? 17.54. Какой смысл делать это за восемь минут до окончания рабочего дня? Что же предпринять? Имитировать повторную проверку расчетов? Электронный тайм–менеджер запросто может влепить штраф за нерациональное расходование рабочего времени.

Вспомнив, что из трех законных технических перерывов он сегодня использовал только два, Моллой решительно поднялся и направился в туалетную комнату. Когда он проходил мимо стола, за которым сидела Лори, его шаг поневоле сбился с ритма. Глаза поймали полурасстегнутый ворот блузки, тоненький пальчик, занятый наматыванием каштановой пряди. Моллой дрогнул. Потом вновь пришпорил себя, да так, что умудрился споткнуться о маленький офисный порожек. Нет, назвать ее красавицей, пожалуй, было бы преувеличением. Скорее, здесь дело в походке. Ее тело словно жило отдельно от хозяйки, и даже утянутое в строгий костюм громко заявляло оттуда о своей молодой энергии и готовности к любви и удовольствиям. А может, плюнуть на все и пригласить ее сегодня на свидание? Моллой гневно изгнал из головы романтический мусор и решительно, даже немного грозно, толкнул перед собой дверь комнаты для мужчин. Через пару минут он размеренно мыл руки в раковине, косясь на стрелку секундомера. Из зеркала над краном на него смотрел худосочный парень с настороженным лицом и узко посаженными глазами. Дисплей статуса на лацкане рубашки переливался лиловой буквой «В». Впрочем, как надеялся Моллой – это ненадолго. Сегодня свершится то, к чему он стремился всю свою жизнь. Ради чего рассчитывал каждый шаг, лишал себя и так немногих часов отдыха, презирал все суетные желания. Он рисковал жизнью на арене кроуд-файтинга, выкладывался по максимуму на работе. Его бездушный сообщник, пищевой калькулятор, день за днем отмерял ему лишь необходимое для нормального самочувствия количество калорий, оставляя за чертой дозволенного маленькие радости гурманов. Экономия и холодный рассудок проложили ему путь к высшей цели, путь, полный соблазнов, самоограничений, и Моллой с честью выдержал испытание. Нет, не там, на боевой площадке под взглядами сотен тысяч глаз, а тут, в архитектурном бюро место его истинного триумфа.

Когда он вновь уселся на рабочее место, на часах было 18.01. Экран статуса мигнул зеленым сообщением: благодарность компании за ненормированный рабочий день в размере 8 РМ капнула на его лицевой счет. Моллой в который раз пробежал глазами содержание проекта, потом усилием воли заставил себя перевести курсор на нужную иконку. Все. «Отравить». Вопль торжества едва не вырвался из его груди. Позади ночные бессонницы, утренняя заторможенность, беспочвенные надежды и вполне оправданные страхи, одинаково хорошо пожирающие нервные окончания.

– Вещи уже собрал? – раздался сбоку неприязненный голос

Куки.

Когда–то они были приятелями, но скрипка дружбы не осилила мелодию совместной работы. Один заказчик, одна реализация, один автор – никто из их архитектурного бюро не помнил другого такого конкурса со столь жесткими условиями. Моллой не просто взял в нем верх, он финишировал с отрывом, достаточным для того, чтобы морально уничтожить конкурента. Такому подходу его научил спорт. Победитель остается на арене один, остальных увозят электрокары. Моллой подошел к задаче творчески, предложил более продуманный способ реализации, оптимизировал бюджет. А Куки остался за бортом, на вспомогательных направлениях. Сам виноват – не оценил масштабность проекта. Теперь его, как и остальных, пожирала зависть, которой коллега пытался заглушить чувство собственной неполноценности. Некоторые казнят себя за неудачи, другие предпочитают винить окружающих. Кто–то обзаводится веревкой и мылом, кто–то втайне точит клинок. На столе у Куки появился массивный и тяжелый канцелярский набор.

– Не начинал даже, – подчеркнуто безразлично ответил Моллой.

– Надеюсь завтра тебя здесь больше не увидеть, – не то сказал, не то выплюнул Куки.

Его статус блеснул оранжевым цветом. Это Департамент Социальных Отношений списал себе 2 РМ с его баланса за недоброжелательность. Куки презрительно хмыкнул экрану. Моллой выдержал эффектную паузу и выдал:

– Даже в случае моего перевода в класс «А», я всегда буду рад помочь тебе советом или консультацией.

И его личный дисплей тут же осветился зеленой вспышкой. 2 РМ за сотрудничество! На гладковыбритых щеках Куки вспухли узелки гневных желваков. Коллега решил не продолжать разговор, а резко повернулся и направился к выходу. Славно, что у них тут, как и в общественных местах, повсюду висят мнемографы. Любое действие или слово работника находит отражение в изменении РМ-баланса. Государство руководит гражданином везде, кроме дома, где он полностью предоставлен себе и собственным демонам.

Офис пустел, рабочие птицы покидали свои гнезда. Вот и Лори выпорхнула из–за стола. Она торопливо скинула в сумочку какие–то бумаги, потом задумчиво посмотрела на Моллоя и сделала к нему несколько шагов. Рамка на экране ее статуса переключилась в легкомысленный голубой фон: «Рассматриваю предложения». Ба! Да это прямое приглашение к флирту!

– Долго сегодня собираешься трудиться, победитель

чемпионов? – спросила она, покачиваясь на каблучках.

От неожиданности Моллой пролепетал:

– Я как раз заканчиваю важную работу…, – он с усилием сглотнул и закончил. – Наверное, да. Долго.

– Как знаешь, – немного разочарованно бросила Лори, доставая брелок автозапуска.

Девушка нажала кнопку и где–то внизу, через сотню этажей от них, уркнул двигатель ее личного ховера. В нужный момент машина притормозит на посадочном паркинге и заберет свою очаровательную пассажирку. Коммуникатор Лори мигнул тревожным янтарным огоньком:

– Департамент траффика снимает с вас один РМ за неиспользование общественного транспорта, – прочитала она и принужденно рассмеялась. – Мама говорит, что я никогда не научусь экономить. Увидимся!

– Пока, Лори, – выдавил Моллой, из последних сил борясь с желанием вскочить с места и броситься за ней, увлечь ее в дансинг или в театр, туда, где искрится рекламой бурлящая молодая жизнь их огромного города. Но стройные ножки в чулках телесного цвета скрылись за дверью, а он так и остался сидеть неподвижно, будто его гвоздями прибили к офисному стулу.

Цифра. Его спасла и охладила цифра. 119 205 РМ. Состояние его личного банковского счета. После незабываемого вечера во Дворце кроуд-файтинга осталось всего ничего – тысяча единиц до уровня «А». Высшей прослойки социума, элиты общества, на которую распространялись все возможные привилегии. «Ну, потерпи еще чуть–чуть» – почти стонал про себя Моллой. – «Ты так к этому стремился». Класс «В», «браво», считался проходным уровнем молодых профессионалов. Из него либо ценой полной концентрации удавалось забраться на ступеньку «А», либо измочаленный бесплодной борьбой неудачник скатывался в серое море «С», «чарли» – основную платформу тружеников, так называемый «средний класс». Средние медицинские страховки, средние курорты для отдыха. И средние зарплаты. Моллой смог. Он сумел превратить себя в безошибочную вычислительную машину в работе, бесстрашного пилота на площадке файтинга, холодного циника в общении и жесткого аскета в быту. И вот долгожданная награда. Если проект примут, то ему засчитают последнюю часть оплаты в размере не менее 1000 РМ. Возможно, даже больше, если начислят финальный бонус. А всего в течение последних месяцев Моллой получил за свои разработки около 22 000. Если бы Куки узнал про эту цифру, то наверное слег бы с сердечным приступом. Это было вознаграждение на уровне руководителя небольшого предприятия. Куда там до таких

гонораров кроуд-файтингу, который в тот же отрезок времени принес Моллою в лучшем случае 6 000 РМ прибыли. Нет, спорт для него все-таки развлечение. Не те масштабы. Только архитектура сможет вывести его в люди.

Удивительное дело – этот новый проект. Нет, когда он, наряду с остальными сотрудниками бюро получил первый заказ на сочетание зданий, инфраструктуры с ландшафтным дизайном, он не удивился. Разве ранее Моллой не прочерчивал курортную зону для детей из государственных интернатов? И только потом, на стадии цифровой модели он просто ахнул, настолько диковинными были заданные параметры. Пожалуй, здесь сразу пошла речь о неком анти-курорте. О благоприятных условиях жизни для его обитателей никто не позаботился, скорее наоборот – ставка была сделана на создание для них постоянного дискомфорта. Моллой стал напряженно размышлять, для чего может служить такое странное место? Оно никак не тянуло на новый заповедник Райской парковой зоны. А может это резервация для дикарей-антропоморфов, которые не приняли доктрину Метрополии? Или просто научная гипотеза, которая сама по себе не содержит никакого практического смысла? Постепенно Моллой отбросил неуместные теории и остановился на самой реалистичной – это полигон для тренировки сил специального назначения. Его размеры впечатляли. Похоже, что по площади он вполне мог стать единой учебной базой для всех военных Земли. С этого момента проектные идеи Моллоя приняли совершенно иной характер. Усугубить, добавить, максимально усложнить пребывание – вот что стало его девизом. И особый акцент он сделал на внешние эффекты. Когда первый ландшафт был закончен и за него пришло поступление в размере 4500 РМ, Моллой понял, что попал в точку. Стоило ли упоминать о том, что из бюро он оказался единственным архитектором, чья работа была засчитана? Остальные потратили время и силы впустую.

Ну, довольно воспоминаний. 1000 РМ. Этого хватит, чтобы взять барьер новой жизни. Он почувствует там, в классе «А», себя своим, разберется в незнакомых правилах, а потом включит в свое расписание Лори, вернее, снизойдет до нее, словно принц из детской сказки.

– Любая девчонка мечтает заарканить «альфу», – здраво рассуждал Моллой, выключая компьютер.

Опознаватель в метро слизнул с его карты 8 РМ за проезд, и департамент траффика тут же вернул ему единицу как поощрение за общественную сознательность. По платформе прошлась волна сквозняка от приближающегося поезда. Моллой набросил на

голову капюшон повседневного комбинезона. Что он слушал утром по дороге на работу? Правильно – передачу о проблемах экологии. И поймал 1 РМ за активную жизненную позицию. Теперь выбор пал на «Информканал Метрополии». Правительство тут же поблагодарило его двумя РМ за интерес к политической жизни планеты. Вмонтированные в ткань наголовника наушники выплеснули на него сводку новостей пополам с рекламой, большая часть которых была посвящена учреждению Департамента Строительства. Корпорация «Бечтел» с резиденцией в Калифорнии достигла пика глобализации и теперь контролировала 78 процентов общего рынка. Только безумцы сопротивляются естественным процессам. Отныне отрасль отдавалась под ее полное управление. Вскоре будет голосование, подсчет всех гражданских голосов, после чего строительного кормчего человечества торжественно пригласят к штурвалу. Для Моллоя это значило, что у их бюро вскоре сменится основной заказчик. Отныне придется работать через единый Департамент Строительства, а не с разными госслужбами и частными клиентами.

Впитывая информацию, Моллой флегматично рассматривал пассажиров вагона. Целый забор синтетических колпаков, раскрашенных в разные профессиональные цвета. На коммуникаторах индексы «С» и «Д». «Дельты» – разнорабочие, малоквалифицированный труд. Операторы моечных машин, дорожные рабочие, многочисленная обслуга. В двух шагах на поручне раскачивался «браво», он бросил на Моллоя дружелюбный взгляд. Моллой улыбнулся в ответ, продвигаясь к выходу.

Протопав по овальному бетонному пищеводу, он миновал зубья турникетов и выбрался из зева метро на улицу, параллельную его жилому блоку. Город Венторис – растение, подземные коммуникации и линии метро – его корни. Ныне модный среди верхов латинский язык дал ему имя. «Ventus puer Creatoris». Любимое детище Творца. Кто–то словно ладонями сгреб буквы в маленькую кучку, и из нее вылепилось благозвучное слово. Древнее название Венториса безвозвратно кануло в Лету. Все следы о нем изгнаны из электронных и бумажных носителей. Кажется, оно как–то было связано не то с рекой, на берегу которой его заложили, не то с древним племенем, что обитало на этих землях. Да и зачем хранить об этом воспоминания? Опыт – всего лишь фонарик на спине усталого путника. И он освещает только дорогу назад.

19.15. Оповещение из РМ-контролера до сих пор не поступило. Оставили рассмотрение до завтра? Странно. Там же

компьютерная обработка данных по заранее введенным тарифам. В его душе бурлило нетерпение. Моллой понял, что не хочет в этот вечер забиваться в привычную каменную клеть квартиры. Он просто не сможет ничем себя занять, пока не узнает результат. Засчитан или нет? Чтобы хоть как–то отвлечься, он полистал в коммуникаторе рекламу развлекательных заведений. Многие ставили запрет на эти навязчивые рассылки, но иногда там можно было зацепить пару РМ за потребительскую активность, и Моллой заставлял себя старательно штудировать предложения бульварных зазывал:

«Паб «Лестница вверх» ждет гостей! Поднимаясь по лестнице вверх, всегда найдется время присесть на ступеньку и окинуть взглядом пройденный путь! Задержитесь у нас на минутку, прежде чем продолжить движение!»

Как будто специально для него составлено – у Моллоя даже сердце екнуло. А вот и вывеска этого кабачка, как раз напротив выхода из подземки. «Лестница вверх». Две узких распашных двери, на окне – рекламное изображение усталого путника, присевшего передохнуть на лестничную ступеньку. В пограничном состоянии стресса люди часто совершают необдуманные поступки. Отбросив сомнения, он нырнул в небольшой бар. Сегодня он будет расточителем и презренным мотом. В рамках предполагаемого излишка средств над допуском в класс «А».

Бармен приветливо поздоровался, повернул новому посетителю экран меню. Моллой быстро пролистнул дорогие блюда. Его внимание привлек легкий салат, а также большой стакан тыквенного сока. Разве вчера он не слушал отчет магистрата о рекордном урожае тыквы в их провинции? И коммуникатор тут же подтвердил его догадку, выдав сообщение о поступлении 1 РМ за поддержку экономики региона. А плата за ужин составила всего–навсего скромных 37 РМ. Недорого, подумал Моллой и дал себе обещание время от времени пользоваться услугами этого заведения. Стоя с подносом в руках, он обвел взглядом оживленный зал. По случаю вечернего часа свободных мест почти не осталось. Был не занят столик в углу, но рядом с ним некстати расположилась шумная компания «дельт». Они громко обсуждали перипетии матча по файтингу, размахивали руками, спорили о чем–то, не обращая внимания на тревожные оранжевые огоньки своих дисплеев. Увидят его лицо – наверняка узнают, подробности битвы с «Сумотори» еще будоражили умы болельщиков. А Моллою сейчас не хотелось быть объектом внимания.

«Популярность угнетает всегда, за исключением тех случаев,

когда она просто выводит человека из себя», – подумал Моллой и направился к сидевшему за кружкой пива лысому старику. Несмотря на небритость, он производил более приятное впечатление, чем буйная группа в углу.

– Я могу присесть?

– Сделайте одолжение! – ответил тот чуть заплетающимся языком.

Моллой скривился, когда увидел на его лацкане индекс «Е» – «эхо», но развернуться было бы уже невежливо. Департамент Социальных Отношений не оценит. Какую работу выполняли «эхо»? Самую простую, что требовала минимальных умственных усилий, поскольку классы социума – это, прежде всего, шкала интеллекта и только потом, как следствие, уровень благосостояния.

– Судя по индексу коммуникатора, вы подвизаетесь на ниве умственного труда, – сосед по столику кивнул на воротник Моллоя и неторопливо пригубил свое пиво. Он не спрашивал, а скорее утверждал. Пальцы у него слегка подрагивали.

– Да. Занимаюсь архитектурным и математическим моделированием различных объектов. Просчитываю сразу максимум параметров. Могу, к примеру, спроектировать небольшой спальный район или курортный «арриал», – осторожно сказал Моллой, стараясь быть дружелюбным.

– Как интересно. Вы создаете ландшафты Райских парковых зон?

– Пока нет. К сожалению. Вернее, не знаю. Я понятия не имею, где географически будет располагаться объект, мне известны лишь условия задачи. Мой последний комплекс, к примеру, носит название Прайд, – вежливо пояснил Моллой, не замечая вспыхнувшего взгляда собеседника. – До этого я занимался созданием местности с наименованием Инфиделити, – добавил он и робко поинтересовался. – А–а–а вы?

– В неведении – благо, – прошептал старик. – Неужели вам не интересна дальнейшая судьба собственных работ?

– Без малейшего понятия, – отрезал Моллой и повторил вопрос. – А какова ваша специализация?

– Я изучал этос, – охотно ответил незнакомец, но потом вымученно улыбнулся и выдавил. – В прошлом.

– Что–то связанное с социологией?

– Можно и так сказать. А еще можно уточнить, что среди гнилых яблок всегда небольшой выбор, – туманно пояснил сосед по столику.

Он воинственно уставился на свою кружку, икнул, виновато прикрыв рот ладонью, потом вдруг поднял ее и в едином порыве

опустошил досуха. После чего тут же заказал другую через меню коммуникатора. Тот ответил трелью рубиновых сигналов. Плохой признак. Так общественные институты реагировали на вопиющие нарушения. Моллой испытывал непреодолимое желание смыться.

– Мои труды были признаны неактуальными. Скажу больше, вредными, – с этими словами пожилой мужчина ухватил принесенный официантом бокал за влажный бок и едва не выронил из рук. Пенные брызги разлетелись по пластиковой столешнице.

– Святые угодники, – пробормотал он, вытирая капли рукавом комбинезона. – Меня зовут Рими.

– Моллой.

«Неужели традиционал?» – затравленно подумал Моллой.

Так общественная мораль называла приверженцев ортодоксальных религий. За подобные взгляды не штрафовали, но все же…

– Рад встрече. Скажите, вы кому–то нужны? Кто–то счастлив от того, что вы есть? Или вам пока, в силу собственной молодости, не приходилось задавать себе такие вопросы?

– Признаться…, – начал сбитый с толку Моллой.

– А мне вот пришлось, – перебил его Рими. – И я не пожелаю никому оказаться в моей шкуре. Вы знакомы с работами Дюфора?

– Разумеется.

– Ну, конечно. Кто же из нас не знает апологета нынешнего порядка. Так вот я попытался рассмотреть альтернативные возможности шкалы общественных ценностей, – Моллой отметил, что голос его собеседника окреп. Видимо, он не был в таком сильном подпитии, как показалось на первый взгляд.

– Позвольте, а зачем?

Старик важно откашлялся, как если бы выступал перед аудиторией:

– Философский вопрос. Мы обязаны рассматривать разные варианты, чтобы не скатиться в догматизм. Веками бытовала денежная система, как универсальный эквивалент товаров и услуг. Теперь, благодаря Дюфору, ее сдали в архив. Люди вынуждено зарабатывали деньги, и это было признано несправедливым. Теперь все наоборот и мы, наемные рабочие, выступаем продавцами. Продавцы своего ума и времени, как реализации первого. А государство и частные корпорации покупают наши способности. «Любая экономия сводится к экономии времени». Так считал Карл Маркс. Но чтобы грамотно распорядится временем, нужен интеллект. Он и стал отправной точкой нового порядка. Наш разум был инвентаризирован, раздроблен и превращен в платежную систему. Каждое действие

человека теперь получает материальную оценку в плане разумности. Не желаете закурить? Правильно – пачка сигарет стоит пятьдесят «РМ», да еще на нее накрутятся штрафы от всевозможных департаментов и министерств. Курить теперь очень глупо. А если бы табак рос в окрестностях нашего города, и за него поступали дотации, тогда как?

– Все равно не стал бы, – осторожно сказал Моллой.

– Было бы странно услышать иной ответ от продвинутого «браво», – теперь, оседлав привычную тему, Рими окончательно протрезвел. Его глаза приобрели ясность, возвратилась четкость движений. Только в глубине зрачков у старика таилась усталость загнанного животного. Было в нем что–то надрывное, Моллой сам сейчас находился в аналогичном состоянии и поэтому остро прочувствовал настроение своего соседа. Но одновременно за сдерживаемой истерикой у него явно проглядывала властность. Кем бы он ни был, он привык командовать. Излагал свои мысли жестко, безапеляционно, ни в малейшей степени ни интересуясь, понимает ли его собеседник и вообще – интересна ли ему тема беседы.

– Я изо всех сил старался представить свое оригинальное прочтение процессов. Очень старался. И в конце концов доказал, что концепция Рая ущербна. Она, как месяц, понимаете? Ей не хватает второй половинки до полной луны. Так что вы видите перед собой подлинного ниспровергателя мечты. Я превратил утопию в реальность, но в глазах общества это, конечно, меня не извиняет.

Моллой отшатнулся, зажав рот рукой. Кто этот сумасшедший? О чем он говорит? Здесь, в общественном месте под датчиками мненофонов!

– Расквасив себе нос о новую великую мечту цивилизации, человечество покатится вниз. И в финале окажется там, где ему самое место. Если мы, конечно, не позаботимся об этом вопросе заранее.

Брови Моллоя подпрыгнули. Безумец, перед ним просто безумец!

– Оценочная система Дюфора способна на большее, ее можно расширить за границы примитивных подачек населению. РМ-балансу скоро придется стать РМ-регулятором. Да здравствуют они – «Particula Mentis»! Знаете, как переводится данное выражение?

– Частица разума.

– Верно. А есть и другое смысловое значение: «Требование вменяемости». Любопытно, не правда ли? «Particula Mentis» – универсальные куски нашего мозга, выделившие нам две первых

буквы для новой интернациональной валюты!

Т–т–т–т!!! Калейдоскопичное мигание дисплея слилось в единую малиновую кляксу, и раздался треск, словно от короткого замыкания. Рими хохотнул:

– Вот видишь? Техника за мной не поспевает!

Его дисплей потух. На секунду. И потом вспыхнул коричневым фоном, на котором загорелась ярко–белая буква «F». Моллой слышал о них, но никогда раньше не видел вживую «фокстротов» и поэтому пялился на старика во все глаза. А тот никак не мог унять свой поток красноречия:

– Любезный собеседник, а вам не случалось почувствовать себя котом Шредингера?

– Н–нет, никогда.

– Вы – счастливчик. Как там… «Некий кот заперт вместе с адской машиной, которая защищена от прямого вмешательства кота». Так вот, мне постоянно кажется, что я – маленький беззащитный кот, которого заперли в пустом кубе вместе с бомбой, и у меня нет на нее никакого влияния. Мы – цивилизация котов Шредингера, жалобно мяукающих котов.

Вдруг вращающиеся двери кафе распахнулись, пропуская двух стражников в темно–синих мундирах. Они деловито отдали честь Моллою и остановились в проходе напротив их столика.

– Вы пойдете с нами, – почти ласково сказал один из блюстителей порядка.

Рими вдруг обмяк, с его лица сбежал пятнистый хмельной румянец, на щеки стремительно наползала безжизненная серость.

– Мне нужно домой, собрать вещи, – задыхаясь, проговорил он.

– Там, куда вы отправитесь, они вам не понадобятся. Правительство обеспечит вас всем необходимым.

Старик, сутулясь, выбрался из–за стола. Зачем–то начал ощупывать свои карманы, потом бросил взгляд на Моллоя и неожиданно заявил:

– Объединить человечество перспективой благоустройства Земли – это бред. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что почти все великие идеи нашей цивилизации были не меньшим бредом. Народу нужна всего лишь цель, а что касается смысла, то годится любой, он не важен. Потому что в истории не было примера, чтобы люди задумались над тем, куда ведут их современники–лжепророки. Бессмыслица. Все – общество, великие идеи, моя жизнь. Какая глупость!

Он виновато развел руками и, косолапя, пошел впереди стражников. Но на пороге бара обернулся:

– Я очень рад, что мы, наконец, встретились.

Странная фраза. Лысина Рими исчезла за уличной дверью.

– Куда вы его? – не выдержал Моллой, и коммуникатор прокомментировал этот опрометчивый порыв желтым.

Один из стражников задержался. Посмотрел по сторонам. Сидящие в пабе люди старательно отворачивали свои лица.

– Не знаю. Он – группа «эФ». Понятия не имею, как правительство использует таких недоумков. Что–то очень простое: фермы, очистные сооружения. Барачный быт, совместное проживание, – полицейский посмотрел в глаза Моллою, потом, через паузу, внушительно добавил. – Я бы не советовал попадать в их компанию.

Дверь за ними закрылась. Через несколько секунд кафе наполнилось обычным шумом: приглушенное гудение голосов, звяканье вилок. В каком–то заторможенном состоянии Моллой проверил данные счета и ахнул: произошло списание 100 РМ. Формулировка: «Вмешательство в действия общественной стражи. Административное предупреждение». Он схватился за голову – кто бы мог подумать, что так жестко будет квалифицирован невинный вопрос?

– Никогда больше рта не раскрою в их присутствии, – пробурчал Моллой, все еще переживая досадную трату.

Он попытался проанализировать фантасмагорию, невольным участником которой он только что оказался. Старик говорил о системе Дюфора так, словно имел к ней какое-то отношение. И с оттенком пренебрежения не только к мерилу всех ценностей, но и к самой Метрополии. Он намекал на грядущие катаклизмы, будто являлся одним из движущих факторов этих изменений. А это значило быть причастным к властным структурам Земли. Но тем не менее был арестован стражей. Отступник? Или все-таки безумец? Моллой подумал, что вероятно он этого никогда не узнает, а значит – не стоит ломать голову. Главное помнить о силе Метрополии, могуществе цивилизации и попытаться стать винтиком, как можно в более важном ее узле. А критиковать или тем паче – бороться… Глупо и бессмысленно!

Еще не полностью отдавая отчет в своих действиях, он машинально заказал бифштекс средней прожарки стоимостью в 60 РМ и едва не взвыл от злости на самого себя: надо же суметь промотать за неполный час сумму, которой ему обычно хватало на целую неделю! А как же 120 000 до класса «альфа»? Теперь 1000 РМ гонорара за последнюю часть проекта не хватит! Идиот! Так бездарно разрушить собственный план. Вот они – пророческие стихи Шекспира. Не зря, ох не зря эти строки вынырнули на поверхность его памяти!

Вдруг с коммуникатором Моллоя случилось что–то странное.

Он вдруг стал ярко–зеленым, потом начал излучать синее свечение и наконец пошел золотыми переливами. И словно из глубины маленького аквариума всплывал и набирал контрастность заветный символ: «А»! Хватая воздух, словно рыба на песке, Моллой открыл почту. Первое сообщение было от РМ-контролера: «Оплата за заказ Т51\27 в размере 2350 единиц зачислена на ваш счет». Следующее из банка: «Баланс вашего счета составляет 121 366 РМ. И третье: «Департамент кадровой политики поздравляет Вас с переходом в класс «А».

Он без сил отвалился на спинку стула. Пружина внутри него медленно распрямлялась. Вдруг захотелось кричать, сорваться с места и поделиться с кем–то ошеломляющей радостью. Официант, принесший бифштекс, следил за бурей на его лице с понимающей улыбкой. Эти все видят, все подмечают. В глазах Моллоя заблестели слезы. Он стал шарить по карманам в поисках носового платка, вспомнил, что оставил его в кармане уличной одежды в гардеробе и вытер лицо рукавом рубашки. Откуда–то из–за стойки выпорхнул низенький приземистый человечек в дорогом костюме с красивым полосатым галстуком. Лацкан его пиджака также золотил знак «А». Незнакомец подскочил к Моллою и стал трясти его безвольную и смятенную руку:

– Поздравляю! От всей души! Я – Тильке, хозяин заведения. Позвольте снимок на память. Не часто у нас такое происходит! Ну, вы понимаете – отличная реклама…, – владелец паба вдруг отстранился и посмотрел на Моллоя как бы издалека. – Погодите-ка…Ваше лицо кажется знакомым… Что–то из новостей… Вспомнил! Я вспомнил!!! Вы – тот самый спортсмен из кроуд – файтинга?

– Да, – краснея от удовольствия, произнес Моллой.

– Ага! Вы – пилот краулера из этой команды… как ее…

– «Гардарика», – подсказал сзади официант. – Как они разделали чемпионов. Я проиграл двадцать РМ на ставке.

– Точно! Ребята, посмотрите, какую знаменитость к нам занесло! Тем более, нам обязательно нужно сделать несколько снимков на память!

После фотосессии ресторатор вновь уцепил Моллоя за руку, наклонился к нему и горячо зашептал:

– Сожалею, что приходится это говорить, но теперь вам не стоит сюда заходить, если, конечно, дорожите своим балансом. Буквально в трехстах шагах по улице есть заведение статуса «А». Оно также принадлежит мне. Отличное обслуживание, соответствующий выбор блюд и напитков…

– Не уверен, что я смогу себе это позволить, – краснея, промямлил Моллой.

– Сможете, сможете. Вот увидите! И не волнуйтесь об оплате – «альфы» закрывают платежи по итогам месяца. Да какие между нами счеты! За сегодняшние снимки вам положен от меня кэш-бэк в размере десяти процентов на каждый счет. Ха-ха, с этим бизнесом всегда так – сам не заметишь, когда уйдешь в «минус». Кроме того, по кодексу уровня вам положен единовременный кредит в тридцать тысяч РМ. Без процентов и с возвратом в течение следующих десяти лет. Класс «А», одним словом. Что с вами, милейший? Вам нехорошо? А–а–а, от радости? Ха–ха–ха! Позвольте, я провожу вас до выхода.

Краем глаза Моллой заметил, что дисплей Тильке мигает зелеными огоньками. Сотрудничество? Доброжелательность? Молодец хозяин, своего не упустит.

Когда за ним закрывалась дверь, Тильке прокричал ему в спину:

– Чуть не забыл! Обязательно! По приходу домой – вычистите свои информационные каналы от программ новостей и прочей медиа… ну, вы поняли! Не забудьте! Они также теперь не для вас. Я упустил в суматохе и попал на двести единиц по итогам месяца. У «альф» свои передачи, после разберетесь. Обещайте!

Моллой повернулся и одними губами сказал:

– Обещаю.

Дисплей Тильке заговорщицки подмигнул обоим «альфам» веселым изумрудным глазком.

Линия Слика. Срыв

Камера изолятора не поражала воображение своим комфортом. Жесткие нары, намертво впаянные в холодный бетонный пол, тощий матрасик. И купол абсолютного молчания нейросети. Для чего вы это удумали, иезуиты? Чтобы заключенный, находясь в полной изоляции, успел глубже осознать тяжесть своего проступка и быстрее пошел на сотрудничество со следствием? Мне за время службы приходилось бывать на гарнизонных гауптвахтах, причем – по обе стороны решетки. Так вот, там дышалось ровнее.

– Червяк, ты со мной? Или тебя тоже приглушили?

– Функциональный диагностический центр работает в штатном режиме.

– Сводка состояния.

– Система динамического гомеостаза стабильна. Отмечено подавление активности наноботов, вызванное внешним излучением неизвестного характера.

Известного, Червяк, известного. Тварьского характера

военных полицейских, пронырливых ищеек, рыскающих по нашим следам, любителей ковыряться в еще не остывшем навозе. Армейцы стараются держаться от них подальше. Не зря говорят, что тот, кто ложится спать с собаками, проснется блохастым. А эти специалисты поднаторели в ковбойском умении накидывать лассо, только пастухи его метают на бычьи рога, а копы – на человеческий язык.

Тихо щелкнул замок камеры. На пороге возник охранник изолятора:

– Капитан, следуйте за мной.

Который там час? Половина десятого вечера. И чего вам не спится, гаденышам? Что же, у нас в армии, административные дела вершатся очень быстро, без проволочек.

Меня провели через несколько буферных зон, которые разделялись на отсеки надежными герметичными жалюзи, и мы вышли в ярко освещенный холл. Электронный опознаватель немедленно распахнул перед моим носом две створки гермодвери. Конвоир небрежным кивком показал – тебе туда, парень.

Непонятного размера и формы помещение было погружено в чернильный мрак. Лишь белый луч точечного прожектора выхватил в нем центральную часть, маленькое пространство, очерченное желтой линией. Я сделал к нему шаг и услышал, как закрылся вход за моей спиной. Внешние эффекты, психологический прессинг, попытка сбить с толку. Все эти забавные декорации, рассчитанные на несмышленых новичков, придавленных чувством вины, меня только забавляли. Стоило мне занять уготованную позицию, как вспыхнул нестерпимо яркий свет. Из пазов в полу выползли лепестки датчиков для регистрации моих соматических реакций. Кабинет оказался правильной сферой, этакой внутренностью аккуратно вылущенного кем–то яйца. В двух метрах от меня за бубликом низкого стола сидели четыре человека, и еще один тип расположился по мою правую руку. Их физиономии выражали суровую сосредоточенность, настолько комичную, что я не смог сдержать ухмылки. Кого вы хотите тут одурачить? Теперь мне известно, как Метрополия обтяпывает свои дела. Но я буду молчать. Иначе могу отсюда не выйти.

Из четверки, что устроилась за столом я знал троих. По центру восседал новый начальник «Форекона», колоннель Гор собственной персоной. Справа от него растекся по стулу некто Гиллис, мозговед. С другой стороны сгорбился мой знакомец Кундис с маской официоза на акульем роструме, что заменял ему человеческое лицо. У меня сразу отлегло от сердца при виде

старого друга. За инструктором базы угнездился лощенный типчик из военной полиции, тот самый уоррент, который так классно обучился конфисковывать оружие у боевых офицеров. И сбоку от теплой компании скромнехонько сложила пухлые ручки на коленях неизвестная мне живая конструкция мужского пола в непонятном обмундировании темно-синего цвета. Вроде бы и не гражданская сбруя, но слишком нарядная, чтобы быть полноценной военной снарягой. Я различил на его плече эмблему «А– Консент-Д», но не смог воспроизвести в памяти ни одной ассоциации с ней. Ладно, запишем в загадки его происхождение и видовую принадлежность. В целом, мне значительно полегчало. Это будет разбирательством внутри базы под внешним наблюдением. Мы понесли потери, значит автоматически собирают комиссию. А уж я подумал…

Слово взял Гор:

– Капитан Слик, вы присутствуете на заседании специального жюри по поводу инцидента, произошедшего во время операции в секторе Танго и повлекшего за собой гибель военнослужащих. За ее наземную фазу ответственность лежала непосредственно на вас. Капитан Слик, вы обвиняетесь в некомпетентном командовании, превышении служебных полномочий с тяжелыми последствиями для вверенного подразделения. Члены жюри – уоррент-офицер военной полиции Гаспар, он же выполняет роль обвинителя, начальник службы ПО – Гиллис, председатель – колоннель Гор. Армия предоставляет вам персонального защитника – капитана Кундиса. Общественный наблюдатель со стороны Метрополии – Коэн. У вас имеются жалобы, отводы, протесты?

– Никак нет, сэр.

– Переходим к рассмотрению дела, – Гор запнулся, что-то пролистнул на своем коммуникаторе, а потом внезапно спросил. – Поясните, откуда у вас боеприпасы с ЭМИ, Слик?

Разведчик фиксировал мое лицо, цепко следил за мимикой.

– Получил на складе, сэр. Как и все остальные.

– У остальных САБы с черным наконечником, – заметил колоннель.

Я равнодушно пожал плечами. Мне-то что?

– Искренность объекта составляет десять процентов, – доложил электронный полиграф.

Уоррент с военной полиции ухмыльнулся и хотел что-то сказать, но Кундис успел первым:

– Хотелось бы уточнить, в какой связи тут упоминается тип боеприпасов? Жюри полагает, что гранаты с ЭМИ повлияли на решения, которые принимал Слик? Или каким-то образом

помешали выполнению боевой задачи?

– Напрямую – нет. Косвенно – допускаю, – процедил Гор.

– Вы готовы изложить факты и предъявить доказательные обвинения? – Кундис продолжал гнуть свою линию. – Нет? В таком случае предлагаю опустить обстоятельства, которые не имеют отношение к рассматриваемому нами делу. Добавлю, что более смертоносное оружие с учетом специфики приказа…

– Возражения защиты приняты! – перебил его Гор.

Ага. Мой приятель попал в цель. Прямо сейчас состоялся обмен мнениями, слегка напоминающий шантаж. Кундис дал понять, что если тему «Рейпаундов» будут дальше раскручивать, он извлечет на белый свет подробности приказа о пленных. В присутствии общественного наблюдателя. Скандал разразится такой, что Метрополии срочно понадобится сакральная жертва в виде лица, которое данный приказ отдало. Сообразительный колоннель тут же ответил, что снаряды с красным ободком его больше не интересуют. Я задышал еще свободней. С Вечным Жидом в качестве адвоката, мы прорвемся сквозь любые чины и предвзятые мнения.

Рано радовался. Гор снова хлестнул меня бичом неудобного вопроса.

– О чем вы беседовали с раненым антропоморфом, Слик?

– Весь наш разговор зафиксирован на камере тактического шлема, сэр.

– Отвечайте по существу.

– Его контузило, поэтому «беседы» между нами быть не могло. Он попросту меня не слышал, когда я попытался применить технику экстренного допроса. С его стороны имел место посттравматический бред, в котором лучше меня разберутся секретчики и психологи. Поэтому ответ на ваш вопрос будет – ни о чем, сэр.

Кундис кинул на меня предостерегающий взгляд: «Не нарывайся». Я несколько раз глубоко вздохнул и постарался успокоиться.

– Искренность объекта составляет пятьдесят процентов, – раздался мелодичный голос детектора лжи.

– А вы не слишком с нами откровенны, а капитан? – насмешливо бросил военный полицейский.

Его голос по мелодичности мог соперничать с лязганьем затворной рамы. Мой защитник не стал спускать вольность ищейке:

– Возражение. Подсудимый не обязан давать оценку собственным показаниям или работе электронного устройства.

Получил? Этот уоррент и понятия не имел, на скольких

трибуналах пришлось побывать Кундису. Это только по одну сторону закона, когда приходилось отмазывать очередного курсанта, на которого вольный ветер «Форекона» оказал пьянящее действие.

– Принято, – нехотя проскрипел Гор.

Теперь я ощутил подлинное ликование. Колоннель отстранился, а у остальных кишка тонка перешибить Кундиса по части отмазок. Дело можно закрывать. Словно в подтверждении моих слов, Гор заявил:

– Предлагаю окончить допрос подсудимого. Переходим к выступлениям обвинения и защиты.

– Простите, колоннель, у меня еще осталась парочка вопросов к капитану Слику, – немного обиженно возразил Гаспар.

Лицо лягавого напоминало по цвету кору пробкового дерева, на котором двумя гнилыми дуплами располагались глаза. Их выражение ясно говорило о том, что Гаспар давно разуверился в людской добродетели.

– На каком основании, капитан, вы лично изменили настойку полевых сонаров и убрали наведение на мелкие цели? Вы отдаете себе отчет в том, что бойцы не смогли эффективно отразить атаку противника? Они просто не видели на экранах руки антропоморфов, что высовывались из–под земли! Ваше необдуманное решение привело к гибели трех наших парней!

Я почувствовал, как внутри поднимается жаркая волна гнева:

– Давно ли они стали вашими?

Кундис картинно закатил глаза и выразительно положил ладони на стол. Я прикусил губу. Держать себя в руках. Не срываться. Они только этого и ждут, потому что других шансов прижать меня у них нет.

– Мне повторить свой вопрос, капитан?

– Не нужно, сэр. Там была куча птиц, грызунов, змей, ящериц и прочих гадов! Наши сонары просто сошли с ума. В такой обстановке ребята не смогли бы не только идентифицировать антропоморфов, они не сумели бы выцелить крокодила, если бы тот вздумал вылезти на солнышко из болотины.

– Вы утверждаете, что обилие мелких целей носило искусственный характер? Полагаете – такое возможно?

– Сэр, моя задача не строить теории, а реагировать на внешнюю обстановку. И я считаю, что решение изменить настройки сонаров было в тот момент оправданным.

В разговор опять вклинился детектор:

– Искренность объекта составляет девяносто процентов.

Гаспар вновь прибрал к рукам дирижерскую палочку допроса:

– Второй этап операции начался с постановки дымовой

завесы специальными бинарными боеприпасами. Почему вы сразу не использовали эту возможность? Зачем повели людей прямо под пули антропоморфов, не посчитавшись с угрозой применения огнестрельного оружия? Вперед могла быть выслана бронегруппа в усиленных экзоскелетах.

– Сэр, транспортный модуль сбили тяжелым клатчером, против которого не спасет ни одна из применяемых нами защит. Живые танки подверглись бы такому же нападению с тем же исходом. Только легкие мобильные пехотинцы могли обеспечить качественное прочесывание местности и маневренный бой с хорошо вооруженным противником. Я не мог допустить, чтобы живые антропоморфы вылезли на цепь зачистки второго или третьего уровня и положили там малоподготовленных волонтеров. Мы прошли местность дважды, просканировали ее металлодетекторами, и теперь гарантируем безопасность сектора для его последующей обработки подразделениями других эшелонов. А что касается применения спецсредств на первом этапе операции…

– Погодите, капитан! – это Кундис что-то вычитал в коммуникаторе и теперь спешил поделиться этими сведениями с остальными. – Давайте, на этот вопрос отвечу я. Слик получил предельно ясную боевую задачу. Его подразделению следовало, прежде всего, заставить антропоморфов проявить свою враждебную сущность. То есть – вытянуть их на себя. И только потом, ответным огнем уничтожить цели.

– Подтверждаю формулировку приказа, – кивнул Гор.

Инопланетянин в наших делах, Гиллис пожал плечами:

– Все равно, я не понимаю смысла подобного риска. Подставлять своих парней… Зачем?

– Доктор, в любом случае данный вопрос не в компетенции капитана Слика, – колоннель Гор позволил себе чуть снисходительную улыбку. – А сейчас мы обсуждаем именно ее. Если же отойти от официального протокола, – матерый разведчик с преувеличенным вниманием рассматривал свои безупречные ногти, как будто остальное его не интересовало. – Операция проводилась под контролем экологов, а это значит, что вокруг нее будет немалый общественный резонанс. В конце концов, мы же не агрессоры, а только отвечаем на враждебные действия. И общество вновь смогло в этом убедиться.

– Пон-нятно, – протянул Гиллис.

– Я перед самым заседанием получил экспертное заключение аналитического отдела базы, – вновь вернул себе инициативу Кундис. – Действия капитана Слика были признаны адекватными внешним обстоятельствам. Прошу вас ознакомиться. От себя

добавлю, что в ходе зачистки он уничтожил несколько антропоморфов и взорвал один бункер.

Гор вздохнул и поднялся из–за стола:

– Личное мужество капитана не вызывает у нас сомнений. Мы рассматриваем его качества командира. Комиссии нужно время, чтобы посовещаться. Капсула!

С потолка на меня опустилось что–то похожее на стеклянную пробирку, и теперь я мог наблюдать разбирательство в формате многоликой пантомимы. Несмотря на то, что Кундис крепко врезал им на прениях, дискуссия получилась эмоциональной. Откуда–то из пола мои ноги обдувались легким ветерком, но пока они спорили, я успел пропотеть до самых подошв. Сквозь мутнеющий конус их лица все отдалялись от меня. На секунду внутри мелькнуло ощущение, что я тону в толще стоялой воды, погружаюсь куда–то вглубь от солнечного света и людей. Чувство было настолько резким, что я невольно схватился за вогнутую стенку и едва не завалил на бок всю капсулу. Вот был бы конфуз! Но как я не встряхивал себя, усталость понемногу брала верх над моими веками. Борясь с дремотным мороком, я перелистнул несколько страниц своей биографии туда, в мою стремительную юность. Туда, где осталось предвкушение интересной и наполненной смыслом жизни, которое теперь обернулось горькой оскоминой несбывшихся ожиданий.

Помню, в интернате у нас был инструктор по кличке Каспер. Его так прозвали за умение стремительно появляться в самых неожиданных местах. Стоило человеку достать припрятанную сладкую булку или украдкой еще раз взглянуть на записку от подружки, как тут же над головой возникала сухая фигура Каспера с выпученными глазами. Приведение орало, брызгало слюной и гнало несчастного залетчика на площадку для «физо». Нужно ли говорить, что мы, курсанты, ненавидели его всем выпуском? Если бы мы вдруг оказались на необитаемом острове, то Каспера сожрали бы задолго до того, как закончатся последние припасы. Таков был градус, накал чувств. Пламя горелки сначала желтое, потом от напора газа становится ярко–голубым. Пламя нашей ненависти к Касперу из голубого перешло в белый, самый горячий цвет. От него у меня сводило скулы, а у некоторых парней даже случались кишечные колики.

После тестов на выживание и выпускных экзаменов, инструктор собрал всех в большом зале интерната, где обычно крутили фильмы о войнах, и задвинул речь:

– Я рад, что все набрали минимальный норматив Дисциплины. Общество не зря потратило время и средства на ваше обучение. Кто–то станет морпехом, кого–то призовут в

радиовойска, кому–то суждено заниматься обеспечением армии. Обычный человек слаб, он податлив, как глина, он старается избегать конфликтов, не любит неприятности. Вы – передовой отряд общества, его защита от внешней угрозы. Индекс Дисциплины в «ЛоДЖо» – это степень вашего самоконтроля. Я знаю, как вы ненавидите меня, как мечтаете переломать мне все кости. Так и было задумано. Я – внешний раздражитель, но теперь на мое место придут настоящие враги. Мы заставили вашу гормональную систему мгновенно выбрасывать адреналин в ответ на угрозу, рефлексы – правильно им распоряжаться, а Дисциплину – контролировать рефлексы и эмоции. Дохляк, подойди ко мне!

С места поднялся парень, которому Каспер просто житья не давал все годы учебы. Он и вправду был когда–то дохляком и фантазером, но под чутким присмотром нашего инструктора постепенно превратился в угрюмую гору мышц с перебитой переносицей.

– Этот парень – мой биологический сын. Вы знаете, каково ему приходилось. Просто я, как его отец, не желаю, чтобы мой генетический материал пропал зазря, если Дохляк не успеет среагировать на удар дубиной по темечку или расслабится, в момент, когда нужно будет держать ухо востро. Пройдет время, и вы спасибо скажете мне за тренировку «ЛоДЖо», как уже сказали четырнадцать курсов, что прошли перед вами. У военных не очень большой отпуск, но многие мои выпускники находят время, чтобы на один день заехать к старому Касперу и раздавить с ним несколько упаковок пива. А теперь, прощайте, вам пора во взрослую жизнь. Я не жду благодарности, позже вы сами все поймете. Дисциплина и, конечно же, холодный разум. Это все, что вам нужно, поскольку глупой голове зоркие глаза без надобности.

Тогда мы одобрительно загудели. Не потому, что приняли смысл его слов, а потому что у всех было отличное настроение. Как и предсказывал Каспер, сказанное дошло до нас потом и до каждого в свое время.

Наконец мой стеклянный гробик уехал вверх. Я отметил, что трое комиссаров сидели с каменными лицами недавно пообедавших варанов, а Кундис походил на мышь, которая перед этим долго от них бегала. Колоннель плотоядно пригладил свои седые виски и встал с места:

– Специальный трибунал базы «Форекон», рассмотрев дело капитана Слика по вопросу гибели трех военнослужащих в ходе плановой операции в секторе Танго, не обнаружил в нем состава преступления…

Виват! Оправдан! Но почему же так уныло выглядит мой

защитник?

– Но одновременно, принимая во внимание многократные нарушения капитаном Сликом дисциплины, зафиксированные проявления им авантюризма и неосмотрительности в ходе выполнения боевых задач, а также основываясь на экспертном мнении штатного психолога базы Гиллиса…, – Гор перевел дух и как–то очень буднично закончил. – Члены комиссии постановили: понизить показатель Дисциплина в индексе «ЛоДжо» капитана Слика до тридцати пяти единиц, отстранить его от командования и откомандировать в распоряжение офицерского резерва армии для прохождения внеочередной переаттестации. Разбирательство дела на этом закончить, – колоннель хлопнул ладонью по столу. – Капитан, вы свободны. Гаспар, акцептуйте пропуск Слика на выход.

Вот так. Система не посчитала нужным в полной мере применить репрессивный аппарат против меня, а всего лишь легонько щелкнула по носу. Чем ей опасен немолодой военный с неуживчивым характером? Да ничем. Просто нужно дать ему понять – ты бессилен, приятель. Пока тебя поместят в инкубатор, понаблюдают. Но если понадобится, жернова закона могут включиться на полную мощность. Сиди тихо, а о чем узнал по случаю – не болтай. Такие мысли приходили в мое высушенное трибуналом сознание, пока я уныло брел за конвоиром по коридорам штабного бункера. Винтик в отлаженном механизме репрессий. Разболтался – заменят новым. Без малейшего влияния на процесс.

Как только нейросеть ожила, я отправил этому кудрявому бурундуку Гиллису прочувствованное сообщение и немедленно пожалел о содеянном, потому что он тут же мне перезвонил:

– Слик? Ответь мне, Слик!

– Салют, док, – через силу сказал я.

– Мне кажется, что ты расстроен.

– Тонко подмечено. Не могу описать словами, как я вам благодарен, док! Именно из–за ваших бредней об инстинкте самоуничтожения и басни о неустойчивой психике меня отправили в инкубатор на переосвидетельствование. От всей души хочу сказать вам спасибо! На пятом десятке получить служебное несоответствие! Капитана Слика отстрелили в конвертер.

– Значит, ты считаешь, что твоя жизнь кончилась.

– С вашей помощью.

– Зря ты так, Слик. Я ведь неплохо к тебе отношусь.

– Неплохо? Стало быть, мы друзья? Ха! С такими друзьями мне и врагов не нужно!

– Где ты сейчас находишься?

– В одном не очень оживленном месте, но направляюсь в гораздо более оживленное, – я твердо решил немедленно добраться до ближайшего офицерского бара и напиться допьяна.

– Предлагаю встретиться и поговорить.

– Идите к черту, док.

– Все может сложиться не так плохо. Взбодрись.

– Куда уж лучше! Мне придется на старости лет пересдавать экзамены. Какой позор! Еще ваши новые тесты! Стрессоустойчивость, эмо-контроль… Как пролезть через эти частоколы, чтобы набрать баллы на командный допуск? Скажите честно, у меня есть шансы?

– А может быть, тебе, как тому старому дебоширу в пословице, уже поздно показывать дурной пример и пора подавать полезные советы? Таланты капитана Слика пригодятся Метрополии. По–моему, свое на передовой ты уже отслужил. Правительством создается новый масштабный проект, Слик. На трибунале присутствовал Коэн, он ищет таких людей, как ты.

– А, этот человечек с фигурой и лицом довольного жизнью грызуна?

– Слик, у него есть к тебе деловое предложение. Давай увидимся, побеседуем. Можем за кружечкой пива, если пожелаешь. Не поддавайся стрессовому мышлению. В твоей судьбе могут открыться новые удивительные перспективы.

Я молча прервал сигнал. Умник. Сочувствует. Эх, взять бы сейчас в пригоршню его сдобную рожу и немного повозить по какой–нибудь абразивной поверхности! Во мне родилось и крепло желание наподдать кому–то по заранее ненавистной заднице. Стоп. Клуб «Забияка»! Вот что мне сейчас нужно!

Нам, армейским, по статусу положен высокий уровень норадреналина. Внутренние лекари следят за работой надпочечников неукоснительно. При выполнении приказов мы обязаны максимально эффективно реагировать на внешние угрозы, действовать быстро и с предельной жесткостью. Но боевая задача выполнена, а что дальше? Куда солдату девать излишки гормонов, чтобы не создавать вокруг себя силовые линии напряженности? Именно для этого между военной базой и гражданскими районами всегда возводился плотный буфер из всевозможных кабаков, массажных салонов, тренажерных залов и прочих заведений, благородной целью которых является вытянуть из военнослужащего остатки стресса до такой степени, чтобы домой он пришел выжатый, как лимон, и дружелюбный, словно двухмесячный щенок. Отдельное место среди гигантского увеселительного балагана занимал клуб «Забияка». Регулярно

отмечаться в нем было обязательным для розовощекого молодого пополнения, что прибывало к нам по рекрутерской линии. Пока новобранец не записывал себе в актив три десятка посещений «Забияки», сослуживцы продолжали коситься на него с неодобрением.

Боль – такая же повседневная часть нашего быта, как машинка для стрижки овец в хозяйстве фермера. Нам приходится ее наблюдать, случается причинять и вменяется терпеть. И мы непременно желаем знать, как к ней относится тот парень, что стоит у тебя за спиной со штурмовой винтовкой «Спайрон» в руках. Так что «Забияку» вполне можно было считать финальным этапом в формировании бойца базы «Форекон».

Клуб содержал ветеран по кличке Герцог – создание с такой отвратительной внешностью, что нотр–дамские химеры на его фоне показались бы опрятными выпускницами колледжа. Представьте себе лоснящуюся кожу цвета свежего мазута, которую в спешке натянули на грецкий орех черепа, отчего та покрылась уродливыми складками. Уши Герцога провисли под тяжестью массивных металлических «тоннелей» до самой рытвины подбородка. Он всегда сидел за стойкой основного клубного бара и наблюдал жизнь с эмоциональностью сфинкса. Почему–то мне сегодня непременно захотелось повидать эту старую образину и вновь удостовериться, что в нашем изменчивом мире остаются незыблемые элементы.

На входе мою фигуру смерил недоверчивым взглядом молодой вихрастый капорал:

– А–а–а… вы уверены, капитан?

– Не сомневайся, приятель, я и раньше сюда захаживал.

– Как скажете, сэр. У нас не существует знаков различий. Всю верхнюю одежду придется оставить в гардеробе. И откройте доступ к внутреннему лекарю для диагностики состояния и файлообмена с нашим Гиппократом.

– Сделано. Принимай мою сбрую. Герцог еще работает?

– А как же! Торчит на своем насесте.

Я спустился по винтовой лестнице на ярус «минус один». Посетителей было немного – все как один в нательном белье, словно перед казарменной мойкой.

– «ИИ» «Гиппократ» пытается отключить мышечные усилители и девяносто процентов стандартного командного набора на время нахождения в данном периметре. Подтвердить приоритет «Гиппократа»?

– Да, Червяк. Выполняй.

По центру подвального холла с низким потолком располагался круглый лобби – бар, от которого во все стороны

расходились радиусные тоннели, ведущие в тематические залы. Герцог сидел на своем обычном месте, свесив уши на стойку и сверлил неподвижным взглядом точку на противоположной стене. По сравнению с моим последним визитом, он обзавелся толстой перекладиной в носу.

– Кружку светлого. Не мешает дышать эта штука? – осведомился я.

– Капитан, – Герцог слегка прикрыл дряблые шторы век, что означало у него одновременно узнавание и бурное приветствие. Обычно он вообще никак не реагировал на раздражающие факторы в лице посетителей и всю работу за стойкой выполнял второй бармен. Когда Герцог поднял свою тушу с места, чтобы лично наполнить мой бокал, я чуть не потерял дар речи от изумления.

– Говорят, что вам досталось сегодня в секторе Танго, – многозначительно произнес он.

– Трое парней вытянули билет в вечную жизнь.

Герцог помолчал, собрал на лбу несколько морщин и изрек:

– Теперь к нам заходит мало народу с передовой, не то, что раньше.

Я пожал плечами и отхлебнул пиво.

– Не то, что раньше, – глухо повторил он.

Мои брови недоуменно поползли вверх. А толстяк продолжал извлекать из себя странные мысли:

– После того, как дикарей переименовали в антропоморфов и лишили права считаться людьми, ребятам стало проще нажимать на спусковой крючок. Им сейчас уже не нужна постоянная разрядка. Разве что тем, которые начинают колебаться. Как вы относитесь к бунтовщикам, капитан?

Я чуть не поперхнулся пивом. Это была самая длинная речь Герцога, что я слышал в своей жизни. Потом пришло прозрение и понимание, которое я легко спрессовал в ответ:

– Готов истреблять их любыми доступными способами. Я глубоко осознаю нашу великую миссию и горжусь собственным вкладом в нее.

Герцог шумно вздохнул, заглянул под стойку, сунул туда черное щупальце руки, потом поднял на меня мученический взгляд.

– Отключил? – поинтересовался я.

Не секрет, что владельцам развлекательных заведений приходилось сотрудничать с военной полицией, чтобы те закрывали глаза на периодически возникающие у них беспорядки.

– Угу, – пробурчал он.

– Ах ты, старый провокатор!

– Вы же знаете наши дела, – Герцог смачно харкнул в плевательницу. – Могли бы и подыграть.

– И так нормально вышло.

– Ага. Гаспар мне успел написать: «Он тебя расколол, жирный».

Ха. А этот уоррент – настырный малый. Не хочет выпускать Слика из-под колпака.

– Ничего. Ему придется пережить фиаско. Герцог, сколько времени тебя знаю, столько хочу спросить: а почему ты не отрегулируешь свой обмен веществ или что у тебя там? О чем только думает встроенный медцентр? Неужели нравится таскать на себе триста пятьдесят фунтов сала?

– Моему телу так хорошо. А я люблю свое тело.

– Понятно. Давай еще пива.

– Это смотря куда пойдете. Если в зал боевых искусств или на ринг, тогда может и достаточно. А если в крыло «Пьяных драк»…

– Именно туда.

– Тогда пейте, сколько душе угодно, капитан Слик. Я, пожалуй, тоже нацежу себе кружечку.

Мы на двоих успели потребить полугодовую пустынную норму осадков, когда Герцог сказал, что на сегодня с него хватит, а я, по его мнению, как раз вышел на пик спортивной формы.

В крыле «Пьяных драк» находилось человек десять желающих повеселиться. Я спросил у местного распорядителя, нормально ли сегодня идут дела, а тот мне ответил, что, дескать, отлично, была парочка впечатляющих нокаутов и одному новичку даже сломали запястье.

– Червяк, режим «Разминка» доступен?

– Подтверждаю.

– Задействовать.

Я закончил как раз, когда манеж для схваток освободился. Распорядитель нашел меня взглядом, и мне оставалось только кивнуть.

– Наши правила: не кусаемся, не выкалываем глаза, не рвем рот. Закончить бой на ногах – круто, но партер не возбраняется. Распорядитель поднимает бойцов, если за минуту внизу ничего не происходит. Окончание боя – сдача или распоряжение Гиппократа. Если кто–то не согласен с правилами – может валить отсюда на свежий воздух. Всем понятно? Пожмите друг другу руки.

В соперники мне выпал здоровенный малый с наколкой на плече «Боевые ошейники». Паренек начинал в морпехах – это их прозвище. Интересно, какими судьбами его занесло в «Форекон»? Но встретились мы не для того, чтобы обмениваться

подробностями биографий. Я вставил капу, поправил на костяшках мягкие накладки и салютовал своему оппоненту: начинай, дружище! Морпех без раздумий выстрелил мне в лицо левым хуком, который я блокировал с намерением провести захват, но не тут–то было – в мое подреберье через мгновение врезался его правый кулак. Печень превратилась в единый сгусток боли, я толчками заглатывал воздух, а морпех помедлил, но все–таки добил меня короткой серией с обеих рук. Порция пива и получасовая передышка привела меня в чувство. Распорядитель поинтересовался:

– Есть желание продолжить?

– А как же, – улыбнулся я разбитыми в кровь губами.

Следующим против меня вышел тощий новобранец азиатского происхождения. Теперь, после пропущенных ударов в первом бою, моя голова окончательно прояснилась, из нее выветрились ненужные переживания, странные мысли. Остался только ринг и мой соперник. Парень имел базовую боевую подготовку и неплохо владел ногами. Моя рассеченная бровь убедилась в этом в течение пары секунд. Но новичок еще не понял главную заповедь «Забияки» – если хочешь закончить бой на ногах, не поднимай их выше пояса противника. Второй выхлест я удачно сблокировал локтем, да так, что у моего азиатского друга одна конечность превратилась в онемевшую деревянную подпорку. Несмотря на хромоту, он все–таки попытался достать меня в прыжке, но угодил под захват, был срублен под опорную ногу и добит прямыми в лицо.

Я, вытирая кровь с подбородка, подмигнул сидящему у татами морпеху:

– Дашь мне реванш?

– Вот дает, старпер! – хохотнул тот, как пружина распрямился в прыжке и сразу очутился напротив меня. – Зря ты решил связаться с большим псом. У меня клыки подлиннее твоих будут.

– Кусачий – не значит неискусанный! – азартно ответил я.

– Смотри не покайся, – многозначительно пробасил здоровяк, заправляя капу.

По первому нашему поединку я все понял об этом парне. Детина был типичным «крашером» с зубодробительными ударами. Поэтому я сразу прошел противнику в ноги. Ветер, поднятый его крюком, еще приятно холодил мою макушку, а я уже рванул на себя щиколотки морпеха. Поднять его в воздух оказалось не проще, чем опрокинуть бетонный столб. Особенно, когда соперник гулко всаживает тебе в позвоночник удары локтями. Но я все же сумел завалить его на бок, перешел на позицию добивания и вдруг неожиданно попался на болевой.

Морпех сумел вывинтиться из моей хватки, развернулся и рванул на себя мою правую кисть. Понимая, что сустав у меня того и гляди хрустнет, я похлопал ладонью об пол в знак своей сдачи.

– Неплохо для старика, – великодушно похвалил меня морпех.

– Ничего, подружка, я еще тебя отшлепаю, – пообещал я, протягивая ему руку.

– Пива?

– Обязательно.

Потом мы долго пили и снова периодически дрались, пока их местный мозг по кличке Гиппократ не отключил меня от ринга и не направил в релакс–камеру, где мое тело заштопали по самому высшему разряду и закачали в кровь местные специально надрессированные на повреждения экстерьера наноботы. После опять продолжилась беспросветная пьянка, где мы хором пели наши песни, а потом, когда уже не могли поддерживать общий мотив, просто выли, как стая бродячих собак.

Смутно помню, что я буянил, когда бармен отказал мне в обслуживании, наговорил лишнего парочке комендантских, а потом пришел патруль и забрал всех на гауптвахту. Не знаю, кто там вмешался, но, похоже, что мое бесчувственное тело полночи катали по городу, так как очнулся я под утро уже дома, в собственной постели, хоть и не разобранной. Надетая на меня форма представляла собой жалкое зрелище и, судя по ней, кому–то с утра предстояло хорошенько почистить салон машины. Не в силах поднять голову, я с мычаньем содрал с себя пропахший джунглями комбинезон и возблагодарил Творца за то, что оружие и боевые доспехи у меня отобрали при аресте.

– Диагностирована острая алкогольная интоксикация. Проводится стимуляция поджелудочной железы для дополнительного продуцирования алкогольдегидрогеназы. Также задействован режим ускоренного метаболизма. Применяю резервные источники питания.

– Червяк, иди к черту!

Внутренний медик уже привык не обращать внимания на подобные команды и просто отключился. А я, наконец, сумел высвободиться из кокона обмундирования, зашвырнул грязный ком одежды в направлении автоматической чистки и, уткнувшись лицом в подушку, заснул тяжелым и тревожным сном пьяницы.

Через сколько часов мне удалось поднять набрякшие веки? Не знаю, но пробудился я с твердым ощущением, что проспал. Кожа горела, где–то внутри меня тихонько поднывали кости и прочие органы. Печень, которой вчера досталось по всем статьям, вообще пребывала в состоянии бойкота по отношению к мозгу.

Лицо было чужим, даже наощупь чувствовалась отечность. Мне пришло в голову, что моя физиономия наверняка сейчас напоминает жабью морду, и от этой мысли меня едва не стошнило прямо на кровать. Обошлось. Стошнило только в душевой кабине.

– Червяк! Клянусь, я тебя демонтирую и заменю игровым автоматом! Почему я до сих пор разваливаюсь на части, и почему ты, электронная скотина, не разбудил меня пораньше?

– Процесс оздоровления не завершен. Абстиненция осложнена состоянием алкогольной нарколепсии. Настойчиво рекомендую вам выпить не менее литра воды. Пробуждение носило спонтанный характер. Вам сегодня не нужно торопиться на службу. Получено новое назначение для капитана Слика – двое суток увольнительной, после чего необходимо явиться к начальнику ПО Гиллису, чтобы получить дату переосвидетельствования по индексу «ЛоДЖо».

– Ага. Армия дала мне перевести дух, прежде чем она сольет Слика в канализацию. Очень мило с ее стороны, не находишь? – в этот момент я наткнулся глазами на зеркало и замер с широко раскрытым ртом.

На моей физиономии прибавилось пару отметин – багровый рубец над левой бровью и короткая стрелка шрама прямо на подбородке. Ничего. Если не свыкнусь, потом можно будет свести. Но затем мой взгляд скользнул ниже и уперся в грудь нового капитана Слика. Тут меня подстерегало настоящее потрясение. Такое, что я даже чуть пошатнулся. Казалось, земля выскочила из–под ног – так разум среагировал на то, чего никак не мог для себя объяснить. Во всю ширину моей грудной клетки пламенел костер. Позади алого сгустка огня в собственной тени стояла мрачная серая фигура с распахнутыми крыльями вместо рук. Голову этого недоброго существа полностью скрывал остроконечный капюшон, но из–под его нижнего среза темноту пронзали два раскаленных уголька глаз. В моей голове щелкнуло воспоминание: «Пропади она пропадом, служба! Заделаюсь на ферму, буду выращивать вкусный и полезный салат!» Это я стою посреди бара и ору. Интересно, а почему именно салат? Ах, да – Экклз, мой сосед, принес мне на днях пучок этой коровьей жвачки. «Старина, если ты твердо собрался в отставку, обязательно нужно сделать татуировку на память!» Восторженные вопли, обсуждение эскизов, потом мой голос перекрывает остальной гул: «Эту! Пусть все видят, что мы знаемся с нечистым! Он подключен к нашей нейросети! Ха–ха–ха!» Отлично, мой друг. Бывало всякое, но такого номера ты еще не откалывал. Торжествуй, Гиллис! Твой диагноз оказался безошибочным.

Капитан Слик оказался больным на всю голову.

– Червяк? А ты чего помалкиваешь? Где нытье по поводу повреждения кожных покровов?

– Слик, вы запретили мне вчера комментировать ваш внешний вид и подтвердили данное правило личным паролем.

– О–о–ох…

Словно сомнамбула, я добрел до кухонного уголка, судорожными движениями набрал код для приготовления воды со льдом, ухватил мгновенно запотевший пластиковый стакан и с наслаждением к нему присосался.

– Лучше, – промычал я с полным ртом ледяных кубиков. – Надеюсь, это самое скверное из того, что я пока не могу вспомнить.

Входная дверь широко распахнулась с характерным щелчком. На пороге стояла Тиа, и ее прекрасные глаза были полны слез:

– Слик! Как ты мог!

Линия Моллоя. У новой жизни запах серы

Проснувшись наутро, Моллой несколько минут лежал неподвижно, рассматривая низкий потолок своей квартирки. Не без внутреннего самоликования. В груди трепетало и рвалось наружу переполняющее его счастье. Даже убогое жилище сегодня не давило ему на психику. Четыре шага от домашнего рабочего места до кровати, два шага до кухонного стола. Пищеблок с барахлящей герметизацией, бытовой конвертер, захворавший той же заразой. Они вдвоем наполняли комнату Моллоя посторонними запахами, из–за чего окно постоянно приходилось держать открытым. Выгнутый потолок создавал иллюзию, что его высота гораздо больше двух с половиной метров, но стоило Моллою поднять свою худую руку, как она тут же упиралась в белое пластиковое покрытие. «Многим великим пришлось вначале соблюдать аскетизм» – такая извинительная мысль пришла ему сейчас на ум. Одну стену расцвечивала хроника подвигов Моллоя в кроуд-файтинге: на специальной полке выстроились статуэтки за победы в отборочных турах, рядом висел диплом участника чемпионата Венториса в окружении распечаток статей из масс-медиа, в которых эксперты гладили «Гардарику» по головке. Но даже эта призрачная тень спортивных успехов не накрывала эффектом преуспевания скудный декор стандартного жилого бокса.

Моллой снисходительно окинул взглядом свою жалкую конуру и поблагодарил ее – именно она вывела его в люди. Сейчас он пребывал в том блаженном состоянии всепрощения,

когда человек готов возлюбить даже своего злейшего врага. А есть ли у него враги? Куки? Пожалуй, до вчерашнего вечера он, Моллой, был слишком ничтожным для того, чтобы обзавестись приличными врагами. Соперники – да, завистники – конечно, но враги – пожалуй, что нет. Слишком мал был горизонт его полета, чтобы попасть в прицел всамделишных врагов. Теперь–то, конечно, они появятся. Даже среди соседей. Пожалуй, придется перебираться в район, где обитают «альфы». Окружающие не смогут удержаться от злопыхательства, будут терять РМ и злиться еще больше. Моллой авансом простил и их тоже.

Венторис встретил его пестрой гусеницей спешащего на свои назначения народа. Он несколько раз широко улыбнулся незнакомым людям, потом поймал себя на мысли, что его поведение может кому–то показаться странным, и надвинул на лицо привычную дружелюбную маску. Моллой ехал на свою работу, поскольку служебная почта не содержала никаких иных указаний. Золотая буква «А» на лацкане его комбинезона заливала пространство вокруг магическим светом успеха. Он переключил приемник на сводку новостей планеты, но коммуникатор не зафиксировал никаких поступлений. Диктор вещал о грядущем законе об отмене родовых имен. Эта тема всплывала с периодичностью один раз в год, но словно наталкивалась на некое препятствие и сходила на «нет», чтобы потом, спустя двенадцать месяцев, вновь вернуться в прайм–тайм медиаканалов. Странно. Сколько можно пережевывать одну и ту же жвачку? Давно бы взяли и упразднили. Никто же не против. Сам Моллой заранее выбрал себе благородное прозванье – Соламентис. Одинокий разум. И теперь с нетерпением ждал момента, когда его можно будет поставить рядом с персональным иден–кодом.

В наушниках звенел самоуверенный до победоносности голос неизвестного эксперта:

– Наше общество развивается. Но прогрессу мешают многочисленные атавизмы. Мы, как собака, тащим их за собой, словно связку пустых жестянок на хвосте. Нужно быть смелее. Кто, скажите, жалеет о канувших в небытие дирижаблях, пароходах или подтяжках? Мы не молимся каменным идолам, мы перестали ловить сетями рыбу и истреблять китов. Были времена, когда права людей зависели от цвета кожи. Были деньги, в конце концов. Но человечество смело перешагнуло через архаизмы, избавилось от детских болячек роста. Так нужно поступить и с родовыми именами. Начинается новая эра, эра космополитов, эра людей с…

Моллой не стал дальше слушать. Он уже понял, что не

получит кэш–бэка за социальную активность. Зато когда его ноги коснулись эскалатора подземки, экран ожил и блеснул короткой зеленой вспышкой. Благодарность Департамента трафика приятно поразила размером – на его счет свалилось целых 12 РМ за предпочтение общественного транспорта.

«У «альфы» жизнь идет по другому!» – гордо подумал Моллой, пропуская вперед пожилую женщину–«дельту».

На пороге офиса он на секунду замер, зачем–то прислушался к обычному деловому шуму внутри и, набрав в грудь воздуха, толкнул привычную и от того особенно родную сегодня дверь. Его появление встретили аплодисментами, а Лори даже подскочила и от избытка чувств чмокнула Моллоя в щеку. И тут же схватила 50 РМ штрафа за сексуальную провокацию сослуживца. На радостях Моллой предложил компенсировать девушке расходы во время совместного ужина, получил согласие и окончательно воспарил до небес на призрачных крыльях запредельного счастья. Куки стоял в стороне и изо всех сил пытался улыбаться одной половинкой лица.

Через несколько минут в общий кабинет сотрудников залетел начальник их отдела. В руках он держал письмо на красивом бланке, украшенном серебряной вязью – организация благодарила Моллоя за работу и поздравляла с повышением. Было объявлено совместное чаепитие на десять минут. Огоньки их коммуникаторов сообщили о поступлении поощрения за тимбилдинг, а потом, словно устыдившись своей щедрости, со всей дружной компании сняли такую же сумму за нерациональное использование рабочего времени. После того, как ритуал официального прощания был исполнен с надлежащей долей искренности, руководитель отдела подцепил Моллоя за рукав рубашки и оттащил в сторону:

– На вас пришло предписание, – отчего–то осторожно сказал он.

– Вы имеете в виду новое назначение? – безоблачно улыбаясь, переспросил Моллой.

– Наверное, да. Вернее, нет. Это именно предписание. Вам следует посетить… да что я занимаюсь глупостями! Мне поручено было отдать его в руки и вот я отдаю, – с этими словами начальник сунул ему синий конверт с государственной эмблемой, похлопал Моллоя по плечу, пожелал удачи и повернулся к выходу.

– Мне уже поковать вещи? – невинно спросил Моллой его исчезающий профиль.

– Нет–нет, их заберет специальный курьер, – загадочно бросил руководитель на ходу и окончательно пропал за дверью.

– Ого. Приятный цвет, – игриво сказала Лори, пожирая глазами конверт.

– Угу, – рассеянно кивнул Моллой, также рассматривая гербовую бумагу Метрополии.

Работать на центральное правительство было невероятно престижно, к тому же это очень хорошо оценивалось. Ходили слухи, что ручейки РМ там сливались в полноводные реки.

Моллой с замиранием сердца аккуратно надорвал пакет по пунктирной линии отреза и вытащил единственный листок, который в нем содержался:

– Вам надлежит явиться в Департамент Рая к одиннадцати ноль–ноль, – машинально прочитал Моллой. – Кабинет номер девятьсот один.

– Ты будешь работать в Райском проекте, – мечтательно протянула Лори. – Какой ты счастливчик!

Моллой растерянно оглядел офис. Куки яростно давил пальцами на экран своего компьютера. Райский проект! Вершина достижений цивилизации! Гордость общества!

– Ой, я еще не знаю, как туда добираться, – спохватился Моллой и забарабанил по коммуникатору. – Да это в административном квартале! Я почти опаздываю! Вечером позвоню, – бросил он Лори, срываясь с места.

– И даже не попрощался, – услышал он голос Куки, когда закрывал за собой дверь.

С толикой затаенной робости Моллой шагнул с траволатора подземки на тротуар квартала Департаментов. Отсюда, из Венториса, по всей планете расходились нервные окончания, которые приводили в движение всю земную цивилизацию. Тут сосредоточился узел власти, ее единый мозг.

Моллой пожалел несчастных пращуров, что выживали в мире, разбитом на десятки независимых княжеств. Каково им приходилось? В этой структуре же изначально зашита идея бесконечной войны. Любому гимназисту известен непреложный закон общества – пока остаются хотя бы два независимых территориальных деления, они неизбежно будут враждовать. Неважно, что менялись названия. Где–то княжества именовались республиками или федерациями, но все равно неизменной оставалась их суть. Верхи жадно боролись за привилегии, доступ к неограниченной власти и этим древним меновым предметам – деньгам. А низы непрерывно пичкались жидкой кашей фальшивых идеалов для сохранения покорности. Зато теперь на Земле все устроено разумно. Термин политического строя был искоренен, как таковой. Стоило человечеству избавиться от политиков – и вдруг жизнь стала на свои места. Словно по

волшебству. Всем теперь заправляют двадцать основных Департаментов. Продовольствие, Промышленность, Здравоохранение и дальше по списку. Они без помех решают свои задачи, а для централизации решений каждый год выбирается Гегемон. Им становится глава одного из Департаментов без права продления срока. И самое главное – никто не знает его имени. Дабы избавить слабую человеческую душу от тщеславия. Отработал положенное время – добро пожаловать в отставку. Если есть желание потрудиться дальше на благо Земли, то экс–Гегемон направляется в кадровый резерв, а если бремя верховной власти основательно придавило человека – на заслуженную пенсию. Общим голосованием жители планеты решили, что сообща прокормят полсотни отставных Гегемонов до скончания их дней. Зато избавили заслуженных людей от самого сладкого наркотика. Наркотика власти.

В томительной лихорадке предвкушения Моллой рисовал себе картины, как он получает место в одном из Департаментов планеты. День за днем упорным трудом и предельной концентрацией он продвигается все выше и выше. И вот – под ним уже целый отдел, а потом и отрасль. А дальше… Почему бы не помечтать о дальнейшем? Кто может запретить нам мечтать? С таким солнечным настроением он повернул на 3–ю Эспланаду. Метка на коммуникаторе влекла его к новому назначению, будто путеводная звезда. К новым горизонтам возможностей.

Изображения квартала Департаментов не сходили с медиа-заставок, но теперь Моллою предстояло увидеть их вживую. Впервые, как ни странно, все-таки он жил и работал в этом же городе. Но, тем не менее, ни разу тут не бывал. День офисного работника расписан, а Венторис велик. Зачем превращаться в праздного зеваку, когда все можно посмотреть по новостям? Тем более, что система РМ тут же отреагировала бы на такое бессмысленное времяпрепровождение списанием средств со счета. Но одно дело – трансляция на экране, а совсем другое – быть здесь собственной персоной. Тут даже воздух другой.

На тернистом пути к нужному кабинету Моллоя поджидало пять потрясений. Во–первых, он столкнулся с тем, что здание Департамента Рая было окружено живым забором из каких–то колючих кустов, посередине которого располагалась настоящая деревянная калитка с турникетом. Тот немедленно распахнулся перед Моллоем, едва его персональный код был считан приемным регистратором. Но турникет рос из живого дерева! И сам выглядел живым растением! И совсем невежливо было с его стороны наподдать Моллою под зад, когда тот застыл в изумлении, так и не перешагнув порог.

Здание. Моллоя изумило и пронизало волнительной дрожью само здание. Одно дело – видеть его в репортажах и совсем другое – стоять перед ним, как перед своим будущим офисом. Три огромных цилиндра высотой в сотню этажей, из которых только один, центральный, был пригоден для работы людей. Правый являл собой огромную прозрачную колбу, извлеченную из вод кораллового рифа и помещенную в сердце мегаполиса. Знаменитый на всю планету Рифовый лабиринт, символ новой эпохи Метрополии. В бирюзовой воде мельтешили тысячи разноцветных рыб, струились пузырьки воздуха. У самой стенки неторопливо проплыли две акулы с черными отметинами на плавниках. Какая красота! Вот он – наш Рай! Моллой перевел взгляд на левый цилиндр, не менее экзотичный. Это был серпантин влажного тропического леса, уходящий в небесную синь. Блестели коричневые стволы деревьев, искрились каплями росы темно–зеленые листья. На самом нижнем витке спирали сидела важная обезьяна с насыщенно розовой мордочкой и сосредоточенно пожирала какой–то фрукт.

Моллой стоял, пораженный красотой, бессмысленно хлопал глазами, не замечая, что его левую кисть кто–то уже несколько секунд настойчиво подталкивает. Нечто, по мохнатости похожее на придверный коврик. Потом уши зафиксировали совершенно нехарактерный для города звук – приглушенное рычание. Моллой повернул голову и в ужасе сиганул на несколько футов. Тигр. Настоящий тигр с янтарными глазами и лоснящейся шерстью стоял на мощных лапах и бодал его руку своей массивной башкой. Вопль ужаса вырвался из глотки Моллоя. Он попытался отпрыгнуть, но поскользнулся и шлепнулся на пятую точку. Животное посмотрело на ужимки человека с нескрываемым осуждением и сделало шаг вперед. Моллой засучил ногами по дорожному покрытию, пытаясь отползти, но тигр в один прыжок настиг его, слегка придавил лапой и как следует лизнул в лицо алой плетью языка.

– Гуаньди! Немедленно оставь гражданина в покое! – из центрального здания выбежал человек в форме городского стражника и сурово пригрозил тигру рукой.

– Вы не ушиблись? – сочувственно обратился он к Моллою. – Завел себе новую привычку – лижет всех посетителей. А ходит–то неслышно, словно привидение. Многие пугаются.

– Я в порядке, – с заиканием ответил Моллой, принял протянутую руку, все еще опасливо косясь на любвеобильного Гуаньди. – Меня вызвали на прием. Департамент Рая, девятьсот первый кабинет. Это, наверное, на девятом этаже?

– Да. Этаж спецпроекта «А– Консент–Д», – стражник почему–

то еще раз окинул Моллоя особым оценивающим взглядом, словно хотел понять, что такому незначительному с виду человеку делать на девятом уровне?

– Спасибо, – поблагодарил Моллой стража, поднялся и быстро попятился к двери центрального корпуса.

Последнее, пятое потрясение он испытал, выйдя из кабины лифта. Столько людей в полувоенных комбинезонах Моллой не видел никогда в жизни. Высокие, сильные, с хмурыми озабоченными лицами, они перемещались между кабинетами, обменивались громкими репликами, из которых он не понял ни слова. Не будучи знатоком униформ, Моллой сначала не смог определить их принадлежность к какому-либо роду войск, а потом его глаза поймали лейбл на плече «А-Консент-Д» и все встало на свои места. Это профессиональная одежда сотрудников проекта, тут не может быть никаких сомнений. Но почему, во имя Творца, они все такие подтянутые и суровые? Охранник на этаже не удостоил Моллоя своим вниманием, а лишь кивнул ему в направлении длинного коридора.

Пробравшись по стенке к нужной двери, Моллой нашел глазок регистратора и прижал к нему лацкан рубашки. Было 10.52. Недурно. Пунктуальность играет не последнюю роль при поступлении на новую работу. Напротив двери стояло несколько стульев для посетителей. Моллой уже решил абонировать один из них, когда дверь кабинета номер девятьсот один распахнулась и оттуда высунулась голова с белобрысым ежиком волос. «Гражданский» – облегченно выдохнул Моллой, увидев, что на человеке штатская одежда. Мужчина из кабинета поднял голову, его губы сложились в привычную ироничную усмешку, после чего прозвучал знакомый по интеркому «Фиделя» голос:

– Точность и скрупулезность – прекрасные качества, но по мнению Дизраэли это отличительные свойства одиночек.

Моллой замер с разинутым ртом.

– Полди, – наконец смог он вымолвить он.

– Проходи. Что у тебя с лицом?

– Это Гуаньди… Тигр…Понимаешь…

– Ага. Считай это обрядом посвящения. Да заходи же, наконец!

Кабинет оказался пустым параллелепипедом, в конце которого обосновался Т–образный стол с мягкими креслами по бокам. Настоящий деревянный стол или его искусная имитация. На матовой поверхности столешницы стоял экран информационной панели и несколько старомодных пластиковых накопителей для бумаг. Сбоку блестела никелированными боками непонятная конструкция – пирамидка в виде модели

солнечной системы, очевидно с питанием, поскольку планеты перемещались по орбитам и даже периодически сталкивались с тихим металлическим треском. Вот так штука. Вне всяких сомнений – первый человек, с кем Моллою предстояло пообщаться на новой работе должен являться кадровиком. И сей сановитый чиновник оказался не просто его ровесником, а более того – напарником по кроуд-файтингу. Хорошо ли это? Во всяком случае, неплохо. Но во избежание ложного эффекта панибратства, Моллой решил держаться нейтрально, как если бы они были незнакомы. По крайней мере, пока Полди сам перейдет к беседе на приятельской ноге. А тот, словно не замечая замешательства бывшего партнера и не собирался ломать лед официальности. Он с крайне серьезным видом, осторожно обогнул стол и тихонько присел в его главе. После чего небрежно указал Моллою на место напротив себя.

– Присаживайся, – бросил он. – Вот салфетки. Утрись. Мое имя ты знаешь. Я – куратор спецпроекта «А–Консент–Д» и, возможно, твой будущий коллега. На мне лежит кадровый отбор.

Моллой кивнул в знак понимания.

– Поздравляю с переводом в новый социальный класс. Ты ведь был «браво», насколько я помню? И особенно, с завершением задания, над которым ты работал последние месяцы, – Полди хмыкнул в ответ на вопросительный взгляд Моллоя. – Ну, конечно же я посмотрел твое личное дело. Это входит в мои обязанности. Но вернемся к сданной тобой работе. Строго говоря, ты трудился над ней гораздо дольше, чем полагаешь – большинство твоих предыдущих назначений являлось промежуточными этапами на пути к решающему звену. Они были соответствующим образом оценены, уверяю тебя. Иначе бы мы сейчас не беседовали.

– Благодарю, – тихо сказал Моллой.

«Новый» Полди сбивал его с толку. Теперь в нем проступила какая-то сверхуверенность, властность, широко расставленные глаза смотрели уже не насмешливо, а даже слегка презрительно. Или это последствия скрываемой боли? Удивительно, что он делает на работе в то время, когда должен занимать свою койку в хирургическом отделении клиники? Моллой невольно провел взглядом пунктирную линию от левого бока, где под одеждой скрывались переломанные ребра, до левой ноги, которую Полди слегка отставил в сторону. Тот немедленно прочел мысли бывшего напарника:

– Экзоскелеты творят чудеса. Армейская технология. А внешний медцентр, который мне поставили, на время блокирует болевые сигналы от поврежденных тканей. Маленькая такая

коробочка на груди. У наших военных она вообще интегрирована в организм. Так солдаты могут продолжать оставаться в строю, несмотря на полученные ранения. И будущая наша работа во многом сродни боевым действиям. Хм… Но вернемся к твоему личному делу, – Полди жестко сцепил пальцы в замок и посмотрел на Моллоя. – Есть вопросы.

– Готов прояснить любые непонятные моменты моей биографии, – с живостью откликнулся тот.

– Твое тело не прошло чипование. Хотя соответствующие предложения из Департамента Здоровья поступали…, – Полди мельком взглянул на экран своего коммуникатора. – Три раза. Трижды тебе направлялись запросы на данную процедуру, но ты все время отвечал отказом. Почему?

Металлическая модель солнечной системы на его столе монотонно отсчитывала такт разговора. Сшибались планеты, их орбиты смещались. Тук–тук, тук–тук.

Уши Моллоя предательски покраснели.

– Понимаешь… процедура сопряжена с расходами…, – проблеял он.

– Статус «браво» может рассчитывать на правительственный грант при данной операции в размере восьмидесяти процентов, – отчеканил Полди. – Но тебе и в голову не пришло отправить соответствующий запрос. Странно. Можешь как–то прокомментировать?

– Я считал, что, будучи не подключенным к общей нейросети, смогу более эффективно развиваться ментально. Общество же все равно берет двадцать процентов РМ от стоимости процедуры с гражданина, который соглашается на чипование, верно? Я подумал, что списание ментальных единиц со счета чем–то должно быть обусловлено. Тут явно заложено тайное послание, скрыт особый смысл. Мне удалось пронаблюдать карьеры нескольких знакомых, прошедших инициацию нейросетью. Только один из них сумел перейти в «альфы». Остальные так и застряли в группе «браво».

Глаза Полди вдруг «по ранешнему» весело блеснули, он быстро наклонил лицо к поверхности стола, а когда выпрямился, оказался вновь собранным и серьезным:

– Похвально, что ты стремишься подвергнуть логическому анализу правительственные эдикты. Хорошо, Моллой. Перейдем к самому проекту.

– Какому из них? Прайд, Инфиделити?

– Пусть будет Прайд. Как считаешь, для чего могла бы пригодиться подобная замкнутая в ограниченном пространстве группа людей?

– Не уверен, что это входит в мои компетенции, – осторожно сказал Моллой.

Его взор вновь уперся в блестящую пирамидку. Полди вопросительным взглядом показал, что такой ответ его не устраивает.

– Тренировка спецназа, – выдал Моллой свою основную теорию.

– Хм… Резонно. А если речь идет об обычных людях?

Альтернативный вариант лежал на поверхности.

– Тюрьма. Резервация для асоциальных типов.

– Браво. Отличная догадка. Но видишь ли, будущий коллега, мы, люди, в глубине души все в той или иной степени – асоциальные типы. В каждом сидит свой мистер Хайд, который толкает человека на разные глупости и вообще бесится в его голове на все лады. Знаешь, у нас до сих пор не полностью искоренена преступность. Объект понимает неотвратимость наказания, но все равно нарушает закон. Хотя он прекрасно мог без этого обойтись. Забавно?

«К чему же ты клонишь?» – Моллой цепко вслушивался в каждое слово Полди, напряженно пытаясь определить направление его мыслей. Он понимал, что именно сейчас быть может, решается вся его судьба.

– Как ты относишься к созданию Райских парковых зон на Земле?

Моллой торопливо всплеснул руками:

– Это гармонизирует нашу планету, максимально приближает нас к ее пульсу, растворяет человечество в природе. Не секрет, что иногда мы воспринимали Землю, как своего врага и вели с ней беспощадную войну…

– Вот–вот, – подхватил Полди. – Именно войну. Человеческие племена враждовали между собой, пока не объединились под единым знаменем демократии и свободы. Они конфликтовали друг с другом, бились с альма–матер. Всю свою историю люди постоянно воевали с кем–нибудь или чем–нибудь. А может быть, дело в нас самих? Природная агрессивность толкает нас на необъяснимые поступки, а государственные системы лишь ставят новый ориентир врага, чтобы занять своих граждан и таким образом их контролировать. Не приходили тебе в голову подобные мысли?

– Нет, никогда, – возможно слишком быстро ответил Моллой.

Полди понимающе улыбнулся, жестом показал, что оценил маневр собеседника, а Моллой не стал ему противоречить.

– В свое время буфером эмоциональной разрядки служили жесткие виды спорта. Потом им на замену пришли виртуальные

платформы игр с элементами насилия. Последнее действие возымело эффект даже больший, чем требовался, и у части населения появились симптомы психологической зависимости. Возникла проблема замещения реальности искусственными ценностями, – Полди умолк и передвинул модель солнечной системы на другой угол стола.

Глаза Моллоя, как намагниченные последовали за ней.

– Произошла «отцифровка» абстрактных общечеловеческих понятий. Добро, Зло, Гнев, Радость. Люди перестали их воспринимать. А сколько именно единиц Добра и Зла, Гнева и Радости получено или затрачено? И никто даже не удивился, когда Дюфор поместил данный алгоритм в принцип «Particula Mentis». Стремление все раздробить и посчитать проникло в наше существование, подчинило жизнь человека ее величеству Цифре.

Лицо Моллоя мгновенно превратилось в неподвижную маску. Как понимать этого умника? Или он пытается спровоцировать кандидата на резкие высказывания? Проверяет лояльность? Почему молчит его изящный коммуникатор?

– Теперь ты – «альфа». Это означает совсем другой уровень самосознания. Высший класс обязан принимать на себя ответственность за своих «младших» собратьев. Кто–то способен лишь действовать, на ком–то лежит ответственность за созидание. Ты понимаешь меня?

– Да, да, да, – быстро сказал Моллой, невольно расправляя плечи от слов собеседника.

– Я хочу задать тебе важный вопрос: что необходимо обычному, стандартному человеку для счастья? Подумай хорошенько, прежде чем отвечать.

Пауза затягивалась. Металлическая пирамидка терпеливо отщелкивала интервалы времени. Наконец Моллой откашлялся и заявил:

– Устроенность быта. Интересная работа с возможностью развития и прогресса. Наличие близкого окружения: семьи или друзей, или того и другого вместе. Ммм… чувство причастности к чему–то большому, – метя в Райские парковые зоны, ввернул Моллой напоследок.

– Это все? Ты уверен?

– Ощущение защищенности, уверенность в завтрашнем дне, обширная медицинская страховка, – лихорадочно зачастил Моллой, чувствуя, что пропускает нечто важное и боясь произвести на будущего коллегу негативное впечатление.

– Хорошо. Достаточно. Так вот…, – Полди сделал паузу для пущей убедительности последующих слов. – Дай все это человеку, оставь его на год и, вернувшись снова, ты с удивлением

обнаружишь глубоко несчастное существо. Поверь, за моими утверждениями стоят незыблемые цифры статистики. Мы – намного более животные, чем сами о себе полагаем. Нам необходимы: риск, борьба, страх, угроза и ее преодоление, вера в сверхъестественное. Попытки заменить все это работой и карьерой обречены на провал. Понятие добродетели и греха. Они веками насаждались в сознании людей религиозными учениями. Консолидация общества перед внешним врагом. Что заменит это? Неужели ты думаешь, что нам не по силам сломить сопротивление антропоморфов? Стереть их с лица Земли? Мы четко осознаем факт – с их исчезновением уйдет последняя внешняя угроза, у нас останется победившее раз и навсегда человечество. И что тогда? Стагнация, загнивание? Всю историю наша цивилизация делала рывки в своем развитии или во время войн, или сразу после, объединенная идеей выживания и восстановления. Добро существует, пока есть Зло. Добродетель видна на фоне греха. Чего мы добьемся, если сотрем эти понятия? Я тебе отвечу – коллапс, всеобщий коллапс ждет общество, едва прозвенят фанфары окончательной победы. Мы этого не допустим!

Моллой сидел, словно статуя. В его сознании рушились гранитные глыбы убеждений. Все, во что он верил, оказалось подвергнуто ревизии и отрицанию. Вот он – класс «А». Тут оперируют совсем другими категориями. И еще от его внимания не укрылось то, что Полди явно вещал чужими словами. Слишком резко, слишком бездумно он произносил свой текст.

– Мы строим Рай. Но как быть с внутренними демонами? – неожиданно резко спросил Полди.

Взгляд Моллоя затравленно заметался по кабинету:

– Нужно попытаться их усмирить, – наугад бухнул он. – Этих демонов.

– Ага. Испытанный метод, практикуемый во все времена религиозными надстройками. Смирение и терпение. Никогда не срабатывал в полной мере. Может попробовать подсмотреть решение у природы? Перенять ее опыт?

– Было бы неплохо.

«Творец, я, наверное, похож на идиота. Зачем он так делает? Почему ставит меня в глупое положение?» – мелькнула паническая мысль.

– Там соседствует красота и уродство. Гармония и хаос. Постоянный антагонизм между энтропией и созиданием, злом и добром. Не случайно, надо полагать?

– В этом, безусловно, есть смысл, – пискнул Моллой.

– Мы строим Рай, – торжественно повторил Полди. – Следует

ли из этого, что нам необходим ад?

Моллой застыл с вытаращенными глазами.

– Запредельно жестокий, коварный, неумолимый. Его цель – просто быть и оттенять ценность человеческих завоеваний. Как я уже обмолвился – отсутствие Зла нивелирует Добро. Получается, что оба понятия для нас одинаково важны. Ты согласен? Отлично. Только имея перед глазами ориентир ада, люди смогут насладиться всем великолепием Рая. Посещение ада может быть той инъекцией насилия в жизнь человека, что позволит ему нормально функционировать в обществе себе подобных. Принудительной инъекцией и время от времени. Нельзя убрать из социума насилие и надеяться, что все будет по–прежнему. Этологи нам не простят.

У Моллоя перехватило дыхание. Прайд, Инфиделити. Его объекты. Негостеприимные миры с их безумными обитателями. «Прайд», «Инфиделити». Как он раньше не догадался? Это же латынь! «Гордыня» и «Неверие»! Творец Всемогущий!

– Погоди, Полди, – пробормотал он. – Моя работа…

– Я вижу в твоих глазах понимание и аплодирую этому чувству. Поздравляю тебя, дружище, ты участвовал в проектировании первого экспериментального ада на Земле, стал, так сказать, одним из архитекторов преисподней и твой проект одобрен.

Вся комната завертелась перед глазами Моллоя. На плечи навалилось страшное напряжение последних недель, недосыпание, режим экономии калорий. Словно сквозь туман, Моллой слышал голос Полди. Не отдавая отчета в своих действиях, он зачем–то вскочил, потом схватился за спинку ближайшего стула, развернул его к себе и рухнул на сиденье. В ушах отдавалось эхо знакомого голоса:

– У нашего подразделения красноречивое название. «А–Консент–Д». Среднее слово означает «согласие». Оно посередине. И геенна огненная с обеих сторон. Ты улавливаешь смысл? «А-Консент-Д» – «Согласие на ад».

– У тебя найдется стакан воды? – прохрипел Моллой.

Полди нырнул за коричневую тумбочку, послышался звук сифона и в его руке появился бумажный стаканчик:

– Угощайся. То, что ты не подключен к нейросети и не имеешь чипованного тела, служит дополнительным преимуществом при рассмотрении твоей кандидатуры. Потому что у твоих будущих подопечных с этим делом как раз полный порядок. Не придется волноваться по поводу того, что тебя могут взять под ментальный контроль. А попытки обязательно будут, в этом нет сомнений! Так что, ты вполне состоявшийся претендент.

– Претендент куда? – Моллой прервал торопливые глотки.

– Ты еще не понял? Проект нужно воплощать в жизнь. А кто проследит за строительством лучше, нежели его создатель? И кому можно без опасения доверить потом администрирование объекта? Завидую тебе, напарник, какая интересная творческая работа ждет впереди! Стать управляющим ада! Причем, частично созданного своими руками. Не служба – мечта! С тобой все хорошо?

– Стать в аду главным, – тупо повторил Моллой. – Это кто же я после этого получаюсь?

Полди нахмурил брови и строго посмотрел на будущего коллегу:

– Один из привилегированных граждан класса «А». И никто более.

– А что там насчет подчиненных? Ты говорил…

– В аду непременно должны быть демоны. И они у нас обязательно будут. Полный набор. Я лично прослежу за этим. Кадры – моя епархия.

Из нутра Моллоя вырвался затравленный вопль. Он смотрел на Полди и ему стало мерещиться, что изо лба второго пилота выросли изогнутые рога. Его длинный хвост хлестал по паркетным плиткам, изо рта вырывалось огненное дыхание. Вселенная вокруг стремительно сузилась до размера зрачка, а потом и вовсе погасла.

Второе пробуждение за сегодняшний день не принесло Моллою приятных впечатлений. В тело впивались какие–то жесткие ребра чего–то, затылок ныл пульсирующей болью. В сознание вплыли воспоминания, от которых мгновенно возникло нестерпимое желание закричать. На него свалилась новая работа. И она будет в аду. Вот так просто – в аду. И самое ужасное, что он сам туда себя загнал, лично спроектировав преисподнюю. Уже ничему вокруг не удивляясь, Моллой просто панически боялся открыть глаза. А может быть, он уже находится там? И звуки вокруг – голоса мучеников, сосланных в геенну за прегрешения? Моллой прислушался.

– Ну, что с ним, док?

– Сейчас придет в себя.

– Хорошо, можете идти.

Хлопнула дверь. Говорили два голоса, вполне человеческие. Один из них принадлежал несомненно Полди, второй тоже был смутно знаком. Что-то совсем недавнее, но Моллой никак не мог определить, что именно.

На всякий случай он решил еще немного полежать с закрытыми глазами.

– Полди, ты получишь взыскание. За такой опрометчивый подход и тысячи РМ штрафа мало. Зачем ты решил сломать кандидата? Или какие-то обиды за спорт?

– Ни в коем случае! Он – отличный парень и в кроуд–файтинге мы прекрасно сработались. Просто хотел немного над ним подшутить. Кстати, меня на собеседовании подвергли намного более жесткому испытанию. Ему, по крайней мере, отравленный коктейль никто не предлагал.

Внутри Моллоя из крохотных огоньков испуга внезапно вспыхнуло пламя упорной решимости. В него плеснули керосином несправедливой обиды, отчего пожар гордости запылал с удвоенной силой.

– И еще сотня РМ за самоуправство. Полди! Вы видели его работы? По неполным данным сконструировать практически безупречную модель. А образ жизни? Личные качества? В вас, Полди, нет и половины целеустремленности и концентрации, что присутствуют в его характере. Уверяю, он еще преподнесет нам сюрпризы в плане собранности и силы духа.

Моллой резко открыл глаза. Рядом с Полди стоял невысокий седой человек с уже знакомой эмблемой проекта на груди. Зеленый круг с ярко-красными буквами. Просто ад, без всякого излишнего пафоса. Охая, Моллой встал со своего ложа – составленных вместе жестких кресел, зачем–то отряхнул одежду и неожиданно для самого себя, громко и даже где–то дерзко заявил:

– Я так понял, что мое утверждение состоялось. Когда приступать к работе?

Линия Слика. У государственной Системы есть перед и зад

Каждый мужчина в своей жизни должен научиться делать две вещи: добывать пищу и успокаивать женщину. По мне, так второе важнее. Я бы ввел этот предмет в обязательную программу раздельных интернатов. Интересно даже – как они, такие нежные и ранимые девушки, справляются со своими нервами, когда нас нет рядом? Почему не ходят с вырванными волосами и обломанными ногтями от постоянных истерик?

Мне так и не удалось из нее вытянуть, чего же такого я наговорил своей подружке в хмельном дурмане. Зато получилось утешить. Для этой цели пригодилась проверенная схема номер сорок один. После сексуальных игр мы быстро утолили голод острой паэльей, выпили на двоих целую кварту яблочного сока и отправились на прогулку в Райскую парковую зону. Тиа все время допытывалась о моих коллизиях на службе, но я старательно уходил от ответа. Причем сделал это не самым лучшим образом,

потому что как–то незаметно для меня наша беседа перетекла в плоскость общих планов на жизнь. А ее проделки со сливом информации в прессу даже не обсуждались. Они вроде как показались мелочами на фоне крайне важного разговора. Не понимаю этого искусства, но само собой выходило, что мы уже постоянная пара и мечтаем о совместном жилище и даже подумываем завести ребенка. Удивительно, но я принимал в обсуждении самое активное участие и даже получал удовольствие от новых, незнакомых доселе эмоций.

Где–то вдалеке, на горизонте моего сознания маячила грозовая туча грядущей переэкзаменовки. Но улыбка Тиа сработала лучше погодного спутника, и тревожные темные облака постепенно растворились в мысленной перспективе. В конце концов, чего мне бояться? Подумаешь – тесты. За плечами бесценный полевой опыт, как–нибудь проскочу эту формальность и через месяц буду вспоминать о ней с усмешкой.

Потом начался дождь. В этом «Термини» все сезоны слились в один, а чтобы понять время года нужно смотреть в календарь. Мы промокли, как рыбы, поэтому решили просохнуть в «Хибаре». Вернулись домой, развесили по дверям одежду, и Тиа вознаградила меня за новую ступеньку наших отношений очень нежной и прочувствованной схемой номер девять. Там по программе полагалась в довесок еще романтическая флексия, но моя девушка метеором слетала в душ, быстро оделась и, чмокнув меня в щеку, убежала на работу. А я, умиротворенно раскинувшись на кровати, продолжил строить розовые замки будущей жизни с Тиа. Из этого блаженного состояния меня вывел внезапный звонок Кундиса:

– Салют, Слик.

– Салют, трибунальщик.

– Сделал, что мог.

– Верю.

– Как состояние? – ехидно поинтересовался Кундис.

– Превосходное. А что?

– Твой вчерашний загул имеет все шансы стать вечеринкой года. Очень–очень весело!

– Старый толстый Герцог…

– Что ты! Тут и без него хватает источников информации. Твои разглагольствования насчет роли военной полиции в армии просто фееричны.

– Дьявол.

– Ничего, ничего, старина, ты же знаешь их правила – все, что сказано после первой кружки, в зачет не идет. Ты на это и рассчитывал, верно? Но я представляю, как вытянулась холеная

рожа Гаспара! Крепко ты приложил всю их шайку! А твоя татуировка – просто прорыв! Свежее течение. Новобранцы визжат от восторга.

Я вздохнул, изумляясь самому себе, и горестно покачал головой:

– А что говорят наши?

«Наши» – это постоянный состав «Форекона», его ядро, кадровые вояки.

– По–разному. Некоторые болтают, что Слик окончательно слетел с резьбы. Колоннель, когда узнал о твоих похождениях, тоже был не в восторге: «Этот болван, Слик, привлекает к себе внимание, вместо того, чтобы сидеть тихо, как мышь! И это в его ситуации!».

– А чем плоха моя ситуация? – я почувствовал, как внутри разлилась волна упрямой злости.

Гор еще смеет меня поучать. Они наносят удары по Метрополии, обучают и наверняка вооружают наших врагов, но ханжески морщатся, когда у подчиненных от их произвола съезжает крыша.

В динамике раздалось сопение, как если бы Кундису сложно было подобрать слова:

– Ну, понимаешь… тут на базе полно репортеров… много вопросов. О тебе, в частности. Не знаю, как у колоннеля получилось замять всю историю, но повертеться ему пришлось изрядно.

– О, не сомневаюсь, что он мастак в этом деле, – хмыкнул я.

Еще бы не мастак! Работать на два фронта, постоянно стирая за собой следы. Я понимал, что корни этого заговора уходят глубоко во власть. Заговора кого и против кого? Системы против всего народа!

– Полегче, Слик. По совокупности дел ты запросто мог влететь в крупные неприятности. У секретчиков нет сомнений, откуда на микрофоне твоего «Коллара» взялась грязь. Могли бы затаскать по допросам. А ты отделался переаттестацией.

– Мне ему спасибо сказать? – с негодованием выдохнул я.

– Неплохая идея, – осторожно ответил Кундис. – Не забывай, что все мы – бойцы Метрополии. И сражаемся на одной стороне.

Он, что, переел таблеток патриотизма? Что с ним случилось? И вдруг до меня дошло. С ним поговорили. Уж не знаю, кто и как, но в речах вечного скептика и циника по отношению к начальству, вдруг прорезались чинопочитательские нотки. А раз так – наш разговор наверняка пишут. Я – идиот! Его пишут в любом случае. И Кундис для «наблюдателей» наставляет меня на путь истинный, одновременно пытаясь предупредить.

– Пожалуй, что я не вовремя стал героем вечера.

– Я об этом и толкую. А если серьезно, старик, даже для тебя это перебор. Как бы чего не вышло… Мой совет – с сегодняшнего дня веди себя так, чтобы мальчикам из хорового кружка впору было ставить твою персону в пример. Усек?

– Понял.

– Слышу, что уже приуныл. Не горюй, дружище, никто из нас не умрет девственником. Жизнь обязательно всех поимеет.

– Спасибо, Кундис.

– Бывай, Слик. Нюхай воздух, а как начнет смердеть, действуй по обстановке.

– Бывай, старина.

Вечером по нейросети пришло новое назначение – явиться завтра в кабинет начальника «ПО» Гиллиса в восемь утра ровно. Один день увольнительной минус. Цена загула. Зато хоть повеселился на славу.

Подразделения базы «Форекон» закончили зачистку сектора Танго. Последнего сектора тридцать пятого «арриала». Сегодня взлетало меньше авиации – только на обычное патрулирование. Зато на земле суета шла полным ходом. Командиры прекрасно знают, чем занять подчиненных, когда основная задача выполнена. Будет череда учебных тревог, внезапные авралы, осмотр и проверка всего комплекса вооружений, непрерывная караульная служба, заброски и рейды внутрь не до конца освоенной пока территории. Когда идет операция, личный состав не слишком мордуют всякими формальностями, зато, чем ближе ее финал, тем напряженней становится служба в периметре основной базы.

На пути к командному бункеру я несколько раз ловил в глазах сослуживцев веселые искорки – видимо, наша гулянка и впрямь получила определенную известность, а один знакомый капитан из складских даже кивнул мне на грудь и показал оттопыренный большой палец. Я так и не выбрался свести татуировку, а предпочел весь вечер проваляться дома на софе, листая информационные каналы. В одиночестве, потому что Тиа не появилась. Ее коммуникатор не отвечал, зато мне пришло сообщение: «Милый, я сегодня допоздна занята, увидимся завтра. Целую». Ничего, в отношениях нужно делать паузы, чтобы не слишком надоесть друг другу. Проклятье. Ее словами заговорил.

Проделав привычный путь на лифте под землю, я прошел верификацию на электронном посту. Служба «ПО» находилась ниже прочих, словно фундамент нашей боеспособности. Сверху на ней громоздились: командный центр, секретчики, боевое

обеспечение и связь. Но в глубине бункера, около сердца энергетического реактора во всю ширину здания располагались владения дока Гиллиса. Стационар, лаборатория наноботов и еще три десятка неизвестных мне помещений. Мне было назначено явиться в личный кабинет Гиллиса – уютную овальную комнату с цветочными горшками, развешанными на уровне глаз. Официальный тест наверняка назначат не раньше, чем через месяц. Мне же нужно подготовиться! К чему эта встреча? Предварительное собеседование? Подготовительный тренинг?

Кроме кудрявой физиономии дока в его логове меня ждал сухопарый майор с нашивками Кадрового Управления армии – большая шишка не по званию, но по должности. Прозвучало имя – Линденбаум, и оно не сказало мне ни о чем, за исключением того, что в нем неплохо было бы сократить пару слогов. В присутствии незнакомца я, понятное дело, слегка насторожился. Мандраж не улегся, даже когда док неторопливо делал мне обычную диагностику и вполголоса бурчал о том, что нельзя давать приоритет над встроенным центром диагностики какому–то непонятно кем созданному Гиппократу. Потом последовали несколько разминочных вопросов из словаря бездельников и, наконец, в дело вступил заезжий вояка:

– Капитан Слик. Сорок два года. Офицер без представлений на присвоение очередного звания. К прохождению дальнейшего обучения на Высших Командных курсах не рекомендован. Не сногсшибательная карьера, а, капитан?

– Высокие должности находят более достойных, сэр.

– Скромность и смирение – похвальные качества. Помогут ли они вам, капитан Слик, принять тот факт, что шансов на благополучную сдачу аттестации у вас не более трех процентов?

Вместо ответа из моего горла вырвался неопределенный звук, похожий на протяжное «Я–о–о–ууу». Майор Линденбаум удивленно поднял брови, но продолжил:

– Дисциплина по «Лоджо» рухнула ниже допуска, психологическая неустойчивость, плюс шлейф сомнительных историй. Мы с начальником «ПО» считаем, что вы наскребете баллы максимум на уоррент–лейтенанта.

Гиллис с готовностью тряхнул кудлатым чубом:

– Слик, ты и взаправду поставил себя в сложное положение.

– Спасибо, док, за теплые слова. Быть разжалованным после двадцати четырех лет службы…, – мой рот пересох, перед глазами заплясали темные пятна.

– Вы уже откомандированы в резерв. Там и будете благополучно прохлаждаться, пока не попадете в набор на новый сектор. А теперь подумайте сами, какому командиру захочется

иметь в составе подразделения человека, похожего на несдетонировавший снаряд? Разжалованного штрафника с проваленным тестом на звание и «ЛоДЖо» без среднего и самого важного зубца – Дисциплины?

Я не мог вымолвить и слова, придавленный услышанным. В голове просто не умещалось сказанное Линденбаумом. У меня срежут три планки! Уоррент–лейтенант! Я почувствовал, как дрожат мои губы.

– Слик, вам необходима срочная инъекция антидепрессантов, – пискнул внутри мой персональный лекарь.

Вот привязался с успокоительным!

– Червяк, мне необходим «Блоуган» у виска, – мысленно ответил я медцентру.

– Уже имеется проект закона о сокращении кадровой армии на десять процентов. Нам теперь вполне хватает срочников и вольнонаемных. Кто первый пойдет под нож мясников из Департамента Социальных Взаимоотношений? Офицерский резерв, вне всякого сомнения. А там как раз будет развлекаться персона уоррент–лейтенанта Слика, размалеванная красками дисциплинарных взысканий. К имеющимся залетам добавятся новые, поскольку стандартные нормы поведения – это не для нашего героя, жизненный путь которого всегда подсвечен сожженными позади мостами. Хотите прокомментировать мои слова, Слик?

– Майор, сэр, вы ведь для чего–то решили вылить на меня этот ушат помоев. Док, вас я тоже не могу назвать садистом, хотя иногда и хочется. Валяйте, выкладывайте свое предложение.

Линденбаум хмыкнул и покосился на Гиллиса. Тот потер покрасневшие от напряжения глаза и изрек в своей неспешной манере:

– По нашему мнению, самое лучшее, что ты можешь сейчас предпринять – это тихонько подать в отставку. В чине капитана, не дожидаясь экзамена. Я говорил с колоннелем Гором. Он согласился попридержать результаты трибунала, чтобы ты ушел спокойно, не привлекая к себе внимания.

– Жалко наверное терять героя прессы, – не утерпел я.

Гиллис усмехнулся:

– Мы подсунули журналистам нового. Демерс дал более двух десятков интервью за последние сутки. Слава «Навала» в самое ближайшее время будет в зените.

– На моем примере видно, что слава явление призрачное.

Гиллис поймал глазами мой взгляд.

– Это все, что мы можем для тебя сделать, Слик, – сказал он серьезно и внушительно.

В голосе прозвучала если не угроза, то уж точно намек на нее.

– Ценю.

– Приятно, конечно, но нам нужно твое решение.

– По–моему, вы просто загнали меня в угол.

– Верно, Слик. Вы очень верно охарактеризовали ситуацию, – вставил словечко Линденбаум. – И это означает…?

Чужой голос, голос изможденного старика, уставшего бороться с Системой, а не бодрый голос бравого капитана Слика ответил:

– Я согласен.

– Хорошо. Лови файлы по нейросети. Там прошение об отставке, заявление о сдаче личного оружия и прочей материально–вещевой номенклатуры. Док, парню нужно время, чтобы заполнить все формы. Не возражаете против прогулки в столовую? Слик, в папке девятнадцать документов, и на каждом к нашему возвращению должен стоять твой личный иден–код.

Они вернулись через час, Линденбаум быстро просмотрел пакет подписанных мной бланков, кивнул и сказал Гиллису:

– Теперь он ваш, док. Капитан Слик, – майор протянул мне руку. – Удачи в гражданской жизни. В течение двух суток будет приказ на тебя. Если понадобится помощь – обращайся. Армия не забывает своих парней.

– Спасибо, майор, – ответил незнакомый пока мне штатский человек, обряженный в полевую форму.

Мы остались с Гиллисом одни. Начальник ПО встал и распахнул окно. В комнату ворвался привычный шум базы: отдаленный редкий гул авиационных двигателей, стрекотанье дронов, дробный стук обутых в военные ботинки ног.

– Твоя жизнь после армии… Интересно, как ты ее представляешь?

– Пока никак, – честно сознался я. – Может быть, обоснуюсь поближе к морю. Женюсь, заведу детей. Подам прошение об индивидуальном воспитании.

– Погоди, погоди, – док озабоченно прилип глазами к экрану коммуникатора. – Ты же не выслужил второй ценз…

Я пожал плечами:

– Значит, так сложилась моя судьба.

– Ты не понял! Только второй ценз дает право на свободный выбор жилья. И его пожизненную аренду за счет Метрополии.

– Да знаю я! Но думаю, что найду себе местечко у океана и без помощи правительства. Главное, чтобы вовремя начисляли пенсию.

Гиллис сложил локти на столе, всем телом нагнулся ко мне, словно хотел целиком заползти в мое сознание, и очень ровным голосом спросил:

– Слик, как ты думаешь, может ли государство выпускать в общество людей с передовой просто так, без дополнительных процедур? Вас, парней, привыкших одновременно стрелять и думать? Твое тело напичкано имплантами, которые необходимо перепрограммировать. Снизить уровень гормонов, потому что в гражданской жизни такое количество адреналина будет только мешать. По сути провести тонкую перенастройку гомеостаза.

– А если рука программиста дрогнет? – криво усмехнулся я. – Метрополия случайно не экономит таким образом на наших пенсиях? Отслужил и быстро сносился.

– Что ты! – руки Гиллиса замахали, словно лопасти геликоптера. – После соответствующего переоборудования ты будешь как новенький. Но даже это – не все.

– О, мне и сказанного вполне достаточно. Можете не продолжать, я не настаиваю.

– К тебе возвращается чувство юмора. Отлично. Беда в том, что военные, пришедшие с передовой, скверно адаптируются к гражданской реальности. И внушают страх своим поведением штатским. А общество не может допустить, чтобы какие–то его члены страдали в угоду другим, даже очень заслуженным. Короче, ближайшие два года тебе придется провести в специальном санатории, где военнослужащего постепенно подготавливают к обычной жизни. Считай это своеобразной учебкой.

– Два года?!

– Точно. Ты пройдешь карантин, освоишь нормы гражданского поведения, сдашь тесты – и добро пожаловать в наш серый скучный мир.

– С ума сойти! Это какая–то глупость! Мы же все сейчас живем в смешанных секторах, каждый день взаимодействуем со штатскими и никто пока не пострадал.

– Слик! Не путай население приграничных поясов с людьми внутренних районов. Местные прошли специальные программы на психологическую устойчивость. Они знали, на что идут и кто будет их окружением. Почему люди, ни разу в жизни не видевшие военного, должны вздрагивать каждый раз, когда капитан в

отставке Слик выходит на свой газон перед домом?

– У меня на спине будет написано «военный»?

– Конечно, нет. Но ты же не станешь утверждать, что твое поведение – стандартно и обыватель не сможет сделать соответствующие выводы? Брось, Слик!

Мой вечно робеющий сосед, странные настороженные взгляды на улице. Неестественная вежливость продавцов хот–догов. Возможно, что Гиллис и прав, но висельнику все равно за что сушиться на солнышке – за овцу или ягненка. Мои планы на будущее в любом случае пошли прахом. А возврат на исходную уже перечеркнут печатью иден–кода под прошением об отставке.

– Слик? Ты не заснул часом?

– Вот, что я скажу, док… Вы – те еще ящерицы! Вдвоем с Линденбаумом. Подпиши отставку, единственный выход… Махинаторы. А потом выясняется, что меня запирают в богадельню. Санаторий! Там будут решетки на окнах? А на ночь меня станут пристегивать наручниками к кровати? Я угадал, правда, док?

– Слик! Любой подобный санаторий по площади в несколько раз больше нашей базы. Там есть все для нормальной жизни. Клубы, магазины, бары, бассейны, парки. Люди там заводят семьи и растят детей. Просто пока они не готовы раствориться в социуме, мы вынуждены держать их в специальном фильтрационном лагере.

– Погодите, вы упоминали тесты! А если человек заваливает их? После двух лет этой комфортабельной учебки?

– Значит, он не созрел для нормальной жизни и ему придется задержаться в санатории дополнительно.

– Отлично, – я хлопнул по коленям и закрыл глаза. – Слик, старый ты болван! Вечно во что–то вляпаешься. Воистину, дай дураку веревку, он и повесится!

Док Гиллис растопыренной ладонью на манер расчески провел по своей лохматой голове, покосился зачем–то на экран, после чего заговорил со мной неожиданно вкрадчивым голосом:

– Есть еще один вариант… Как я уже упоминал ранее, существует новый правительственный проект, в котором ты вполне можешь поучаствовать. Трудовой контракт подписывается на пять лет, причем эти годы будут зачтены в твой военный ценз с соотношением полтора к одному. Я давно к тебе присматриваюсь, Слик…

– О, я это заметил!

– Не ерничай. Эта служба, как для тебя выдумана. Есть анкеты по направлениям профориентации. Так вот тут обратное ощущение – что саму специальность писали с тебя. Соглашайся. А

выполнив пятилетние обязательства, ты получишь полностью закрытые три десятка лет на службе, любую точку земного шара на выбор в качестве места жительства и все возможные социальные гарантии…

– Благодарю, док. Можете не продолжать. Эта работа меня не интересует.

– Но почему…

– Я быстро адаптируюсь к вашим уловкам, дорогой Гиллис. Полтора к одному по сравнению с передовой? Благодарю! Там, наверное, предстоит стать добровольным испытателем непроверенной вакцины или на скорость грызть камни. Пусть будет ваш распрекрасный санаторий. Где форма, которую нужно подписать?

Знаете, как тяжело приходится призракам? Ты хочешь потрясти за рукав близкого человека, сказать ему: «Ты чего? Да брось, все образуется! Это ерунда, это проходящее. Есть ты и есть я. И есть мы друг у друга. Остальное можно преодолеть». А совсем недавно близкая и почти родная женщина смотрит сквозь тебя и словно не замечает. И ты с болью до сердечного спазма понимаешь – она тебя больше не видит. Зато ясно видит свое будущее, в котором тебя уже нет. Ты для нее словно призрак из прошлого. И не более того. Хочется взвыть от бессилия. Вы – рядом, но недостижимы. Кажется, что попробуй коснуться ее кончиками пальцев и они провалятся в пустоту. А потом она поворачивается и уходит туда, в свое личное будущее, где уже нет тебя. Ты же так и остаешься – невесомый и никем не ощущаемый.

Райская парковая зона сегодня меня не вдохновляла. В трех метрах от меня из бассейна высунулась блестящая коричневая морда выдры и вежливо тявкнула. Вместо умиления я поймал себя на мысли, что не прочь вывалить на нее мусорный бак. Белоснежная цапля прохаживалась по маленькому пойменному лугу и что–то выискивала в траве, а мне хотелось наподдать ей в корму тяжелым ботинком. Узкая пешеходная дорожка вилась от моих ног, огибая живописных древесных великанов с птичьими гнездами в кронах, но мне было не до них. По этой дорожке от меня только что ушла Тиа. Моя подружка улетучилась в направлении реализации своих девичьих фантазий. Так будет достаточно красиво и образно, дорогой культуролог?

– Слик, я узнавала про ваши военные санатории. В них регламентирован каждый шаг. Чтобы поехать на фестиваль танцев в ближайший город, моей подруге с мужем пришлось за месяц подавать заявление, заполнять кучу бланков, строго придерживаться маршрута. Они даже пообедать в придорожном

кафе не могли по своему усмотрению. Только в специально отведенных местах, представляешь? Два года в таком режиме? Я не смогу. Извини, Слик. Я там просто не выдержу. А моя профессия? Ты подумал обо мне? Кому нужен культуролог в секторе, где живут исключительно военные? А мы еще мечтали о ребенке, – она закрыла лицо руками.

Сквозь плотно сомкнутые ладони пробился всхлип:

– Прости, Слик. Мне очень жаль.

Я окликнул ее в спину, она нехотя обернулась.

– Тиа, с кем ты встречалась вчера?

Растерянный взгляд.

– Чего? Я тебя не понимаю…

– Кто с тобой говорил? Я не спрашиваю о чем, потому что ты наверняка подписала допуск секретности. Да тут и так все ясно – либо пригрозили, либо что-то пообещали. Поэтому я задаю вопрос – кто это был?

– Извини, Слик, но мне кажется, что ты ищешь, на кого бы свалить вину. Ты все устроил сам. Никто в этом не виноват. А теперь прости, мне пора.

И вот теперь она удалилась, а я стоял, пожираемый чувствами вины и утраты. Девушки умеют развернуть ситуацию так, что ты всегда остаешься виноватым. Это искусство, передаваемое по наследству на генном уровне. Словно это я лично только что перечеркнул крест–накрест все наши надежды на будущее. А может, и перечеркнул? Если бы не моя упрямая и своевольная натура… Э–э–эх! Но тогда я не был бы тем самым Сликом, который ей понравился. А нравился ли по–настоящему? Или ее очаровали наши военные льготы и перспективы жить, словно древние магараджи? Все–таки, я – подлец, потому что стараюсь обвиноватить девушку, хотя сам по уши в недостатках.

Хм. А Система оказалась умнее и изобретательней, чем можно было предположить. Как точно она наносит удары. Словно ее действия не сложены из движений и мыслей тысяч человек, а будто за этим стоит один очень недобрый разум. Третьи сутки идут с момента, как мне открылась ужасающая тайна нашего противоборства с мятежниками. Сначала я мучился от осознания, потом раздумывал, как могу противодействовать, но потом со стороны Системы последовало несколько расчетливых выпадов и вот мой мозг раскалывается от собственных проблем, а о масштабных я и думать забыл.

Я поплелся на выход, механически улыбаясь малышам, резвящимся на газоне.

– Хибара! Плюс двадцать два, ужин, мягкий свет.

Хибара. Через неделю мне надлежит съехать из служебной

квартиры вместе со своими пожитками, которые уместятся в одну дорожную сумку. Линденбаум обмолвился, что распределение произойдет в ближайшие два дня. Куда забросит меня рулетка случайного выбора? Зоны для военных имеются повсюду, даже за Полярным кругом. Но сначала отладка системы гомеостаза. Червяк. Нам тоже придется расстаться. Из скольких передряг ты вытаскивал мою задницу? Тебя едва не задело осколком мины, пробившей мою голову восемь лет назад, тебя пришлось восстанавливать, когда я по глупости залез в зону действия секретного радиоэлектронного комплекса. Теперь тебя заменят на гражданскую бессловесную модель. Она обеспечит мне здоровье и долголетие, но это будет просто микропроцессор, без всякой электронной псевдо-личности. Зато его элементов питания хватит на десяток лет автономной работы, потому что расход энергии будет меньше. Червяк, Тиа, Хибара – вот что я теряю. А что остается? Только перепаханное медиками тело бывшего капитана Слика, будущего штатского лица с социальным индексом «Гамма» и позабытым именем Константин. Буква «Г» отныне станет моей эмблемой, поскольку ношение личного коммуникатора на верхней одежде обязательно для обывателя. Так мне объяснил мозгоправ. А программа лояльности правительству? Эти пресловутые РМ – как я с моим характером смогу удержаться на грани? То нельзя, другое нельзя. Док скинул мне основные каноны общественного поведения прямо перед ужином. Спасибо ему – остался голодным. Как почитал файлы, кусок просто в горло не полез. Что же делать?!

Во мне по крупицам, по крошечным кристалликам крепло решение, формировалась уверенность в собственной правоте. Или уверенность в безысходности положения? Придя домой и приняв душ, я с торжественной мрачностью вызвал Гиллиса:

– Салют, док.

– Салют, Слик. Что–то случилось?

– Я насчет вашей непыльной работенки. Той, о которой шла речь на нашем междусобойчике, где мне так нежно дали коленом под зад со службы. Там еще не закрылась вакансия?

Винтик разболтался, винтик извлекли. Но не выбросили в мусорный контейнер, потому как он понадобился в другом узле. Гиллис сказал, что даже подходит идеально. И размер, и шаг резьбы. Что может сделать один винтик против целой Системы? Ничего? Ошибаетесь. Если узел, в который его заново ввернули достаточно ответственный, то этим непокорным винтиком вполне реально заклинить весь механизм. Надо только знать, в какое сочленение его бросить. Чтобы скрежет зазвучал до небес.

Я научусь ждать. Пусть с Дисциплиной у меня проблемы, но

все-таки тридцать пять пунктов там осталось. И я задействую их все, до последнего.

Собеседование. Кто бы мог подумать! То есть, существует возможность, что я не подойду? А ты не зазнался, Слик? Или уже вообразил себя единственным на планете отставным капитаном с плохим послужным списком? Словом, я чувствовал себя очень неуютно, когда толкнул перед собой знакомую светло–зеленую дверь и оказался в овальном кабинете начальника «ПО». Сегодня рядом с Гиллисом восседал уже знакомый мне по трибунальской комиссии общественный наблюдатель. Форменка непонятного образца, неизвестная эмблема. Зато теперь я рассмотрел его получше. У Коэна оказались буйные черные волосы, прореженные проседью. Вместе с кудрявым доком эта парочка походила на небольшое семейство шиншилл. Перед осененными положением и властью мужами дымились паром два бумажных стаканчика с черным кофе.

– Господа, – с запинкой выговорил я, покатываясь внутри со смеху.

Ирония всегда спасала меня от расстройства психики.

А что там Линденбаум тявкал насчет смирения? Капитан Слик учится сдержанности – еще несколько дней назад я счел бы необходимым довести до их сведения свои наблюдения относительно схожей внешности.

– Салют, Слик. Хочу представить тебе Ису Коэна, одного из руководителей нового проекта, о котором я говорил тебе ранее.

– О, Док, вы выражаетесь загадками, словно королева фей. Рад встрече, мастер Коэн.

– Я тоже рад, капитан. Присаживайтесь

Коэн вел себя в кабинете Гиллиса, как хозяин, и я это отметил.

– Мне удалось бегло посмотреть ваше дело, капитан, – важно сказал заезжий чиновник.

– Напугало? Некоторые, я слышал, седеют и начинают заикаться, когда читают мою биографию.

– О, ничуть, ничуть, – он потянулся к своему кофейному стаканчику, сложил губы дудочкой и тихонько подул на напиток. Шумно отхлебнул, с удовольствием причмокнул и аккуратно поставил на угол столешницы.

– Капитан, вы является сторонником анимистического мировоззрения?

– Какого мировоззрения?! – оторопел я.

– А–ни–ми–стического. Вы верите в одушевленность природы?

– Сэр, я верю в нашу цивилизацию, Райские парковые зоны, а все остальное, если оно не является едой, меня не интересует.

– Но позвольте, вы сами говорили на следствии о нашествии грызунов в секторе Танго и даже передвинули сонары на два деления, чтобы исключить захват мелких целей. Этот поступок выглядит так, будто бы капитан Слик подозревал о заранее спланированной акции против его подразделения. А поскольку мы не властны напрямую управлять сознанием диких животных, стало быть, это сделал кто–то за нас. Творец или дьявол, к примеру. Может быть, я неправильно истолковал ваши слова?

– Я не понимаю вас, сэр. Если бы мы пошли охотиться на енотов, мы стреляли бы в енотов. Но нашей целью были более крупные мишени. Именно поэтому я изменил настойки шлемов.

– Понятно. Вы верите в Творца?

– Да, конечно. Я, как и все военные – поклоняюсь Церкви Метрополии.

– Куда после смерти уходят наши души, капитан?

– Тела получает конвертер, а сознание растворяется в нейросети и становится частичкой общественного мышления, пока Творец не решит возродить его заново. Это каждый школьник знает! К чему вы клоните, сэр?

– Спокойствие, капитан. Просто отвечайте на вопросы. Дайте определение слову «грех».

– М–м–м, – я с хрустом поскреб подбородок. – В моем понимании это проступок, дисциплинарный штраф. От обычного залета он отличается неотвратимостью наказания. И еще имеет склонность к суммированию.

– Превосходно, Слик, – Коэн в радостном возбуждении потер ладошки. – Превосходно. Вы чувствуете себя одиозной фигурой?

– Сэр?!

– Пояснить? Хорошо. Вы квалифицируете собственную персону, как неординарную личность, способную увлекать остальных? Как часто вы оказываетесь в самой гуще событий, из которой к вам почему–то липнут наиболее негативные? Не возникало ли ощущение, что все в мире крутится вокруг вас? Что события подвластны исключительно вашей воле? А эта пресловутая татуировка? Что это, случайность или подсознательное стремление проявить вашу истинную натуру: темную, зловещую, необузданную?

– Ха. Док уже зондировал меня на тему светлого или темного начала. А я посоветовал ему применить спектрометр.

– Полагаю, что тут вопрос ясен. Ангел такую татуировку себе не наколет. Смелее, Слик. Нужно признаться. Неужели вы не ловили себя на мысли, что от вас иногда шарахаются люди? Или

наоборот, тянутся, словно к чему–то порочному и запретному?

В моей голове вихрем пронеслись лицо Тиа, острое рыльце соседа Экклза, брезгливая физиономия Гаспара и разнокалиберная шеренга моих сослуживцев. А также появились легкие сомнения в умственном здоровье сидящего напротив меня человека и желание слегка ему подыграть:

– Пожалуй, что иногда можно сказать и так, сэр…

– Закончите фразу: чтобы насладиться всей прелестью цивилизации, нужно сначала…

– Немного постоять по пояс в дерьме! – рявкнул я и, подумав, добавил. – Сэр.

Коэн скосил глаза на дока, потом решительно хлопнул в ладоши:

– Он подходит. Пока еще рано утверждать что–то определенное, но харизма, стремление к деспотизму, взрывной темперамент… Он определенно подходит. Мы берем его, Гиллис. Слик! Контракт не сразу вступает в силу, вам еще нужно время на хирургическое вмешательство, последующую реабилитацию, обучение. Думаю, все займет около полугода. Потом ваши служебные часы затикают в полтора раза быстрее. Что, какие–то проблемы? Нет? Ну и отлично. Капитан, ловите папку с файлами. Все их нужно заполнить, и не последнее место среди этих документов занимает соглашение о секретности получаемой вами информации. Вы поняли меня, капитан? Отчетливо поняли? Вы уверены в этом?

Линия Моллоя. Создано не тобой

Шея начала слегка саднить. Стоячий воротник свеженького белоснежного реглана немилосердно натирал ее. Моллой отвернулся от иллюминатора и нервно покрутил головой, невольно причиняя себе лишнюю боль. «Как же быть с багажом?» – тревожная мысль в очередной раз пришла ему на ум. Накануне Полди проинспектировал его вояж по магазинам одежды, внес свои коррективы и лениво махнул рукой:

– Не забирай вещи. Я распоряжусь, чтобы их завтра доставили прямо в твои апартаменты. Мы отправимся налегке.

И вот теперь, сам не свой от волнения, Моллой летел на шикарном скайховере к новому месту работы. И хотя снаружи аппарат точь-в-точь походил на своих серийных собратьев, убранство его салона превосходило даже бизнес-класс. Роскошные кресла из черной кожи могли раскладываться в кровать, потому что пространство между ними это позволяло. Еще бы – ховер был рассчитан всего на десять пассажиров, хотя

сегодня вез только двоих. Все тут подчеркивало статус – от пушистого ковра на полу, до шелковых занавесок на иллюминаторах и многозонного климатизатора. Стюард в который раз предложил закуски и прохладительные напитки, а Моллой опять выбрал стакан содовой. Горло постоянно пересыхало. Полди, весельчак Полди пытался развлечь приятеля спортивными байками, но все, на что был сейчас способен Моллой – это в такт и не в такт кивать.

На следующий день назначили официальное представление главного Архитектора команде сотрудников, а у него одна рубашка и та взмокла от пота. Нет–нет, в салоне было прохладно, но Моллой все равно отчаянно потел. Команде сотрудников. Как звучит! И между прочим – его, Моллоя, будущей команде. А если багаж не придет? Как показаться на глаза людям в реглане с соляными разводами по лопаткам? От хронического недосыпания последних дней, напряжения и легкой турбулентности Моллоя начало подташнивать. Словно припадая к священному алтарю, ладони несчастного сомкнулись вокруг пластиковой рамки коммуникатора с золотой буквой «А» на экране. Решено! Он прополоскает рубашку под душем в отеле! Должен же в его номере присутствовать душ? Или хотя бы кран с водой? За ночь одежда высохнет, останется только ее погладить. Моллой облегченно вздохнул. Его пальцы нащупали рядом с коммуникатором эмблему принадлежности к проекту – прямоугольник из червленого серебра. «А», знак сопряжения, «Д» – такие ее украшали символы. Моллой вздрогнул и отдернул руку. «Мы переменим название!» – родилась в мозгу полная решимости мысль. Будто кто–то другой громко произнес эти слова в его голове. И Моллой понял: да, ему по силам изменить не только это, но и многое другое. Откуда–то накатила уверенность, что он так и сделает.

– Гляди! – это Полди тронул его за плечо. – Мы уже на подлете.

«Не может быть, чтобы багаж потеряли», – снова подумал Моллой.

Скайховер почти лег на один бок, совершая вираж. Вдалеке, за зубастой цепочкой скал плескались бирюзовые волны моря. В зелени крон уютно расположились коробки жилых корпусов, словно на живописной картинке с рекламной заставки какого–нибудь комфортабельного пляжного отеля.

– Вот она, наша обитель. Привыкай, – улыбнулся Полди в ответ на вопросительный взгляд Моллоя. – Комплекс с подземными этажами рассчитан на шестьдесят тысяч человек. И пустых комнат там очень мало. У нас своя линия магнитопланов,

вернее, полтора десятка линий. Они также запрятаны вглубь. – Полди наклонился к пилоту и скомандовал. – Летим к объекту!

Моллой жадно приник к круглому окошку. Под ними по–прежнему простирался бесконечный изумрудный лес.

– Какая красота! – вырвалось у коренного жителя мегаполиса.

– Приготовься, – предупредил его Полди.

И Моллой увидел ЭТО. Словно безжалостным совком экскаватора из живого малахита растительности вырезали гигантский прямоугольник. Геометрически правильные края карьера уходили вглубь на сотни метров. Под солнечными лучами стены блестели красно–желтым бутербродом глинистых сланцев и песчаников. Через равные промежутки к поверхности вздымались монолитные опорные колонны, увязанные в единое целое ячеистой сетью швеллеров и двутавров. Ховер на несколько секунд завис неподвижно, а потом нырнул прямо вглубь котлована. Моллой испытал настоящий шок, когда смог оценить масштабы строительной площадки. Куда хватало глаз, везде кипела деятельность – ворочались манипуляторы тяжелой техники, сотни сварочных аппаратов разбрасывали в разные стороны синие искры, в недра земные тяжело вгрызались многотонные буры.

– Двадцать миль в длину и две в ширину. Ты смотришь на прообраз Пургатора – первого круга нашей преисподней, – прокомментировал Полди. – Он похож на верхнюю ступеньку лестницы, а остальные ярусы находятся дальше, их отсюда не видно. Мы ползем снизу вверх и весьма преуспели. Суди сам – полным ходом идет монтаж рельефа самого близкого к поверхности уровня. Что это значит? А то, что остальные практически закончены. И часть предприятий уже функционируют в штатном режиме! Например, биохимический комплекс. Только под лаборатории молекулярного синтеза выделено более трехсот пятидесяти акров. Но это всего лишь второстепенная площадка. Скажем так – служебные помещения. Расширяем очистительный коллектор, будем пристраивать новые мощности установки регенерации воздуха, похоже, что это все нам понадобится. Ну, а теперь набери воздух в легкие – сейчас мы будем наблюдать главное поле битвы.

– Творец всемогущий, – прошептал Моллой.

Через несколько минут стремительное тело скайховера завалилось за край первого уровня, и еще более ошеломляющая картина предстала перед его глазами. Из земли выбрали исполинский террикон породы. Материала хватило бы с избытком на то, чтобы сотворить дюжину египетских пирамид. Идеальный по геометрии параллелепипед пустоты уходил вглубь

земной тверди, его дно терялось из виду за слоеным пирогом опорных конструкций.

– Пургатор задуман уступом, поскольку в нем сосредоточено много систем жизнеобеспечения для всего объекта, а прочие круги мы расположим вертикально. Кроме одного – среднего, где по генеральному плану у нас что–то вроде озера, – пояснил Полди. – Этот получился вообще слишком тяжелым, поэтому его пришлось выводить за общий колодец. Мы не до конца заполнили проем, так легче доставлять строительные материалы и технику. Как видишь, многое уже реализовано. И из твоих чертежей тоже.

– Сколько их всего будет? Я имею в виду – уровней?

– Семь, разумеется. По классике.

Многоногие краны–мастодонты на струнах витых канатов опускали вглубь связки металлических конструкций. Моллой различил вдали, на фоне раскаленного солнечного диска несколько грузовых геликоптеров. Сотня человек висела вдоль стен на страховочных ремнях и орудовала плазменными резаками.

– Сколько лет уже ведутся работы?

– Ха. Хороший вопрос. Отвечу так, активная фаза проекта заняла у человечества неполных девять лет. Через два года мы должны закончить его. Ты его закончишь, – значительно сказал Полди.

Моллой повернулся от иллюминатора. Их взгляды скрестились.

– Кто занимался проектированием до меня? Я не слепой и память у меня не отшибло. Здесь сделано в тысячу раз больше, чем проходило через мои руки. Не говоря уж о том, что девять лет назад я в институте чертил теплицы для фермеров.

Глаза Полди на миг покрылись прозрачной коркой льда:

– Пусть тебя не волнует личность твоего предшественника. Объект поручено завершать нам. Что бы не было сделано – это только набросок, общий контур. На тебе весь внутренний ландшафт, концепции уровней, их детали. Пусть по сути своей ты станешь Дизайнером, но для всех твоя должность называется – Главный Архитектор. Так будет записано на скрижалях истории. И только это имеет значение, – с нажимом добавил он.

Смуглая горничная – «чарли» плавно провела рукой с зажатым в ней коммуникатором и дверцы стеновых панелей распахнулись.

– Здесь находится деловая одежда. Регланы, рабочие комбинезоны. Все, что нужно для отдыха и прогулок – в шкафу справа. Внизу – обувь.

–А–а–а размеры? – немного смущаясь, спросил Моллой.

– Ваши параметры занесены в процессор электронного управляющего, – равнодушно ответила девушка. – Если что–то будет нужно – свяжитесь со мной по интеркому рецепции.

Когда дверь за ней закрылась, Моллой еще раз окинул взглядом свои апартаменты. Кабинет с видом на море, большая гостиная, никелированные детали барной стойки. Полупрозрачная занавеска спальни колыхалась от свежего ветерка. Посередине просторной прихожей одиноко стоял его багаж – два стильных, накануне купленных саквояжа из клетчатой замши. Как же смешно они выглядели на фоне открытого одежного шкафа с длинной шеренгой заполненных вешалок!

Информационная панель холла зажглась пиктограммой входящего вызова. Моллой заметался в поисках пульта управления, потом выругал себя и нажал на личном коммуникаторе кнопку приема. На экране возникла симпатичная мордашка незнакомой девушки с короткой стрижкой. Мягкие черты лица, ровные дуги темных бровей, широко распахнутые антрацитовые глаза креолки. Она сидела за овальным пластиковым столом, за ее спиной виднелись ровные пирамидки кипарисовых деревьев:

– Здравствуйте, меня зовут Тониа. Я – координатор бэк–офиса и ваша личная помощница. Завтра в девять утра у вас по графику встреча с главами отделов. Я забронировала нам переговорную номер один, там достаточно места, чтобы разместиться с комфортом. Метка на карте коммуникатора проводит вас прямо до двери. Будут какие–то особые указания?

– Нет, пусть все идет, как обычно, – быстро сказал Моллой.

Красиво очерченные губы Тониа чуть изогнулись в легкой улыбке, в глазах блеснули очаровательные смешинки:

– Как обычно? Ничего подобного у нас еще не было. До сих пор ваши работы и указания мы получали лишь в виде файловых сообщений.

«Мои работы? Мои указания?» – в панике подумал Моллой.

– Я вышлю вам на почту список приглашенных на совещание лиц. И регламент.

– Хорошо, Тониа. Мы начнем с докладов о текущем состоянии дел, – выпалил Моллой наугад.

Помощница согласно качнула головой, легким движением отбросила с глаз челку:

– Отлично. Я внесу изменения в распорядок. На сегодня будут какие–то назначения?

– М–м–м. Не знаю, – вырвалось у Моллоя, но он тут же исправился. – Нет. Сегодня я собираюсь самостоятельно

ознакомиться с документами.

– Все документы в вашей личной папке. Путь покажет электронный секретарь.

– Спасибо, Тониа. Вы свободны. До завтра, – почти протараторил Моллой.

– До свидания, Архитектор, – вежливо ответила девушка и экран погас.

Моллой всплеснул руками, потом осторожно опустился на белоснежный диван гостиной. Глянцевая кожа легонько скрипнула под его весом. Он растерянно провел ладонью по прохладной обивке. Личная помощница! Что, интересно, скажет Лори, когда узнает о такой сексапильной помощнице? Моллой невольно улыбнулся воспоминаниям. Их первый совместный ужин закончился только утром, в ее уютной квартирке на 32–й Эспланаде. Настоящий миниатюрный сад из нескольких десятков бонсаев стал безмолвным свидетелем их объятий. Потом было несколько торопливых ланчей, втиснутых в напряженный рабочий график, и бурная ночь перед самым отъездом. Когда они прощались, в глазах Лори стояли слезинки. Получится ли сделать для нее допуск? Смогут ли они встречаться здесь, в субтропическом раю, или Моллою придется летать к ней, выкраивая время для выходного? Панель вновь осветилась входящим звонком. Полди, уже переодетый в кремовую футболку и короткие шорты, помахал Моллою рукой с экрана:

– Я внизу, в баре на веранде. Отсюда открывается роскошный вид на океан. Заказываю два пива. Спускайся быстрее.

– Мне нужно готовиться к завтрашнему совещанию, – отрицательно покачал головой Моллой.

– Для этого в твоем распоряжении будут еще семьсот тридцать дней и ночей. Знаешь, в рамки служебного распорядка не уместишь все ситуации, что могут произойти на объекте. А нам с тобой предстоит работать бок о бок, – Полди остановился и значительно прибавил. – Доверять друг другу. Ты – художник, а я – твои механические руки, курсор на чертеже. Вся служба персонала – на мне. Так что, я настаиваю на своем приглашении. Холодное светлое пиво. И порция сарделек с чесночной подливкой. Спускайся.

От мраморного пола веранды поднималась свежая волна кондиционированного воздуха. Моллой опасливо обогнул механического полотера и угнездился за столиком напротив своего нового соратника. Вежливо отстранил бокал с пивом:

– Я с института не пью ничего крепче минеральной воды.

Полди решительно поставил посередине стола заградительный барьер своей ладони:

– Привыкай. Здесь мы не брезгуем сильными средствами релаксации. А тебе нужна полноценная перезагрузка с форматированием файлов. Прозит.

– Прозит, – вздохнул Моллой и сделал аккуратный глоток.

– Как устроился?

– Отлично.

– Ага. Я лично проверял твое размещение. Окна с видом на закат… Вдохновляет, правда?

Моллой торопливо кивнул и, чтобы скрыть замешательство, вновь пригубил пиво. Полди последовал его примеру и отхлебнул сразу половину кружки.

– Наверное, внутри клокочет уйма вопросов?

– Даже не знаю с чего начать… Сколько людей занято сейчас на проекте?

– Среднесписочный штат – пятьдесят пять тысяч. Из них девяносто девять процентов – переменный состав. Люди прибывают на два месяца, выполняют свой объем назначений и отправляются восвояси. Конфиденциальность полная. Когда мы вступим в завершающую фазу, рабочие станут меняться еженедельно.

– Так ведь это…, – у Моллоя перехватило дыхание.

– Затратно? – подсказал Полди.

– Угу.

– Очень затратно. Но ты не забыл, что именно мы строим? Прозит.

Их кружки быстро осушились, и Полди заказал новые порции. Его экран тут же блеснул желтой вспышкой сигнала от Департамента здравоохранения. Дождавшись, пока официант заменит опустевшие бокалы, Моллой осторожно произнес:

– Я ни на секунду не забываю о сути проекта. Но… все–таки… не понимаю… Зачем?! – вырвалось у него под конец. – Наше общество возводит невиданную по масштабу конструкцию! Вкладывается невообразимое количество средств. Зачем?!

В его голову уже ударила мягкая волна первого опьянения. Полди бросил почти неуловимый взгляд по сторонам и насмешливо поинтересовался:

– А сам ты как думаешь?

– Не знаю. Понимаю, что решение обсуждалось, взвешивалось, но все равно не могу найти ответ.

– Ответ лежит в нашей культуре, в нашей истории. А также, – Полди выразительно постучал себя по лбу. – Вот здесь. Помнишь наш первый разговор? Человечество всегда вело войны. Постоянно. Даже когда каждый солдат или обыватель с обеих сторон понимали их полную бессмысленность. Шли дискуссии о

гуманизме, всепрощении и казалось – уже ничто не заставит людей взяться за оружие, но томагавки войны выкапывались моментально и при первом удобном случае. Почему?

– Может быть,– врожденная жестокость?

Робот–полотер, сопя, прополз под их столом. Моллой аккуратно приподнял ноги, пропуская его темно–синюю полусферу, а Полди пренебрежительно подтолкнул уборщика носком открытой сандалии.

– Может быть. А может быть, и нет. Знаешь, ученые подсчитали, что если бы цивилизация в любой момент своего существования взяла бы и перенаправила на другие нужды военные расходы – на Земле ни один человек не умер бы с голоду. Безотносительно от оружия, что тогда держали в руках солдаты. От окованных бронзой палиц до баллистических ракет. В темные века или в эру технического прогресса. Зачем расходовались такие бездны ресурсов? Почему народы не могли договориться? – Полди подцепил вилкой сардельку за прожаренный бок и сделал ей вопросительный жест в сторону коллеги.

– Не доверяли друг другу.

– Именно. Взаимное недоверие по причине взаимного страха на тему, что противная сторона окажется сильнее, быстрее, оснащеннее. Страх. Вот истинный двигатель нашей цивилизации. Перед врагами, часто придуманными, собственными властями, неопределенным будущим, животный ужас перед сверхъестественным. Страх перед всем, что непонятно и что понятно тоже.

– Может, все–таки природная агрессия?

– Тебе позволительно этого не знать, но за агрессию и страх в нашем организме отвечает один и тот же гормон. Только срабатывает он в ту или иную сторону. И этим во все времена кто–то умело манипулировал. Страх, как способ контроля. Ничего не изменилось. Нам по–прежнему очень нужен страх.

Моллой даже зажмурился. Полди говорил такие вещи, что его коммуникатор должен был просто расколоться от предупреждающих сигналов. Но ничего не произошло. Моллой нервно отпил из своего бокала.

– Иными словами…, – неуверенно начал он.

– Иными словами, мы возводим здание собственной религии. Прогнозируемой и отвечающей интересам строя. Ее не надо будет перенастраивать, чтобы объяснить новые научные открытия. Она изначально помещена внутрь общества. Пройдет пара поколений и система заработает. То, что кажется сейчас безумным, органично врастет в сознание масс, как неотъемлемая часть

структуры. Хотя, если разобраться, сама задумка и сейчас не так наивна, по сравнению с тем, что выкидывалось в людские массы ранее и прекрасно срабатывало. Не буду приводить конкретные примеры – их полно в любом учебнике для старшей школы.

Моллой нахмурился. Нечто подобное он слышал уже почти в прошлой жизни. В вечер своего триумфа. В затрапезной забегаловке от спившегося старика по имени Рими. Как он напрягся, когда услышал названия «Прайд», «Инфиделити»! Сразу понял. А Моллой не догадался, даже когда чертил макеты. Жаль, что судьба не дала им больше времени для беседы. А может, попробовать навести о нем справки? Этот Рими, с его оригинальными взглядами мог бы стать незаменимым консультантом в работе.

– Все ради страха, – прошептал Моллой потрясенно.

– Не только. Прогнозы маркетологов сулят немалую коммерческую выгоду от проекта. А какие возможности таит преисподняя для нашей пенитенциарной системы? Ты хоть представляешь, сколько земли ныне отдано под исправительные заведения? Какие средства и усилия мы тратим на их обслуживание?

– И что, подземный ад готов вместить всех изгоев?

Полди смущенно почесал нос.

– Не совсем так. Для них у нас пока предусмотрен только один уровень. Но кто сказал, что мы ограничимся его размерами? Главное начать, а дальше можно копать и копать! Пока всем грешникам не достанет там места. Приближаются решающие сроки. Мы ведем войну, но скоро она закончится. Антропоморфы будут стерты с лица Земли. Нам немедленно понадобится новый стержневой фактор, который сможет объединить граждан вокруг одной идеи. И этим фактором станет наш проект.

– Как возникла сама идея? Кто ее автор? – медленно ворочая языком, поинтересовался Моллой.

Полди медленно достал из держателя зубочистку и воткнул ее в угол насмешливой ухмылки:

– А вот этого мы с тобой знать не должны. Есть вопросы, на которые не нужно искать ответы. Они созданы не для ребусов, а для того, чтобы со временем стать легендами.

Хронометр уже тридцать минут отсчитывал новый день, когда Моллой нетвердой рукой отрыл дверь собственных апартаментов. Он долго путался с включением света, потом, наконец, зажег центральную люстру. Стянул с себя рубашку, пустил воду в душевой кабине, потом нашарил в кармане парочку отрезвляющих пилюль, которые ему дал Полди, и растворил их в

стакане с водой. Проглотив шипучую смесь, долго фыркал под прохладными струями. В голове ветром шумели токи крови, а сознание никак не хотело проясняться. Вернувшись в гостиную, он обратил внимание, что на компьютере мигает индикатор входящей почты. С сомнением кинув взгляд на белоснежную простынь кровати, Моллой прошлепал босыми ногами по паркетным плиткам и опустился в рабочее кресло. Привычка доводить все до конца не пустила его спать. Он открыл почтовую программу. Два непрочитанных письма висели во входящих посланиях. Текст первого высветился на экране и губы Моллоя беззвучно зашевелились – он пробегал сообщение, особенно не вникая в смысл. Потом его глаза широко распахнулись, а ладони машинально несколько раз протерли лицо. Моллой помотал головой и начал читать заново:

«Здравствуйте, дорогой Архитектор. Собственно, так же можно обращаться и ко мне, но, во избежание путаницы, я не против именовать себе Проектировщиком. Как вам новое место работы? Не слишком ли придавил плечи груз ответственности? Удобной ли вы находите свою квартиру? Надеюсь, что да, ведь от вашего психологического состояния теперь зависит все. Спасибо вам за талантливые и даже где–то дерзкие идеи – они были использованы. Как и разработки многих других людей, имена которых вам неизвестны. Но теперь палочка дирижера у вас руках, и от ее взмахов зависит окончательный вид объекта. Надеюсь, что вы не будете против наших еженедельных консультаций. Тем более, что это решено не мной и не вами. Я полностью полагаюсь на ваше благоразумие. Вы же не будете пытаться ничего выяснять? Поверьте, последствия от чрезмерной любознательности могут быть весьма прискорбными. Так что давайте оставим все, как есть. Сожалею, что наше общение будет носить несколько односторонний характер. Я раз в неделю буду сбрасывать на вашу почту собственные мысли, а вам, в свою очередь, придется обзавестись привычкой ставить меня в копию, отсылая отчеты наверх. В вашем почтовом списке я так и значусь – «Проектировщик». На данное письмо не нужно отвечать. Заметили, что оно помечено сбоку черным флажком? Оно самоуничтожится через десять минут после прочтения, и не пытайтесь скопировать текст – зря потратите время. С корреспонденцией, что помечена коричневым флажком, поступайте, как заблагорассудится. К этому типу файлов принадлежит второе мое послание. В нем я позволил себе дать характеристики вашим новым подчиненным – надеюсь, что эти сведения вам пригодятся.

Нахожусь в предвкушении интересной совместной работы.

С уважением,

Ваш Проектировщик».

Моллой сидел неподвижно, пока компьютер не подтвердил, что одно письмо удалено из памяти. Затем поднялся, дошел до своей неразобранной постели и провалился в белый омут сна.

Линия Метрополии

Рассвет прошелся по часовым поясам Земли оранжевым гребнем солнечных лучей. Ничем не примечательное утро, если говорить о планете в целом, но наверняка особенное для многих жителей в отдельности. Кто-то праздновал день рождения, у кого-то случились другие события – радостные или не очень. Но все они отступили по сравнению с тем, что произошло этим днем с земной Метрополией. Без предварительного шатания или скрипа рухнула устоявшаяся система ценностей. Ее называли Particula Mentis или шкалой Дюфора. По ней уже не один десяток лет выверяло всю свою жизнь население, на нее ориентировались общественные институты. Пыль еще не успела осесть на обломках универсального обменного эквивалента, как на месте системы РМ воздвиглась конструкция, призванная стать новым мерилом всего для граждан Метрополии. И имя ее было лаконично – «Кодекс».

На многочисленных новостных каналах и популярных ток–шоу запестрели эксперты, все, как один с честными и заслуживающими доверие лицами. Эти умнейшие люди вовсю разносили прежнюю шкалу (как будто прозрели после многих лет мыслительной слепоты) и приводили очень весомые аргументы в пользу «Кодекса». Население протерло от сна заспанные глаза и стало слушать.

– Во все века государственные системы пытались регламентировать взаимоотношения граждан законами, – заявил один общественный деятель, очень известная личность. – Что есть законы? Да это всего лишь неуклюжая попытка подражания святым книгам того или иного этноса. Именно им – Талмуду, Библии, Корану, Ведам, Махабхарате и другим священным писаниям. Формы правления сменялись, но каноны религий оставались незыблемыми. Время проверило их истинность.

– Каждой в отдельности? – насмешливо вопросил оппонент уважаемого человека, особа, очевидно, поверхностная.

– Разумеется. Раз их читали, учили и цитировали тысячелетиями. Несмотря ни на что они не теряли свою актуальность. Ни гонения властей, ни научные открытия не могли поколебать религиозные догматы. Разве это не удивительно? А знаете почему? Все просто. В них запечатлена правда. Так следует

жить. Они подскажут человеку выход из любой ситуации, утешат, когда понадобится, а если в том будет необходимость – осудят и пожурят.

– И что же «Кодекс»? Как он связан с этими сводами религиозных догм? – задал ведущий программы весьма своевременный вопрос.

Эксперт улыбнулся очень теплой и доброй улыбкой.

– Он включает их все. «Кодекс» – есть компиляция накопленных человечеством за время своей истории правил поведения. Сиречь – законов. В нем каждый гражданин найдет для себя путеводную нить и руководство к действию. А также – свод грехов, которых следует избегать.

– Скажите проще – свинину можно будет есть? – влез неугомонный скептик.

– А это зависит от вашего религиозного мировоззрения. Кому-то – да, а кому-то – ни в коем случае. «Кодекс» не только всеобъемлющ, но и беспрецедентно индивидуален.

Аудитория студии, где проходил диспут разразилась аплодисментами и одобрительными криками. Оппонент посрамлённо преклонил голову.

– Как пользоваться «Кодексом»? – поинтересовался ведущий.

Несомненно, этот вопрос сейчас интересовал очень многих.

– Давайте я отвечу, – поднял руку помалкивавший до этой секунды правительственный чиновник. – Все, что нужно гражданину, это набрать в поисковике слово «Кодекс». Подойдет также «закон», «свод» и «канон». На первой строчке вы увидите официальный портал нового образа жизни. Пройдите регистрацию через свой иден-код и дальше следуйте инструкциям. Вам предложат на выбор множество религиозных доктрин. Тут стоит внимать зову своего сердца. Да, да, конечно, там есть все наречия Земли, а не только интернациональный язык. Для слабовидящих предусмотрен аудио– гид. В итоге вы получите пересчет РМ-баланса на новый сравнительный эквивалент. Рекомендую также внимательно ознакомиться с заповедями «Кодекса». Отныне ваша жизнь пойдет в согласии или в противоречии с ними.

– А единица? Какая у нас теперь единица? – проснулся оппонент. – «Particula Mentis» же упразднена?

Общественный деятель важно кивнул:

– Естественно упразднена. Что касается нового мерила… Зачем пытаться изобрести то, что давно придумали за нас наши пращуры? Это – добродетели и грехи, конечно. Мы возвращаемся к истокам. Мы возвращаемся к истине.

Программист Фалдкирк, социальный класс «браво»,

выключил передачу. Он считал себя человеком проницательным, с развитым эмоциональным интеллектом, поэтому очень болезненно реагировал на фальшь или попытку обмана. А тут полотно правды расползалось и отовсюду торчали белые нитки лицемерия. Неужели этого никто не замечает? Фалдкирк набрал в поисковой строке «Кодекс», предвидя, что портал, наверное, сейчас висит от перегрузки. Ничего подобного, он зашел сразу. «Зарегистрироваться». Фалдкирк указал свои данные, подкрепил их иден-кодом, ввел секретный пароль, сразу прикидывая насколько надежна сама система и трудно ли будет ее взломать. Программисты – как дети, они любят развинчивать свои игрушки.

«Выберите религию». На экран монитора выползла целая таблица. Чего там только не было. Ладно, более тридцати направлений одного только христианства, но «Умбанда», «Шветамбары», «Чучхеизм», «Зороастризм»? Фалдкирк считал себя сочувствующим прихожанином Церкви Творца, правда сочувствующим издалека и время от времени. Но соблюдать все эти глупые обеты… Нет, ни в коем случае! Поэтому он нашел в конце списка «Атеизм» и, немного гордясь своей исключительностью, нажал «Принять мировоззрение».

«Вы уверены?» – спросил портал, «Да» – подтвердил новоиспеченный атеист. «Вам предлагается пройти специальный тест, чтобы подтвердить истинность вашего выбора». Фалдкирк радостно потер руки. Он сам соорудил немало скритов и опросников, поэтому знал, как работает мысль их создателей и жаждал поединка. Двадцать минут он разрушал хитросплетения контрольных вопросов и подталкивающих выводов, не реагировал на провокации и уловки, которые могли сбить с толку, одновременно досадуя, что ему не пришлось поучаствовать в создании «Кодекса» – он, пожалуй, мог справиться и получше.

«Поздравляем. Вы – настоящий атеист» – подвел итог его усилий портал. «Внимание! Сменить религиозное мировоззрение вы сможете не ранее, чем через календарный месяц». Фалдкирк с удовлетворением отвалился на спинку кресла. Он только что подтвердил свой высокий мыслительный потенциал. Никто не может его обхитрить.

«Ваш уровень Добродетельности составляет 7143 пункта». А это еще что такое? Фалдкирк сначала напрягся, а потом облегченно выдохнул – его РМ-баланс на вчерашний день насчитывал 71432 единицы, создатели Кодекса просто убрали один знак. Так государственные системы время от времени избавлялись от инфляции. Может быть все именно ради этого, а остальное – лишь мишура, которая слепит глаза наивным людям?

На его коммуникатор пришло сообщение. Некий пастор

предлагал встретиться в ближайший служебный выходной. «Речь идет о спасении вашей души» – так проникновенно задрапировал он свое агитационное послание. Фалдкирк презрительно хмыкнул. Не на того напали. «Отклонить приглашение». Через минуту он обнаружил, что 43 169 членов социальной сети «Кодекс» считают его болваном. А еще через пять минут баланс Добродетелей Фалдкирка «похудел» на 300 единиц. «Вы нарушили одну заповедей христианства и повинны в Гордыни» – такая формулировка сопроводила отъем баллов. Брови атеиста поползли вверх? Да почему?! Он же не верит ни в Христа, ни в Святую Троицу! И даже существование Иеговы подвергает сомнению. Какая гордыня?

На коммуникатор Фалдкирка упало еще несколько приглашений на религиозные встречи. От суфия, муллы, кнезда и хунгана секты Вуду, в частности. Будучи человеком практичным и отнюдь не глупым, он теперь нажал «Подтвердить», после чего горестно осознал, что на ближайший месяц все выходные у него расписаны наперед.

Еще переживая нелепость своего положения, Фалдкирк набрал на пищевом компьютере код своего обычного завтрака – яичница из трех яиц с хорошо прожаренным беконом и каперсами, но не успел вкусить пищу, как коммуникатор снова ожил. Его цветовой сигнал был тревожно – красным, так Метрополия обычно сообщала о штрафах и взысканиях. «Внимание! Вы употребили харам. За нарушение второй суры и сто семьдесят третьего аята Вы теряете 50 единиц Добродетели». И это было еще не все. За пренебрежение Шмини, поедание «давар-ахера» со ссылкой на Тору, Фалдкирк лишился симметрично еще пятидесяти пунктов обменного эквивалента.

Он взвыл. Как же так? Почему на атеиста ополчились все религии? А государство благосклонно поддержало их претензии? И тогда он понял принцип работы «Кодекса». Мороз пробежал по коже от того, что Фалдкирк осознал, как сложно будет протянуть месяц и остаться в «плюсе». Потом, конечно, он примкнет к какому-то верованию. Программист открыл коммуникатор и набрал в поисковой строке: «Безопасный завтрак для атеиста».

Оператор плантаций голубики Рырка Алтынпай решительно набивал курительную трубку. Его супруга несколько дней назад разорвала брачный контракт по причине невыносимых привычек и вредных пристрастий мужа. И переехала в ближайшую социальную гостиницу. А ему хотелось курить. Сколько обычно стоила чете Рырка слабость главы семьи к табачному зелью? До 1000 РМ в месяц. Жена вечно брюзжала. Теперь Рырка остался один. А его бывшая половина уже поменяла статус из «Состою в

браке» на «В активном поиске» и рассматривает предложения других мужчин. Ну и что! Отец Рырки курил, дед курил и бабка тоже не расставалась с трубкой. Почему он не может?

Голубиковод гордо зашел в гостиную своего пустого дома и демонстративно выдохнул дым. Вот. Теперь никто не станет ему указывать. На коммуникатор Рырки пришло сообщение: «Метрополия просит вас зарегистрироваться в «Кодексе». Напоминаем, что в связи с переходом на новую систему ценностей, сегодня объявлен общепланетный выходной день». Да, на работе его предупреждал начальник, а еще какой-то приезжий объяснял собранию фермеров, каким образом нужно обращаться с интерфейсом портала.

В разделе «Религия» Рырка без колебаний выбрал «Шаманизм». Его РМ-баланс после регистрации трансформировался в 4 069 баллов Добродетели. Но Рырке было все равно, он мало тратил. Больше всего уходило на соль, муку и табак. Пельмени из оленины он лепил сам, а в морозильнике до сих пор лежало полцентнера китового мяса – ему, как и другим работникам разрешалось раз в полгода добыть по белухе. Правильно. Куда их столько развелось? Больше нужно стрелять – плавают, попадают под винты судов, гибнут без толку.

«Шаманизм». Рырка залез в погреб и через десять минут поисков выбрался оттуда с бубном. Старый наследный варган был обшит оленьей кожей, а по бокам болтались колокольчики. Рырка вышел на веранду и впервые за свою жизнь начал камлать. Он стучал в бубен, припадал к земле и издавал гортанные крики. В детстве он не раз наблюдал, как это делал его дед и теперь пытался воспроизвести движения по памяти. После ритуального танца Рырка немного вспотел. Жаль. Старики говорили, что раньше северные люди меньше потели. На коммуникатор оператора голубики свалилось сообщение: «За выполнение обряда камлания вам присвоено 40 единиц Добродетели».

Рырка удовлетворенно хмыкнул и пошел в кухню за табаком. Хорошая Система, хороший «Кодекс». Теперь он может сколько угодно стучат в бубен. И курить. Никто не посмеет указывать ему, как жить, кроме Шаманизма.

Общественный стражник Вижал Пранай, класс «Гамма» не мог скрыть своей радости, когда регистрировался в новом своде законов. Он проштудировал все методички, которые смог отыскать в нейросети, долго обсуждал нюансы с коллегами и своим начальником караула – достопочтенным Гуркираном Джаешем. Стражнику Вижалу было уже тридцать восемь лет, а до уровня «Бетта» оставалось намного дальше, чем до шага назад в статус «Дельта». Он воспринимал порядок вещей, как явление

«майи», иллюзии, поэтому исповедовал образ жизни «дхармы» и рассчитывал на поворот колеса «сансары», который освободит его незаслуженно низкой касты. И вот это произошло. Вижал выбрал «индуизм», получил выверенный подсчет его сегодняшнего уровня кармы, а потом произошло именно то, на что стражник даже надеяться не смел. Коммуникатор прислал ему уведомление: «Вы причислены в варне «кшатрии». Губы Вижала дрогнули, из глаз потекли слезы. Отныне он воин по призванию и рождению, из кшатриев и только из них вели род все великие цари мира. А воспоминание о классе «Гамма» лучше побыстрее стереть из памяти. Стражник преисполнился благодарностью и почтением к Метрополии. Ему не терпелось выйти на службу, чтобы блюсти закон и порядок. Скорей бы закончился этот выходной!

Актриса Вивьен Мидо с интересом просматривала почтовые сообщения. Вот письмо от чиновника Департамента Здравоохранения. Личное. Ти–А–Лунг умолял о прощении и предлагал встретиться в ближайший уик-энд. Он расписывал свой новый домик в горах, намекал на изысканный подарок с содержанием драг.металлов. Вивьен уже подзабыла в чем именно этот тип провинился. Ах, да! Он явился на официальный прием по случаю открытия очередного Центра Реабилитации Ветеранов со своей новой пассией – ширококостной блондинкой, подвизающейся на эпизодических ролях в фильмах для взрослых. Надутый глупец. Впрочем, подарок можно принять, если он вправду стоящий. Пожалуй, что придется потратить на него эти выходные. Только сначала пусть покажет презент, Вивьен не собиралась давать ему шанс себя одурачить. Сперва украшение, а потом она позволит к себе прикоснуться. У нее в последнее время появилось немало поклонников подобного толка, и Вивьен могла по своему усмотрению принимать или отвергать самых влиятельных мужей Метрополии. Ее свежее личико постоянно мелькало на экране, как в сериалах, так и в рекламе.

Она прочитала свежие отзывы о себе известных критиков и блоггеров, из разряда тех, на кого поглядывают представители богемы. «Пленительнейшая из гурий экрана», «обольстительный образ роковой красавицы» – ничего, слишком слащаво, лапидарно, но мужчинам с воображением это нравится. Попробовали бы они написать про нее гадость – министр Информации входил в число регулярных партнеров Вивьен. И вообще, почти все блага мира уже приплыли к ее стройным ножкам. Класс «А», несколько личных резиденций в разных уголках планеты, пара скайховеров, спроектированных специально под нее, слава, уважение и почти гарантированное

место в ряде Департаментов на выбор после завершения карьеры. Личный счет РМ-баланса зашкаливал за десять миллионов.

Поэтому Вивьен достаточно равнодушно заполнила анкету «Кодекса». Религиозное мировоззрение? Да, пожалуй – христианство, католицизм. Какая разница, по каким параметрам идет подсчет? Или в новом мире мужчины перестанут ее вожделеть? Так что, когда в меню баланса появилась цифра 840 баллов греха, она даже не сразу поняла, в чем дело. Но рядом с показателем тут же высветился красный восклицательный знак, а внизу, под табличкой Вивьен прочитала: «Внимание! Вы находитесь в зоне греха!». Она провалилась в активную ссылку на слове «грех» и там, в новом окне ее прекрасным глазам предстала детализация всех проступков: «Вы обвиняетесь в прелюбодеянии, лжи, лицемерии, гордыни, кумиротворчестве». Вивьен увидела, как штрафы за смертные грехи просто разорвали, уничтожили ее шкалу Добродетелей.

Кто сводит с ней счеты? Лихорадочно девушка перебрала в памяти своих соперниц по экрану. У кого-то завелся влиятельный покровитель? Она постаралась вспомнить всех мужчин, которым отказала в последнее время. Кто из них?

Ее коммуникатор наполнил комнату нежной трелью звонка – мелодией из песни, ей же и посвященной. В динамике раздался голос: «Вивьен Мидо! Прослушайте автоматическое сообщение общественной стражи. Вы находитесь в зоне греха. Метрополия, в бесконечном терпении своем дает вам пятнадцать месяцев на исправление, после чего вы, при жизни, на время будете помещены в преисподнюю. Обратитесь к Добродетелям всей силой вашей души, пока не поздно».

Вивьен разрыдалась. Но сообщение, пришедшее на почту слегка успокоило повелительницу мужских сердец. «Мисс Вивьен, вы приглашаетесь на исповедь и беседу о пути Добра в Церковь № 112 по адресу: Венторис, 6-я Эспланада, строение 44. Отец Вениамин». Еще есть время. Она обязательно исправится. И отомстит своему тайному врагу или завистнику, кем бы он не был. Только сначала посетит священника, а потом начнет действовать. Слезы высохли. Вивьен поднялась и своей изящной походкой направилась к ростовому зеркалу.

На севере сто семидесятого «арриала», затерянный среди каменистых сопок и остатков некогда могучего ледника вольно существовал поселок Тюлений. Название его произошло от бывшего лежбища ластоногих, которые исчезли из этой местности сразу после того, как растаял ледник. Зато чаек и прочей крикливой птицы вокруг было невпроворот. Свежему человеку уснуть под их визг являлось непосильной задачей, особенно с

учетом того, что треть года ночь в Тюленьем мало чем отличалась от дня. В одном из домиков (самом неряшливом) жил холостой мужчина по имени Семен, социальный класс «Фокстрот». Но поскольку он был единственным из группы «F» его, вместо имени, обычно так и назвали – Фокстрот. На жизнь этот не амбициозный гражданин зарабатывал тем, что контролировал работу маяков, вернее контролировала их компьютерная система, а Фокстрот периодически тестировал ее, являясь, так сказать, запасным проверочным звеном. В случае неполадок ему надлежало немедленно сообщить в центральную диспетчерскую службу и ждать скайховера с техниками. Но поскольку электронная система работала без сбоев, делать ему было особо нечего и времени свободного оставалось сколько захочешь. Он его использовал с толком – все время пил и на это хобби уходили все РМ-поступления.

Утром, в день начала новой эры, в дверь домика Фокстрота постучали двое. Один – местный территориальный стражник, второй, вернее вторая – девушка с большой земли, представитель Метрополии. Она прилетела, чтобы проинспектировать, как на Тюленьем устанавливаются новые порядки.

– Фокстрот! Открывай, Фокстрот, – стражник требовательно постучал кулаком в дверь.

Ответа и вообще каких-либо шорохов и движений не последовало.

– Ушел? – предположила девушка-инспектор.

Стражник искоса смерил взглядом ее аккуратную фигурку и задал себе вопрос – а употребляет ли она спирт, как все нормальные люди? Но вслух сказал:

– Никуда он не ушел. Нажрался в мясо и дрыхнет.

Блюститель закона рванул на себя дверную ручку. С хрустом вылетел шпингалет, который держался на двух саморезах и доступ в жилище Фокстрота был предоставлен. Запах в доме представлял собой сложную композицию из перегара, аромата нестиранного белья и вони от заветренной соленой рыбы. Хозяин жилища возлежал на кровати, покрытый старым клетчатым одеялом.

Попытки привести Фокстрота в чувство не увенчались успехом. А на вопрос насчет «Кодекса» труженик ответил:

– Да мне по ….., – далее следовало крепкое выражение, от которого инспектор поморщилась.

Пришлось стражнику заполнять все самому, изредка задавая Фокстроту вопросы и получая ту же односложную реакцию.

– Я не уверена в законности того, что мы делаем, – робко заметила представитель Метрополии. – Может быть, придем

завтра в то же время?

– Это мало что нам даст, – отмахнулся стражник.

Ему сегодня нужно было отчитаться перед своим начальством – все жители Тюленьего приведены к присяге «Кодексу».

– Фокстрот, ты какую религию исповедуешь?

– Мне по….!

– Ммм… Зайдем с другой стороны. Отец и мать у тебя крещеными были?

– Да.

– Ясно. Пишем христианство, православие. Если захочешь, через месяц можешь перейти в новую веру. Понял, Фокстрот?

Гражданин дал понять ответом, что индифферентно относится к перспективе смены конфессии. В результате переконвертации РМ-баланса у Фокстрота на счете оказалось 95 баллов Добродетели. Инспекторша очень удивилась.

Когда представители власти покинули негостеприимный дом, хозяин даже не поднялся, чтобы закрыть за ними дверь. С приходом в Метрополию «Кодекса» его жизнь не изменилась ни на йоту.

Линия Моллоя. Два года и один проект спустя

Он, не спеша, помыл руки в туалете общественной столовой, высушил их под струей горячего воздуха и вышел, кинув короткий взгляд на свое отражение в зеркале. Кому–то бронзовый загар списывал несколько лет, а ему, наоборот, добавил возраста. Под глазами проступила усталая сеть морщинок. Или это от привычки напряженно всматриваться в экран, щуриться? Нужно проконсультироваться с врачом или просто почаще отдыхать. Моллой вздохнул и направился к стеклянным дверям служебного кафе. Обычно он заказывал еду прямо в свой кабинет, но сегодня ему хотелось немного побыть среди людей, послушать их разговоры, словом – отвлечься. Иногда это так необходимо. Особенно, если тебя постоянно окружают совсем иные персонажи и декорации. На входе он почти столкнулся с двумя молодыми девушками «браво». Одна пихнула свою подружку в бок и едва заметно кивнула на Моллоя. За своей спиной он услышал:

– Помнишь, ты меня спрашивала об Архитекторе? Так вот это – он и есть.

– Неужели? Такой молоденький, – удивилась вторая девушка.

– И хорошенький, – хихикнула первая.

Моллой невольно улыбнулся, поддавшись беззаботному настроению женщин. Вот и сработало – он отвлекся.

Расположившись за столиком, он заказал через

коммуникатор свой стандартный ланч: куриный салат с сельдереем, сырный крем-суп и сэндвич с яйцом. Тщательно пережевывая еду, он даже спиной чувствовал летящие со всех сторон любопытные взоры. Когда–то, поначалу, это льстило, потом раздражало, пока, наконец, его чувства не смирились на безразличии. Сегодня Моллой несколько раз сам оглядывал помещение: разноцветные лица, пестрые комбинезоны с датчиками статусов. Люди стремились поскорее принять пищу, чтобы вернуться к работе. Когда на выходе их коммуникаторы мигали зеленым, они улыбались – компания благодарила служащих за сэкономленное рабочее время подачкой в две единицы Добродетелей. Кэш-бэк, как раньше, сменилось только название и над ним появился религиозный ореол. Моллой сам когда–то снимал сливки возвратов, по крохам скапливая свое нынешнее благополучие. Вдруг его сердце заныло от жалости к этим простым служащим, да ко всем людям – впереди их ждало чудовище, о котором никто пока и понятия не имел.

«И, тем не менее, они повинны, – пронзила его голову внезапная мысль. – Мы все повинны. Наше место на третьем уровне, в Прайде, ибо наш общий грех – Гордыня. Самовосхваление обуяло род человеческий настолько, что он, позабыв о несовершенстве царств земных, вознамерился повторить высшие замыслы. Сначала мы разбили Райские парковые зоны, а теперь готовы сами себе приоткрыть двери ада. Впрочем, во все времена цивилизация стремилась построить некий аналог Эдема, Джанната или Дильмуна. Суть Рая не изменялась в конфессиях – это всегда было вознаграждением за рабскую покорность и терпение. Иначе для чего все эти удобства? Таким образом, нет ничего удивительного, что рано или поздно одна из попыток увенчалась успехом. История логично замыкает цикл».

Лифт вынес его на крышу административного здания, туда, где располагался их офис. Моллой подошел к парапету, заглянул за него. Через сто этажей внизу об остроконечные валуны разбивались океанские волны. Присмотревшись, он различил несколько маленьких радуг.

– Наслаждаешься? – сзади подошел Полди с двумя кофейными чашками и протянул Моллою одну из них.

– Взираю на буйство природы и пытаюсь понять, сколько нам еще осталось, чтобы сравняться с ней в абсолютной силе.

Полди рассмеялся:

– Сейчас или паритет, или мы уже перегнали старушку.

– Думаешь?

– Уверен. Слушай, через пару дней мы собираемся на

короткую прогулку к островам. Понуряем, поплаваем, сделаем барбекю на палубе яхты. Присоединяйтесь к нам с Лори?

– С удовольствием.

– Отлично. Сейчас скину Пауле сообщение. Она будет рада, – быстро набрав на коммуникаторе послание, Полди отхлебнул свой кофе и достал из кармана пачку сигарет. – Будешь?

– Давай, – они закурили, не обращая внимания на желтые сигналы экранов. Церковь Творца преемственно от Департамента Здравоохранения объявило войну вредной привычке.

Стряхивая пепел с балкона, Моллой спросил:

– Кстати, Лори все время спрашивает насчет перевода сюда. Ей надоело мотаться ко мне через день за три тысячи километров. Помнишь свое обещание?

– Прости дружище, совсем забыл, – виновато развел руками Полди. – Обязательно проведу запрос в ближайшие дни, – он примолк, потом осторожно спросил. – Вы еще не планируете ребенка?

– Думали об этом. Возможно, на следующий год.

– Дружище, не мое дело, конечно, но серьезно обсудите пол.

– Что ты имеешь в виду?

– Очень надеюсь, что вы захотите дочку.

– Почему? – изумился Моллой.

– Я понимаю – это все чушь, но предрассудки живучи… Твоя должность…Создатель ада. Его руководитель. И ребенок – мальчик… Всякое могут говорить, ну ты понимаешь?

– Полди, – Моллой приобнял товарища за плечи. – Вот от кого угодно, но от тебя я ничего подобного не ожидал. Творец Великий! Должность! Мальчик!

В этот момент экран Полди мигнул рубиновой вспышкой.

– Ага. Получил? В следующий раз думай, прежде чем произнести такое. Руководитель ада и его сын. Пожалуй, я не буду передавать твои слова Лори, чтобы сохранить дружбу между вами.

– Забудь, – отмахнулся Полди. – Не знаю, что на меня нашло. Слушай, ты что, совсем не нервничаешь? Через два часа официальная презентация проекта, а ты ведешь себя так, словно сегодня самый обычный день.

– Я уважаю свою работу. Твою тоже. Какой смысл дергаться, ведь мы добились результата? Кстати, как там с кадрами?

– Иса Коэн говорит, что все обучены. Ну еще бы – пятнадцать месяцев подготовки. Толстяк гордится своей сворой – отборная, говорит, шваль, хоть на выставку. Есть просто исключительные особи. Представляешь, некоторые гордятся тем, что они – демоны. Один чудик даже наколку на груди сделал.

– Коэн…Ох, не люблю я этого хитрована, – бросил Моллой. – Несмотря на все его связи с армейскими психологами.

Его коммуникатор пискнул и блеснул желтым огоньком. Недоброжелательность.

– Слушай, Полди, а можно как–нибудь отключить эти лампочки? Реально раздражают.

– Не наглей. Нужно соблюдать внешние приличия.

– Ба! Какие перемены я вижу! Кто–то еще недавно плевать хотел на реакцию «Кодекса»! – новый янтарный блеск прокомментировал изречение Моллоя.

Полди внезапно помрачнел, покрутил рано поредевшей блондинистой головой и тяжко вздохнул:

– Дело не в коммуникаторах. Кому я пытаюсь запудрить мозги? Ситуация – хуже не придумаешь. Весь последний месяц я дергаюсь, словно ежеминутно получаю сто десять вольт. Не имеет смысла скрывать – проблем с демонами у нас больше, чем крупы в защечных мешках амбарной мыши. Не зря говорят, что неприятности – это проценты, получаемые с легкомыслия.

– А еще говорят – не нужно трогать проблему, если она не трогает тебя.

– Эти неприятности уже не трогают, а настойчиво трясут за все свисающие места. Демонов, как ты знаешь, заселили несколько месяцев назад. Кого–то пришлось отсеять, остальные обжились и чувствуют себя прекрасно. Но тесты наполовину провалены. Необходимый уровень агрессии демонстрирует разве что третья часть инферналов. Большинство же вполне довольны жизнью настолько, что ухом не ведут в сторону повышения злокозненности. И это с их отвратительными рекомендациями! Вся затея повисла на волоске. Коэн заработал себе экзему на нервной почве. Теперь постоянно чешется, словно блохастая обезьяна, – Полди бросил озабоченный взгляд на свой экран, но тот не среагировал, видимо, встав в тупик по поводу витиеватого сравнения.

Моллой расчетливым щелчком отправил окурок в урну около двери.

– Вы набрали стаю бродячих собак, бросили их в лес, полный дичи, и ждете, когда домашние животные озвереют достаточно, чтобы превратиться в хищных волков. Так не бывает, мой друг, так не бывает.

– А как же нам теперь? – растерянно спросил Полди.

– Что делает демонов демонами? – вернул ему вопрос Моллой. – Хорошо. Давай попробуем по–другому. Дай определение этому слову.

– Демоны. Злобные сверхъестественные существа, – с

сомнением в голосе произнес кадровик.

– Именно, – подтвердил Моллой. – Так чего же нам не хватает?

– Слушай, дружище! Бесспорно, ты – умнейший человек из тех, кого я знаю. Но это не дает тебе права общаться со мной, как с идиотом.

– Ага, – рассмеялся Моллой. – При нашей первой встрече ты мне скидку на ум не сделал! Вернемся к инферналам. Ну как? Не улавливаешь мысль?

– Признаться, нет.

– Выход рядом! Да дайте им уже это пресловутое всемогущество! Сколько можно ходить вокруг решения? Или вы с Коэном предпочитаете опробовать Лавакрон в качестве постояльцев?

Полди горестно шморкнул носом:

– Сейчас мы были бы готовы ухватиться за любую соломинку. Но возможность упущена. Даже если мы аккуратно внесем изменения в концепцию, у нас не хватит времени, чтобы ее реализовать.

Моллой покровительственно улыбнулся:

– Пожалуй, я смогу помочь вашей беде. Вернее, перенаправить несколько технических задумок в эту область. Из тех, что держались в резерве.

Полди подскочил и от избытка чувств крепко стиснул товарища за плечи:

– Ты – спаситель! Настоящий мессия!

– Поосторожнее в выражениях.

– Да что там! Немедленно свяжусь с Коэном!

– Ни–ни. Ничего не меняйте. Пусть презентация идет, как задумано. Мы лишь скорректируем общую программу. Вы запускаете сразу два десятка сценариев. Мне удалось изучить их все. Я сделаю некоторые дополнения в управляющей системе, а ты подтвердишь их своим допуском. Вот тогда из ваших невинных птенчиков вырастут настоящие, взаправдашние отродья.

– Старик! Как я тебе благодарен!

– Кто–то обещал Лори допуск…

– Завтра же! Сегодня! – сияющий Полди кинул взгляд на часы. – Ого! Время облачаться в деловые костюмы.

– Слушай, Полди, у меня к тебе есть еще одна просьба.

– Ха–ха. Неужели одной подружки тебе мало?

– Помнишь, я просил тебя найти мне одного человека?

– М–м–м… Ты про историка? Рами, нет Реми…

– Рими.

Кадровик ада на мгновение замялся, а потом с готовностью

кивнул:

– Да, точно, Рими. Пока ничего. Обратись обычным путем в Департамент кадров. Архитектору преисподней вышлют сведения без дополнительных запросов и проволочек.

– Ты не понял, – Моллой задумчиво поправил коммуникатор на лацкане рубашки. – Я уже пытался, но все без толку. Пересмотрел тьму вариантов, но так и не нашел нужного. У меня есть предположение, что он тут, в Лавакроне. Или на подходе к нему. Твое ведомство работает с данными по грешникам и обслуживающему персоналу…

– Так какие проблемы? Это открытая для тебя информация. Ладно, помогу. Давай его иден–код.

– Полди, я не знаю его иден–кода.

– Ого.

– Дело именно в этом.

– А что ты о нем знаешь?

– Он из Венториса, как и мы с тобой. Профессия – не то историк, не то философ.

– Историк?

– Ага. Был «альфой», потом слетел в «фокстроты». Затяжной прыжок прямо в выгребную яму.

– Да ну?! – изумился Полди. – Такое бывает?!

– Бывает, – терпеливо кивнул Моллой. – Среднего роста. На вид – пятьдесят–шестьдесят лет, но возможно моложе. Его старит борода. Лысый.

– Очень куцые сведения, дружище. Плешь – весьма экзотично, сейчас немногие ее носят, но нам она мало помогает.

– Все, что знаю.

– Хорошо, попробую. Итак, что мы имеем? Рими, «фокстрот», профориентация – историк, пятьдесят лет плюс–минус, предположительно, носит бороду. Лыс. Город последнего проживания – Венторис. Так?

– Верно.

– А зачем он тебе понадобился? Ха–ха! Знаю! «Случайно, не родственники»? Угадал?

Моллой оторопело воззрился на коллегу:

– Чего? Какие родственники?

– Не прикидывайся! В сетях набирает популярность новое развлечение. Даю бесплатный, но ценный совет – держись от этой игры подальше. Департамент нравственности будет даже не штрафовать, а карать за эти шалости. Поверь мне на слово, я имею очень хороших друзей в этом заведении. Что придумали, а? Родственные связи, общность генома. Они своими псевдокровными узами подрывают устои нашего общества. Мы

будем решительно бороться с вольнодумцами.

– Полди, сетевые игры тут не причем. Я встретил Рими в вечер, когда сам стал «альфой». Не знаю, как тебе объяснить… Он был похож на человека, который прыгнул с трамплина и в полете отстегнул лыжи. Его лицо… Словно перед шагом в пропасть. Я очень хочу узнать, что с ним стало дальше. Почему–то мне кажется – он теперь среди наших подопечных. Выяснишь это для меня?

Полди скорчил скептическую гримасу:

– Попробую, – неуверенно сказал он. – Раз он тебе так небезразличен. Мы же одна команда, не правда ли?

«Правда» – мысленно поддакнул Моллой. – «Правда, как и то, что теперь я тебе должен». А вслух произнес:

– Спасибо, друг.

– Ну что, гладиаторам пора выходить на арену? Ты готов?

– Разве это вообще возможно – быть полностью готовым?

– Чертов перфекционист.

– Ох, не поминал бы ты всуе… с нашей–то работой.

Полди добродушно рассмеялся:

– Ну и кто из нас после этого склонен к суевериям?

Зал для собраний целиком пропитался мраком, лишь четырехсторонний проекционный куб в центре зала издавал слабое свечение. Презентация могла начаться в любой момент. Невидимые друг другу, там, в темноте, расположились представители всех земных Департаментов – люди, определяющие сегодня облик планеты и условия жизни для всех ее обитателей. Обремененные великой ответственностью чиновники заранее знали о дате просмотра визуализации проекта и, хотя никто из них в этом никогда бы не признался, страшились ее приближения. Этот день был призван разделить историю цивилизации на два отрезка – «до» и «после», явить миру новую точку невозврата, когда повзрослевшее человечество само начало мастерить для себя глобальные игрушки, не передавая эту функцию в ведение высших сил. Они ждали, мучились нетерпением и заранее содрогались от предстоящего. Неужели мы и вправду это сделали? Незаданный вопрос витал в плотном от всеобщего напряжения воздухе. Неужели мы создали полностью самостоятельную концепцию жизни, замкнутую на себя и учитывающую все слабости человеческой расы? Этой грандиозной задумке по плану суждено было пережить всех ее творцов, обрасти легендами и стать краеугольным камнем в дальнейшем развитии общества, тем кнутом, той навечно занесенной над головой простого человека секирой, что

вынуждает его думать, творить, работать на благо общества изо всех своих слабых сил.

Экран посветлел, из его глубины проступило худощавое лицо Моллоя. Темный зал ожил, по нему пробежала волна шорохов. Моллой дал присутствующим несколько секунд, чтобы устроиться поудобнее, и только после этого начал:

– Как главный Архитектор проекта А–Консент–Д, я приветствую всех собравшихся. К сегодняшней дате мы шли долгие десять лет, что при нынешнем развитии технологии сравнимо с вечностью. Прежде чем мы приступим к презентации, я хотел бы еще раз подвести черту под одним чрезвычайно важным вопросом – названием. В свое время я обосновал соответствующее предложение, которое было рассмотрено и утверждено всеми Департаментами. Итак, адский комплекс мы отныне называем исключительно термином «Лавакрон». Имя нашему творению дал мертвый латинский язык, и это имя символизирует омовение, очищение. Так и должно остаться в истории. Мы хотим избежать ненужных параллелей. Человек попадает в Лавакрон не в безнадежную ссылку, а на лечение. Он проходит болезненную и даже мучительную процедуру избавления от грехов для того, чтобы снова приносить обществу пользу. Возражений не имеется? Наверняка все знают, что мой мозг не подключен к нейросети, поэтому у вас по правую руку находятся коммуникаторы. Подайте мне сигнал, и я постараюсь предоставить вам слово. Чтобы не возвращаться к сказанному, вновь повторяю свой вопрос: если кто–то желает дать отвод названию, он может это сделать сейчас, – Моллой умолк.

Его лицо было абсолютно бесстрастным, даже неподвижным, как у восковой фигуры. Через несколько секунд стало ясно, что ни одно слово не прольется через край чаши молчания.

– Хорошо. Итак, мы начинаем, – образ Архитектора стремительно тускнел, а из–за его спины начали проступать бледные контуры пейзажа. Картинка набирала яркость и цвет. Вскоре перед зрителями во всей красе развернулась живописная лесная долина с высоты птичьего полета.

– Верхний ярус Лавакрона выходит к поверхности планеты на морском берегу. Иными словами, у нас за спиной океан. С остальных трех сторон комплекс окружают Райские парковые зоны, – Моллой сделал паузу, а камера в этот момент приблизилась к земле и среди изумрудной зелени стала видна идеально прямая серая нить дороги. – Это сделано не случайно. Прежде чем погрузиться в обитель скорби, грешник должен получить возможность еще раз увидеть Райский сад, чтобы острее ощутить утрату. Теперь дорога Безысходности. Я отверг все

проекты, где предлагалось украсить обочины статуями или наполнить придорожные канавы черепами. Только пепел, серая пыль и все. Никакой готики, никакого украшательства. Я не хочу на этом этапе пугать, мне нужно, чтобы человек максимально остро переживал лишь чувство утраты прекрасного мира вокруг. Привычного, уже обыденного, но внезапно – почти недостижимого. Три мили осознания. Человек станет корить себя, упрекать. Вот, чего мы хотим добиться. Причем, серая масса пепла будет взвесью стоять в воздухе, липнуть к одежде, забираться в ноздри. Оговорюсь сразу, окружающей природе не будет нанесено вреда, потому что мы предусмотрели специальные пылеуловители. Грешник идет по дороге из праха мимо сияющих красотой кущ в самое ужасное и безнадежное место на Земле. Он невольно хочет растянуть свой путь, но безжизненный тракт пролегает ровной прямой, не содержит изгибов и задержаться попросту негде. Как невозможно куда–то свернуть. Послушайте звуковое сопровождение.

Зал наполнила музыка, от которой у всех присутствующих едва не случился приступ паники. Это был тщательно подобранная композиция гармоник. В гнетущие мотивы основной темы то и дело вплетались стоны отчаяния, иногда симфония резко обрывалась, иногда проваливалась в давящий низкий регистр, иногда сквозь нее пробивались завывающие обертона. Раздалась трель звукового вызова ведущего.

– Что–то хотите добавить?

– Зельден из Департамента общественной безопасности. Хочу спросить: дорога охраняется?

– Ни в коем случае.

– А как быть с возможностью побега?

– Электрический барьер на всем протяжении. Если кто–то попытается шагнуть за обочину, он тут же получит разряд. При отказе продолжить движение, мы способны послать точечный, избирательный импульс. Не подействует это – вокруг дороги начнет клубиться ядовито–желтый туман, из которого выступит армия мертвецов. Их лики погонят вперед кого угодно – настолько они ужасны. А если даже такие эффекты не помогут – явятся младшие демоны, чтобы попросту забрать жертву и доставить ее в Лавакрон.

– Демоны прибудут по воздуху?

– Да. Портативные реактивные ранцы, закамуфлированные под ореол потусторонних сил. Фигуры посланников Инферно будет окружать темно–фиолетовое свечение. Их плащи обрабатываются специальным составом, к которому пыль не липнет. Изображения в тумане мы рисуем лазерными лучами,

которые генерируют плазму в атомах азота и кислорода воздуха. Стандартное решение. И достаточно бюджетное.

– Благодарю вас за пояснения, Архитектор.

– Двигаемся дальше. Дорога Безысходности расширяется и трансформируется в Загробную аллею. Вот тут уже уместно применение некоторого архитектурного ансамбля. Грешник достиг глубины отчаяния и самое время начать его пугать. Запущенные и забытые могильные холмики навевают мысли о тщете всего материального. Человек приближается к входу в преисподнюю, а со всех сторон словно подымается из земли и наступает кладбище. На экране вы можете наблюдать склепы, надгробные плиты некрополиса. Обратите внимание на лежащие между ними иссохшие мумии – их присутствие добавляет угнетающий эффект. Ветер гуляет посреди могил. Видите маленькие пыльные смерчи? Они смещаются прямо к аллее. Теперь запах. Разумеется, мы стремимся задействовать все возможные методы психического давления. Тщательно спланированное движение воздуха будет приносить на Загробную аллею легкие флюиды тления. Не перехватывающий дыхание смрад, а именно легкие флюиды. В первый момент человеку покажется, что он ощутил это дуновение. Оно будет то проявляться, то пропадать. Слушаю вас, советник Скьявини… Состав? Смесь крезола с индолом в легких концентрациях – аналог кишечных газов.

Хотел бы сразу объясниться по поводу превышения сметы на строительство дороги Безысходности: нам пришлось серьезно отрегулировать погоду. Согласитесь, недопустима ситуация, если над всей этой мрачностью засияет солнце или небеса вдруг разверзнутся веселым дождиком. Я осознаю глобальность потраченных средств, но дело, безусловно, того стоило: у нас теперь всегда нависающие свинцовые облака, в которых бушуют электрические разряды. Их нижний слой периодически формирует различные изображения. Грозные лики сменяются контурами отталкивающего вида существ. Все это призвано усиливать в человеке чувство безнадежности. Он продвигается по своему пути шаг за шагом, и каждый новый его отрезок оказывается мрачнее предыдущего, пока грешник не остановится перед Вратами Лавакрона. Мы предусмотрели в колонне отступников наличие специально обученных плакальщиц–завывальщиц из числа волонтеров. Своими стенаниями они еще больше будут подогревать градус всеобщей истерики, – Моллой ненадолго умолк, переводя дыхание, потом его ровный голос зазвучал снова:

– Короткая справка по шлюзовому гроту: высота створок –

двадцать восемь с половиной футов, ширина – шестнадцать ровно. Основное полотно ворот выполнено из патинированной меди с элементами ковки и литья. Над сводом вы видите выпуклый барельеф. Это изображение скарабея. Мы уступили фольклорным мотивам после специального опроса. Каждому из вас в свое время приходилось отвечать на пункты этой анкеты. Вход в Лавакрон вмурован в пятидесятиметровую скалу из базальтового порфирита. Ее, разрезанную по кускам, доставили сюда с одного из Алеутских островов и собрали заново. Порода содержит многочисленные вкрапления оливина и вулканического стекла. Так что огненный ров по контуру кургана прекрасно дополняет картину. На площадке главного входа нам пришлось использовать огнеупорный и термоизоляционный материалы, но все равно металл ворот будет горячим. Если грешники надумают прикоснуться к створкам – возможны легкие ожоги. Врата Лавакрона. Многие из вас знают, сколько проектов мы перебрали, до того, как смогли остановиться на чем–то определенном. Ведь речь шла об одном из будущих символов этой обители. Мы прогнозируем, что именно Врата станут самым употребляемым в обиходе элементом нашей рукотворной преисподней. Думаю, будет лучше, если вы без моих комментариев, исключительно на основе визуального ряда, сможете рассудить, что у нас получилось в итоге…

Все экраны куба покрылись мозаикой слайдов, а череда восклицаний зрительного зала ясно сказала Архитектору о том, что нужный эффект достигнут. Неподвижные картинки осыпались разноцветными осколками, и ожившая камера, которую словно укрепили на несущемся из поднебесья метеоре, спикировала вниз сквозь серое марево облаков, приблизилась и замерла.

Торчащие вверх острые пики были густо оплетены змеиными телами. Ядовитые зубы торчали из распахнутых пастей. На одном из кольев корчилась и извивалась в муках фигура грешника. Вдруг раздался лязг, и плотные чешуйчатые кольца провернулись, а несчастный мученик под действием своего веса еще глубже насадился на стальное древко. Ближайшие змеиные морды сомкнули пасти на его плоти и вновь отпрянули.

– У нас есть пять фиксированных позиций, которые, сменяя друг друга, оживляют орнамент. Соответственно, мы можем выпускать пять видов сувениров с изображением Врат. Коллекционеры будут стремиться собрать полный набор. Да, советник Оройо, слушаю вас! Конечно! Планируется продажа многочисленной символики Лавакрона по всей Земле. Договоренность с Департаментом «Кодекса» о бонусе в один балл Добродетели за приобретение одного образца достигнута. На

каждом из них будет стоять клеймо: «выпущено в Лавакроне», что безусловно поднимет их ценность и привлекательность для населения. Бронзовая облицовка врат, как вы можете убедиться, иллюстрирует основные человеческие грехи и способы наказания за них. Эти сувениры также поступят в продажу. Разумеется, мы предусмотрели возможность наплыва паломников. В случае критических ситуаций нам нужно несколько часов, чтобы активировать трое дополнительных ворот. В настоящий момент они скрыты слоем базальта. Каждые из них – точная копия главных Врат Лавакрона.

– А дорога останется одна?

Не реагируя на насмешливый тон чиновника, Моллой с достоинством ответил:

– Искусственный грунт некрополиса легко скатывается в рулоны, и Загробная аллея получает два ответвления. Привратники выступят регулировщиками движения. Если вопрос исчерпан, добро пожаловать на первый круг Лавакрона, советники.

С исторгнутым из самых глубин подземелья скрежетом, ворота дрогнули и начали открываться. Из черной увеличивающейся щели просочились грязно–зеленые дымные протуберанцы.

– Направленные газовые шланги пролегают в обшивке. Порция испарений неприятна для обоняния, но совершенно не токсична. Когда угол открытия Врат достигнет тридцати градусов, газ сразу перестает струиться. Итак, мы заходим внутрь Лавакрона и оказываемся на верхнем ярусе – Пургаторе, или – Чистилище, на старомодный манер. Упомянул второе название только для определенности, в дальнейшем мы будем использовать термин «Пургатор». Сразу после проникновения внутрь кающихся встречает стража саламандринов – человекообразных ящеров с четырьмя глазами. Охранники вооружены трехгранными дротиками с острым боковым шипом. Саламандрины фильтруют входящую толпу и группами направляют ее в центральный проход. Разумеется, их грозная внешность – специальные ультратонкие силиконовые маски, сохраняющие подвижную мимику. По обе стороны от главного коридора располагаются открытые печи, в которых мы будем сжигать всю одежду вновь прибывших…

– А как быть с приемной? Вы не предусмотрели там рецепцию? – раздался голос из зала.

– Не будем мыслить категориями общественных учреждений. Тут свой подход к вопросу, а демона–делопроизводителя мы с успехом заменили считывающим устройством. Младшие бесы с

хлыстами в руках принимают одежду кающихся и забрасывают ее в топки. Из открытых заслонок печей наружу рвется пламя, но оно декоративное, наш огонь не поглощает кислород и не нагревает воздух, а одежду мы уничтожаем химическим путем. Люди, помещенные в Лавакрон, попадают туда абсолютно обнаженными, ничего материального не должно связывать их с оставленным на поверхности миром. После разоблачения грешники колонной проходят по специальному каналу, наполненному коричневой жижей. Хотя она по виду и напоминает фекалии, задача состава – произвести быструю дезинфекцию тел кающихся. Жижа обладает антисептическими свойствами. Из нее периодически вырываются гейзеры пара, а иногда показываются руки и пальцы якобы утопленников. После бассейна с экскрементами толпа продвигается по каналу с чистой водой, где бьющие со дна струи омывают тела падших… У вас есть вопрос?

– Советник Омобоно из Департамента нравственности. Вы упомянули, что грешники будут полностью обнажены. И мужчины, и женщины. Они невольно могут касаться друг друга телами. Вы предвидели возможность сексуальных контактов?

Глаза Моллоя заискрились смехом, но Архитектор быстро подавил в себе приступ веселья:

– Уважаемый советник, если в том состоянии, в котором они будут находиться, кто–то сможет физиологически среагировать на присутствие представителей противоположного пола, настоятельно рекомендую взять этого человека и отправить в космос. Или еще куда–то в место, где требуются предельная психологическая устойчивость, природная смелость и презрение к смерти. Такие кадры там пригодятся. Я ответил на ваш вопрос? Хорошо, двигаемся дальше. Лишенные одежды и помытые неофиты в колонну по одному должны пройти шестьдесят шесть шагов по горячим металлическим плитам. Обратите внимание, как поток рассекается на множество мелких ручейков мраморными волнорезами. Стальные пластины пола соединены с мощным диагностическим процессором. На этой стадии мы хотим выявить людей, которым необходима срочная медицинская помощь или дополнительное обследование. После этого грешники получают у бесов рубища и могут быть препровождены в свои одиночные кельи на ночь Плача. Их психике предстоит новое серьезное испытание: в последние восемь часов по хронометру включается максимальное акустическое воздействие. Со всех сторон будут нестись крики и стоны невидимых жертв мучений, пол превратится в настоящую автостраду для мокриц, фаланг, крыс и змей. Спрятанные в стенах динамики будут

нашептывать слова о раскаянии и перечислять прегрешения именно данного отступника. Как вы уже, наверное, догадались, техническое решение проблемы оказалось несложным: специальный регистратор идентифицирует личность, затем данные передаются в информационный процессор, формируется структура беседы, а дальше голосовой модулятор ее воспроизводит. Грешник получает возможность вести полноценный диалог со стенами своей камеры.

– Простите, гражданин Архитектор. Такой мощный психологический пресс может оказаться чрезмерным. Вы не боитесь, что перепугаете их до седины или окончательного помешательства? Если не до смерти от остановки сердца!

– Благодарю вас за вашу реплику, советник Эйхбаум. Мне понятна озабоченность Департамента здравоохранения, – Моллой замолчал, его зрачки сузились, словно он пытался подавить приступ гнева. – Я очень надеюсь, что эта ночь станет для многих единственной в Лавакроне. Мы будем ежесекундно фиксировать состояние своих подопечных. В случае критической ситуации каждый из них получит необходимую медицинскую помощь. Мы прогнозируем, что не менее сорока процентов отступников на следующий день можно будет спокойно отпустить домой. Они за сутки очистятся, раскаются и запомнят свое пребывание в Лавакроне на всю оставшуюся жизнь. Для прошедших испытание предусмотрен другой обратный путь. Он пролегает на поверхность через подземный лабиринт, где будут выставлены орудия для пыток, изобретенные нашей цивилизацией за весь период ее существования. Каждая модель в действующем состоянии, на некоторые мы поместим муляжи тел. Грешник должен увидеть, чего ему удалось избежать, прежде чем его легкие вдохнут чистый воздух Земли. Я вижу сигнал от советника Зельдена из Департамента безопасности. Вас интересует возможность рецидива, не так ли? Я угадал? Ага! Так вот – в случае рецидива преступник автоматически попадает сквозь Пургатор сразу на третий круг Лавакрона. Без права амнистии. Вы удовлетворены ответом? Хорошо. Но вернемся пока в Чистилище, мы еще с ним не закончили. По сути, оно является гигантским заводом. Тут размещается реакторное ядро, опреснительные станции, биохимический комплекс, сюда выходят стволы вентиляционных шахт. Здесь же расположены многочисленные вспомогательные службы Лавакрона. Территория Пургатора выполнена в форме шестиконечной звезды, и в каждом луче сосредоточен один из видов деятельности подземного комбината. Проходы являют собой сложный лабиринт, миновать который можно только с

электронным навигатором или следуя за маршрутным болотным огоньком. Некоторые ключевые переходы снабжены системой гидравлических рычагов, что позволяет изменять их положение. Так что запомнить путь из одной точки в другую практически нереально. Высота сводов достигает ста футов. Взгляните на карту, – на экране высветилась разветвленная схема первого круга Лавакрона. – Джариб Заблудших душ снабжен уникальной эхолокацией – каждое сказанное слово тут возвращается к человеку тысячекратно отраженным. В прилегающих к нему коридорах можно встретить эдусов – гуманоидных созданий с обрезанными по пояс телами. Они передвигаются на руках. Кожа эдусов бледного цвета с трупными пятнами, глаза и рот находятся посередине груди, нос и губы отсутствуют. Поскольку каждый из них является биоорганическим механизмом, то поблизости всегда будет находиться кто–то из бесов, чтобы не допустить порчи оборудования грешниками. На приближение последних эдусы запрограммированы реагировать рычанием и оскаливать пасть. На потолке Годекана Жадности, который вы сейчас наблюдаете на своих экранах, обитают несколько десятков тысяч летучих мышей. По большей части, натуральных, но среди них для колорита летают и наши механические саблезубые нетопыри. Общая площадь Пургатора – более четырехсот квадратных миль. Он готов одномоментно принять около трехсот тысяч кающихся. Количество обслуживающего персонала – две тысячи шестьсот человек. В дальнейшем мы планируем активно вербовать кадры из числа грешников, ступивших на путь исправления. Средняя длительность пребывания отступников в Пургаторе не лимитирована, но стандартный срок по прогнозам будет составлять от трех до шести месяцев. Само собой, я имею в виду тех, кого мы не отпустим сразу. Кроме непременных бдений и покаяний, люди тут обязаны напряженно трудиться. На благо всего Лавакрона, а также выпуская тысячи видов сувенирной продукции, о которой было упомянуто ранее. Я уверен, что среди присутствующих немало инженеров, которые сейчас пытаются прикинуть – велика ли надежность перекрытий многопустотной конструкции, какой у нее запас прочности, – Архитектор позволил себе слабую улыбку. – Хочу успокоить и одновременно разочаровать вас: мы применили очень простое решение. Лавакрон расположен уступом. Основная нагрузка придется на Пургатор, а он является по отношению к остальными уровнями верхней ступенькой, – Моллой умолк, темный зал наполнился электрическим светом. – Теперь, согласно регламенту, небольшой технический перерыв, а потом мы продолжим путешествие внутрь кругов Лавакрона.

Пока работники Зала для Совещаний снабжали гостей холодной минералкой и сэндвичами, Моллой успел перевести дух. Прочитал текстовое сообщение от Полди: «Дружище, все идет, как надо. Старые хрычи просто визжат от восторга».

Через десяток минут зал вновь постепенно погрузился во мрак.

– Отдохнули? Прекрасно. Следующий ярус – Инфиделити. Здесь мы впервые применили в Лавакроне аналог земного светила. Розетта из прожекторов двигается по нашему подобию небосклона и регулирует суточный цикл. В Пургаторе, напомню, были использованы стандартные децентрализованные источники света. Глубина второго круга – двести футов. Если первый ярус больше походит на муравейник, или, если хотите – улей, то Инфиделити напоминает безжизненную, каменистую равнину. Сюда планируется направлять асоциальных типов, что не понимают всех благ коллективного труда. Именно в изоляции они должны осознать ценность человеческого общения и тепла, которое оно дает. Я упомянул про тепло не случайно. Инфиделити – стылая пустыня. Там постоянно гуляет холодный ветер, а иногда мы будем его усиливать до настоящего шквала. Грешники вынуждены спасаться в норах, вмещающих одного человека. Эти землянки по ночам будут протапливаться. Кроме того, в темное время суток по равнинам Инфиделити бродят чудовища, – Моллой сделал паузу, чтобы дождаться нужных кадров. – Вот, элигеры. Захватчики. Они величиной с африканского слона и выглядят, как слон, которому отрубили хобот и уши, а на шею надели жабо из острых костяных спиц. Морды элигеров украшены светящимися в темноте разводами на основе фосфорной краски. При ходьбе они издают высокие горловые звуки. Персекуторы – копытные с мумифицированными человеческими ликами. Их кожу покрывает чешуйчатая броня. Эти животные запрограммированы агрессивно реагировать на присутствие человека. Они могут подскочить, толкнуть, но никаких слишком серьезных увечий грешники не получат. Задача персекуторов – разогнать людей по своим норам с наступлением темноты.

– А в чем воспитательная функция Инфиделити?

– Спасибо за вопрос, советник Квятек. По самому центру уровня возвышается Кратер. Это огненный холм, по его склонам в специальных руслах струятся потоки лавы. Он полый внутри, а склоны испещрены проходами. В Кратере тепло и достаточно места, чтобы разместиться всем грешникам. Но лишь искупившие свою вину могут быть приняты в Кратер. За отбором наблюдают младшие демоны. Здесь, кстати, мы впервые сталкиваемся с их

влиянием. Люди будут мечтать о Кратере, о возможности находиться в компании себе подобных. Идет прямая ассоциативная цепочка: «люди – общество – тепло». И здесь место в коллективе становится привилегией.

– Благодарю вас, Архитектор. Мне ясен ход ваших мыслей.

– В таком случае опускаемся ниже, в Прайд. Сюда отправляются рецидивисты–грешники, люди, отринувшие путь исправления. Они попадают в самое настоящее Инферно, знакомое по историческим гравюрам художников средневековья. Этажом выше огонь – спаситель, в Прайде же он – бич и бедствие. По потолку уровня стелются плотные клубы серных испарений (ниже их без остатка втягивают воздухозаборники), пылают горны, гейзеры выбрасывают в свод струи кипящей воды и пара.

– Не слишком ли экстремально? – раздался полный сомнения голос.

– Мы будем тщательно отслеживать ситуацию, на Прайд выделено сорок бригад реаниматологов в постоянное дежурство. Не забывайте, мы имеем дело с нарушителями, которые осознанно пошли против системы. Здесь стоит серьезно браться за проблему. Еще одна особенность Прайда – два подъяруса, так сказать, нижние этажи. Если наверху бушует огонь, то подземелье представляет собой равнину из тысяч валунов и каменных глыб, образующих катакомбы и разветвленные пещеры. В них можно будет укрыться от зноя, там же устроят свои обиталища демоны – постоянный состав Прайда. Их количество в круге максимальное по Лавакрону, как максимальная же степень угнетения грешников. Демоны по причине своей гипертерриториальности и конкуренции за лучшие земли неизбежно начнут враждовать между собой. Они постепенно собьются в кланы, и в Прайде разгорятся настоящие войны. Наши ставленники будут стремиться вербовать себе армии из числа грешников и принуждать их биться за собственные интересы. Через эту повинность мы воспитаем отвращение к насилию…

– Да они там поубивают друг друга!

– Советник Эйхбаум, у нас был четкий запрос от армии – устроить рецидивистам полноценный тест на агрессию, – отчеканил Моллой. – Не имитацию, не ментальное воздействие, а настоящий динамический квест. По его итогам будут выявлены три группы грешников: люди, которым претит насилие, личности с явными аберрациями психики и индивидуумы, охотно принимающие жесткие правила игры. Первые уходят наверх, в Инфиделити, со вторыми занимается медицина, третьи поступают в распоряжение армии. Травмы и даже жертвы неизбежны. Показатель смертности по нашим прогнозам будет составлять не

более половины процента, но он – будет. Другими способами такую задачу не решить.

Всеобщее молчание охватило зал. «Интересно, сколько из них спрашивают сейчас себя – а не слишком ли далеко мы зашли?» – подумал Моллой, выдерживая паузу для пущего эффекта. – «Очень далеко, коллеги. Может быть, даже слишком далеко!». На экранах меж тем сменялись картинки Прайда в разных его уголках. Распадки Ярости сверкали бликами кварцевых жил, Джабель Мести сиял невероятно скользким от застывшей магмы хребтом, Альтамира Крови булькала каолином грязевых гейзеров, пылающий Флегетон катил свои темные воды.

– Скалистый серпантин перехода ведет нас в Стимоний, четвертый круг Лавакрона. Этот замкнутый на себя мир мы задумали, как антагонист знойному Прайду. Трехсотмильная чаша Стимония до краев наполнена водой. Из–за его слишком большого совокупного веса на следующем ярусе нам вновь пришлось вернуться к технологии ступеней.

– То есть нижние уровни находятся в стороне от основного колодца Лавакрона?

– Не совсем так, советник Омобоно. Это Стимоний расположен сбоку, а остальные круги вертикальны по отношению друг к другу. Глубина четвертого яруса – более двухсот восьмидесяти футов. Суши нет. Только водная гладь. Над поверхностью озера перемещаются несколько сотен искусственных летающих островов. Некоторые – значительны по размеру. В водоеме Стимония присутствуют сильные течения, но есть и заболоченные участки. Рельеф дна неоднородный с множеством рифов и пещер, где имеются пустоты с пополняемыми воздушными пазухами. Теоретически они вполне пригодны для жизни. Вся система биогеоценоза скопирована с типичного австралийского Билабонга. У нас там обитают аллигаторы, змеи и даже пресноводные акулы. Мы прорыли к океану специальный тоннель, его же посредством осуществляется рециркуляция жидкости. Нет, нет, воду предварительно прогоняют через опреснительные установки, и она может использоваться для питья. Стимоний отдан в полное ведение армии, сюда решено помещать рекрутов для жесткой тренировки навыков выживания. Кроме того, мы планируем направлять туда особенно враждебных типов с верхних уровней на перевоспитание.

– Сколько из них утонет? Течения, гроты, аллигаторы и акулы! Там вообще реально будет выжить?

– Реально, советник Эйхбаум. Мы проверили уровень на добровольцах. Из десяти человек едва не потеряли двоих.

Пришлось оказывать помощь. При значительной заселенности яруса, наши спасатели, конечно, не смогут выручить каждого попавшего в беду. Мы никуда не уйдем от потерь состава. Но именно таковы были мои внешние установки. Проверьте файлы технического задания для четвертого круга. А теперь небольшой видеосюжет про Стимоний.

Моллой отвалился от своего компьютера, достал сигарету и закурил, не обращая внимания на желтые сигналы коммуникатора. Десять минут они будут наблюдать вихри водоворотов, акульи плавники, режущие озерную гладь, водосвинок и утконосов, что спасаются на топляках от зубов гребнистых крокодилов. Потом рассказ о трех последних кругах, введение в демонологию, пресс–конференция и фуршет. На этом все. Закончится его двухлетний марафон вглубь темной стороны собственной личности и извлечение из нее жутких картин, которые современная технология воплотила в реальность. Он использовал для вдохновения средневековые гравюры, мифологические сказания и рисунки полусумасшедших художников. Теперь эти кошмарные сны заключены в кубе Лавакрона. И пребудут с человечеством навеки. Цивилизация строила свое здание, развивалась, гордилась собой, а потом взяла и создала себе чудовище на погибель. Или во спасение? Моллой синхронизировал таймер с фильмом на экране, встал из–за рабочего стола и подошел к окну. Море по–прежнему бросало волны на прибрежные скалы. Необузданное и все равно прекрасное, как и все, что создавала природа. А через десять миль монорельсовых нервов уже жило своей судьбой возведенное человечеством доказательство собственной неполноценности. Лавакрон. Его, Моллоя, главное произведение в жизни. От этой мысли ему захотелось распахнуть окно, вылезть на подоконник и ринуться туда, в прохладу ветреного вечера, навстречу мокрым и острым камням.

«Спасибо тебе, Проектировщик. Мой единственный советчик, мой наставник, – с благодарностью подумал Моллой. – Сколько из того, что создано, было моим, а сколько твоим? Теперь уже никто не разберется. Как жаль, что нам не пришлось встретиться и посмотреть друг другу в глаза. Что бы мы увидели в них? Участие, поддержку или сострадание? Только я и ты знаем Лавакрон до конца. Только мы вдвоем можем оценить масштаб подземного мира, уже засыпанного слоем грунта и почвы, на котором теперь зеленеют пересаженные вековые деревья. Что сказали бы эти надменные чиновники из столичных Департаментов, если бы смогли узреть не мое постановочное представление, а оценить истинный масштаб Лавакрона? Нет. Эта

тайна будет сокрыта от всех. Что–то станет преданием, что–то превратится в слухи, обрастет мифами, а что–то навеки останется похороненным под толщей земли. И спрячется там, надежно упакованное в могущество человеческой технологии. С умными компьютерными системами в качестве пастырей».

Проектировщик. Все двадцать четыре месяца работы Моллой осторожно пытался разузнать что–то о его таинственной личности. Тщательно продумывал вопросы, делал аккуратный прокол в мыльном пузыре секретности и ждал следующего удобного случая. Что удалось выяснить? Ни–че–го. Из ныне работающего персонала не было никого, кто застал время основания Лавакрона. Не удалось разыскать специалистов, которые откапывали котлован, закладывали фундамент. Их сменили новые профессионалы, такие же, как сам Моллой. В поисках новых сведений пришлось обратиться даже к насмешливому и ироничному Полди. За зеркалом его самоуверенности скрывалось полное неведение, хвастливая напористость и убежденность в собственную исключительную судьбу.

– Творцу недостаточно нахождения в общей нейросети. Теперь высшей силе потребовалось более материальное присутствие на планете, – так отшутился Полди в ответ на предположение Моллоя, что за проектом стоял кто–то неведомый.

– Разве ему не хватает Райских парковых зон?

– Ха. В них мы собираемся совместно отдыхать. А работать придется в Лавакроне.

– С чем работать?

– Как с чем? С людским сознанием, конечно! А ты что думал?!

Бедняга Полди. «Если бы ты знал, если бы я мог сказать», – беззвучно прошептал Моллой и усмехнулся: «У царя Мидаса ослиные уши. У царя Мидаса ослиные уши. Мне придется применить технологию раба из притчи и тоже вырыть свою ямку в песке».

Трель таймера вернула его на привычное место за компьютером. Моллой прочистил горло и вновь вошел в сто раз отрепетированную роль:

– Следующие три круга: Атернум, Сарварий и Эпрон. Некоторые из моих коллег считают, что именно здесь начинается истинный Лавакрон – темный, безнадежный. Сюда попадают закоренелые грешники. Людям дали шанс на очищение Пургатором, подтолкнули на праведный путь Инфиделити, строго предупредили Прайдом, наказали Стимонием, но все без толку. И теперь их ждут глубинные ярусы Лавакрона, откуда очень тяжело

снова вырваться на поверхность. После опасного озерного уровня грешники проваливаются в безводную пустыню Атернума. Светило, которое мы перемещаем по небосклону Атернума – главный враг, любая тень – спасение. Чтобы добраться до воды, узникам пятого круга нужно выкопать глубокую яму в мелком сухом песке. В воздухе Атернума кружат тучи насекомых. Нам пришлось использовать ветродуи, чтобы защитить свое светило от них, но все равно раз в сутки на несколько часов солнце Атернума будет выключаться на профилактику. Это единственная прохлада, которая имеется в этом мире. Хочу обратить ваше внимание на то, что демоны низших кругов Лавакрона облечены совсем иными полномочиями, чем инферналы первых четырех уровней. Если наверху они – угнетающий фактор для паломников, то здесь, у самого дна преисподней, демоны – блюстители порядка, а иногда и единственный шанс получить помощь. После обжигающего зноя Атернума мы попадаем в кромешную темноту Сарвария. Свет здесь встречается крайне редко и не все его отблески несут надежду. На шестом круге сосредоточены все наши биоорганические питомцы. Кроме видов Инфиделити, тут попадается немало эндемиков, то есть – уникальных созданий шестого уровня.

Из темноты видеоряда появились размытые очертания крупного силуэта, а потом к экрану резко прильнула отвратительная морда чудовища. Посреди безглазого плоского рыла зиял рваный провал рта. Голову, и без того омерзительную, еще больше уродовали ниспадающие кожистые складки. Зал охнул, а Моллой улыбнулся, представив, как вжались в спинки кресел члены высокой комиссии.

– Это – Дессикант. Сушитель. Он выслеживает жертву.

– И убивает? – выкрикнул испуганный голос.

– Нет. Просто выслеживает. И периодически появляется в поле зрения. Поверьте, этого красавца будет достаточно, чтобы привести любого буяна в чувство глубокого смирения. Посмотрите бестиарий уровня. Это Инвадеры. Они подкрадываются во мраке и похищают ваши вещи и припасы. Этакие маленькие воришки. Сектисы снабжены острыми, как иголки, коготками и могут наносить легкие царапины. Неопасные, даже практически неощутимые, но весьма болезненные, поскольку в кровь грешника при контакте впрыскивается специальный реагент. Сквиззы способны обмотаться вокруг ваших конечностей так, что вы не двинетесь с места, пока от них не избавитесь. А их тела защищены толстым и эластичным слоем кожи. Очень прочным – не каждый нож возьмет. Лейтмотив Сарвария – ночной кошмар, где мгла вокруг

таит оживший ужас ваших снов, и каждый новый день приносит испытания.

Мрачен шестой уровень, но Эпрон гораздо страшнее, потому что там вы погружаетесь в пустоту. Седьмой круг – это ничто. Здесь нет жутких монстров, лавовых потоков, скальных лабиринтов. Нет ничего. Кроме многоголосого эха и белого плотного тумана, в котором сложно различить даже собственные руки. Эпрон – дно глубокой чашки, куда со звоном падает капля. Цивилизация боролась за личность, воспитывала ее, но потом истощила аргументы и оставила человека наедине с собой. Грешники, достигшие Эпрона, безнадежны. Общество в долготерпении своего гуманизма сохранило им жизнь, но решительно отказалось дальше иметь с ними дело. Таков седьмой круг нашей преисподней, и нет на Земле более безысходного места, – в слова Моллоя вплелась унылая мелодия, музыка отчаяния и одиночества. Именно она завершила показ. Экраны медленно заволокло молоком эпроновского тумана, и они погасли. А Зал для Совещаний, наоборот, осветился ярким центральным светом. Люди заерзали на своих сиденьях, они бросали по сторонам взгляды, в которых читалось облегчение. Они здесь, среди своих, а не там – в пропасти безумной фантазии назначенного ими Архитектора.

– После небольшого кофе–брейка приглашаю всех присутствующих в наш пресс–центр. Сначала будет закрытая конференция, затем мы допустим туда медиа–журналистов. Спасибо всем за внимание, – голос Моллоя заглушили аплодисменты.

Архитектор Лавакрона выключил экран, и его лицо неожиданно разрезала презрительная усмешка. Моллой встал, размял затекшие мышцы и быстрым шагом вышел из своего кабинета.

Пресс–конференция пронеслась стремительно. У Архитектора нашлись четкие ответы на все поставленные вопросы. Еще бы, не один вечер Моллой провел, пытаясь предугадать, что именно придет в голову великомудрым представителям Департаментов. К тому же, они уже устали. Чиновники жаждали ужина и прохладительных напитков.

– Сколько грешников вы можете принять одномоментно?

– Лавакрон рассчитан на восемьсот тысяч паломников. При условии ежедневной ротации его за год могут посетить более ста миллионов человек. То есть, каждый пятидесятый из нынешнего населения Земли.

По залу пробежал восхищенный вздох. Раздались даже легкие хлопки.

– Как решена проблема снабжения грешников питьем и едой?

– Советник Эйхбаум, в вашем лице я благодарю Департамент Здравоохранения за заботу о наших заблудших душах. В Прайде мы ежедневно раздаем пищевые рационы, куда входит суточная норма жидкости. То же самое происходит и на нижних кругах. Кроме того, у кающихся появляется возможность самим добывать себе пропитание. В Лавакроне протекают три реки – Ахерон, Флегетон и Дита. Они низвергаются водопадом на нижние ярусы…

– То есть, грешники могут спрыгнуть вниз?

– Вы полагаете, что в этом есть смысл, советник Зельден? Чем ниже – тем хуже! И каждый из грешников будет об этом прекрасно осведомлен. А если речь пойдет о спасении человека, например, от врагов, то кто же станет возражать? Перемещения паломников будут отслеживаться нашим процессором. Их рубища снабжены арфидами – радиочастотными маячками. Если данное лицо потребуется нам на верхнем круге, мы немедленно его вернем. Возвратимся к еде. Пресные и пригодные для питья воды рек наполнены рыбой, которую можно поймать. Также на уровни ежедневно будут выпускаться тысячи кроликов из нашего комплекса воспроизведения, что расположен в Пургаторе. У нас ни один человек не погибнет голодной смертью. Это просто невозможно. Но и цели накормить всех до переедания также не стоит. Вы ведь не забыли о сути предназначения Лавакрона, верно? Чувство голода – инструмент не хуже прочих. Гораздо острее обстоит проблема с огнем, поскольку дров в подземном мире нет, а рубить или ломать растения грешникам будет строжайше запрещено. Мы организовали пункты раздачи сухого топлива на тех ярусах, где это необходимо, – с этими словами Моллой извлек из своего реглана круглую широкую таблетку белого цвета. – На этом брикете можно вскипятить кружку воды, на трех таких – зажарить рыбу или кусок мяса. Каждый десятый набор содержит многоразовую зажигалку. Особое внимание пришлось уделить уборке мусора и нечистот. Для этого на уровни мы ежесуточно выпускаем несколько тысяч роботов–ассенизаторов. За их исправностью будет следить централизованная сервисная служба. Она же отвечает за регенерацию рельефа.

– Советник Омобоно. Как вы собираетесь регулировать состав по количеству особей женского и мужского пола?

Щека Моллоя невольно дернулась от эпитета, который применил чиновник из нравственного надзора. Он несколько секунд помолчал, потом спокойно выдал ответ:

– Любая попытка регулирования является нарушением наших

канонов. Или вы хотите применить в отношении женщин специальные отягчающие поправки, если их численность на нижних кругах станет меньшей, чем численность мужчин? Хочу напомнить, что именно Департамент нравственности разрабатывал основы Кодекса. Перечислял грехи, их степени и время искупления. К счастью, по прогнозам аналитиков, на первых трех кругах у нас не будет проблем с доминированием одного пола над другим. Ниже – ситуация иная, но последние ярусы – ярусы возмездия, а не воспитания. Я ответил на ваш вопрос? – почти брезгливо закончил Архитектор.

– Не совсем. Как быть с интимной жизнью кающихся?

– Они – люди. Оступившиеся, но все же, люди. А значит, имеют такие же чувства и желания, что и мы с вами. Не вижу смысла вводить в Лавакроне табу на секс.

– То есть, они у вас там развлекаться будут вместо замаливания грехов…

– Давайте определимся в терминах, советник Омобоно. Лавакрон нужен, чтобы исправить в человеке психологические отклонения. Те, что мешают ему быть нормальной единицей социума. И ни для чего другого. Мы подвергаем его испытаниям, как от внешних физических факторов, так и на ментальном уровне. Но мы не запрещаем людям то, что происходит независимо от их желания. Хотите вы или нет – грешники будут дышать, пить, принимать пищу, отправлять естественные надобности, говорить. И испытывать влечение к противоположному полу. Это – нормально. Для вас, надеюсь, тоже?

Зал солидных людей взорвался злорадным хохотом. «Видимо, я чего–то о нем не знаю», – нахмурился Моллой и тут же укорил себя за слабую подготовку к вопросам. Не желая упускать инициативу, он тут же продолжил:

– Однако каждой женщине на входе придется пройти фармацевтическое вмешательство для предотвращения беременности. Срок действия препарата – три месяца, после процедуру необходимо будет повторить. Арфиды проследят за этим. В случае сбоя системы все помещенные в Лавакрон автоматически лишаются права на воспитание потомства. Если дети будут – о них позаботится государство. Как и о женщине, срок пребывания которой в Лавакроне прерывается на вынашивание ребенка. Потом она вернется обратно.

– Вопрос о покаянии!

– Слушаю вас, советник Квятек.

– Сроки, которые устанавливаются грешникам, очень размыты. Грехи известны, но нет четкой градации их искупления.

Кодекс Метрополии насчитал гражданину триста баллов в покаяние и что дальше? Сколько нужно усилий, чтобы их отмолить? Где этот пресловутый «Кодекс Лавакрона» и как с ним можно ознакомиться?

Попадание. Моллой вздрогнул. Такого выпада его сценарий не предусматривал. Придется импровизировать.

– Все земные законы умолкают в миг, когда человек переступает Врата. Это общеизвестно. Дальше его судьба и жизнь в руках Творца. Лавакрон – отдельная от Земли Вселенная, не подвластная ее юрисдикции. Никто с поверхности не поможет грешнику, его не спасет ни высокое положение, ни прежние заслуги. Такова концепция. Постепенно, не сразу, мы создадим структуру с полной саморегуляцией. Мы специально не публиковали «Кодекс Лавакрона», чтобы окружить наш подземный мир ореолом таинственности. Грешник имеет лишь общие представления о сроке своего пребывания – он будет вынужден активно искать способ смягчить систему, чтобы вырваться оттуда. Мы развязываем себе руки относительно социопатов, людей, которых общество отвергло, и не желает принимать обратно. Только опыт, практика, статистика по сотням параметров помогут нам окончательно сформировать свод законов. Наше нежелание торопиться понято и одобрено специальной Ассамблеей и лично Гегемоном. «Кодекс Лавакрона» обязательно будет, он грядет и все окончательно расставит по местам. Его сроки приближаются. Я советую всем просто набраться терпения…

Почти прерывая Моллоя, просигналил следующий вопрос. В нем была помощь, стремление увести разговор от опасной черты. Те, кто был близок к избранному кругу власти, молчали. Они сами проголосовали за это.

– Советник Штилике. Департамент кадровой политики. Какова общая численность обслуживающего персонала и сколько у нас демонов?

– Непосредственно в Лавакроне работает более семи тысяч человек. Если говорить о смежных структурах, то эта цифра увеличивается в десять раз. Армия выделила нам около тысячи военных для охраны. Теперь демоны. О них подробней расскажет мой коллега, который разрабатывал сценарии их поведения, иерархию и локации обитания. Если ко мне больше вопросов нет, то позвольте поблагодарить вас за внимание и откланяться…

– Погодите, Архитектор, – с места поднялся молодой широкоплечий парень с дерзким лицом. – Лавакрон еще не открыт, а его силуэт уже обрастает свежими мифами… Ходят слухи о секретных уровнях под семью основными, об огромных

подземных территориях, занятых непонятно чем, о таинственном первом Архитекторе, стоявшем у истоков проекта… Вы сможете прокомментировать эти россказни? И правда ли то, что Лавакрон в три раза больше, чем вы захотели нам показать?

Моллой ответил без всякой паузы и с широкой улыбкой на лице:

– Ну, что тут ответишь… Глас народа – глас Творца. Действительно, если сложить все фабрики, заводы и лаборатории, которые работают на Лавакрон, прибавить энергетическое ядро, опреснительные установки, трубы воздуховодов и канализацию – получится как раз такое соотношение. А если не забыть транспортный парк, жилые корпуса для служащих, аэродромы и фильтрационные учреждения для прибывающих грешников, то три к одному – это скромно. Реальная цифра – пять к одному.

Его губы произносили слова, а глаза сканировали лица советников в зале. От него не укрылось лезвие взгляда, которым Зельден полоснул незнакомого выскочку. «Ты знаешь, – подумал Моллой. – Ты все знаешь». А вслух произнес:

– Надеюсь, что увиденное здесь оправдало ваши ожидания. Это очень важно для всей команды строителей Лавакрона, ведь мы проделали огромный труд…

В ответ ему плеснули набирающие силу овации. Чиновники тяжело подымались со своих мест, чтобы лично выразить Архитектору уважение его гению, а кто–то громко закричал:

– Браво!

Так, без лишней помпы, несмотря на высокие технологии, а быть может и благодаря им, Земля вступила в эпоху теократии. Произошло невозможное. Или возможное? В любом случае, теперь у граждан был Рай и ад. И бесконечная мощь Системы для осуществления тотального контроля за грехами и Добродетелями.